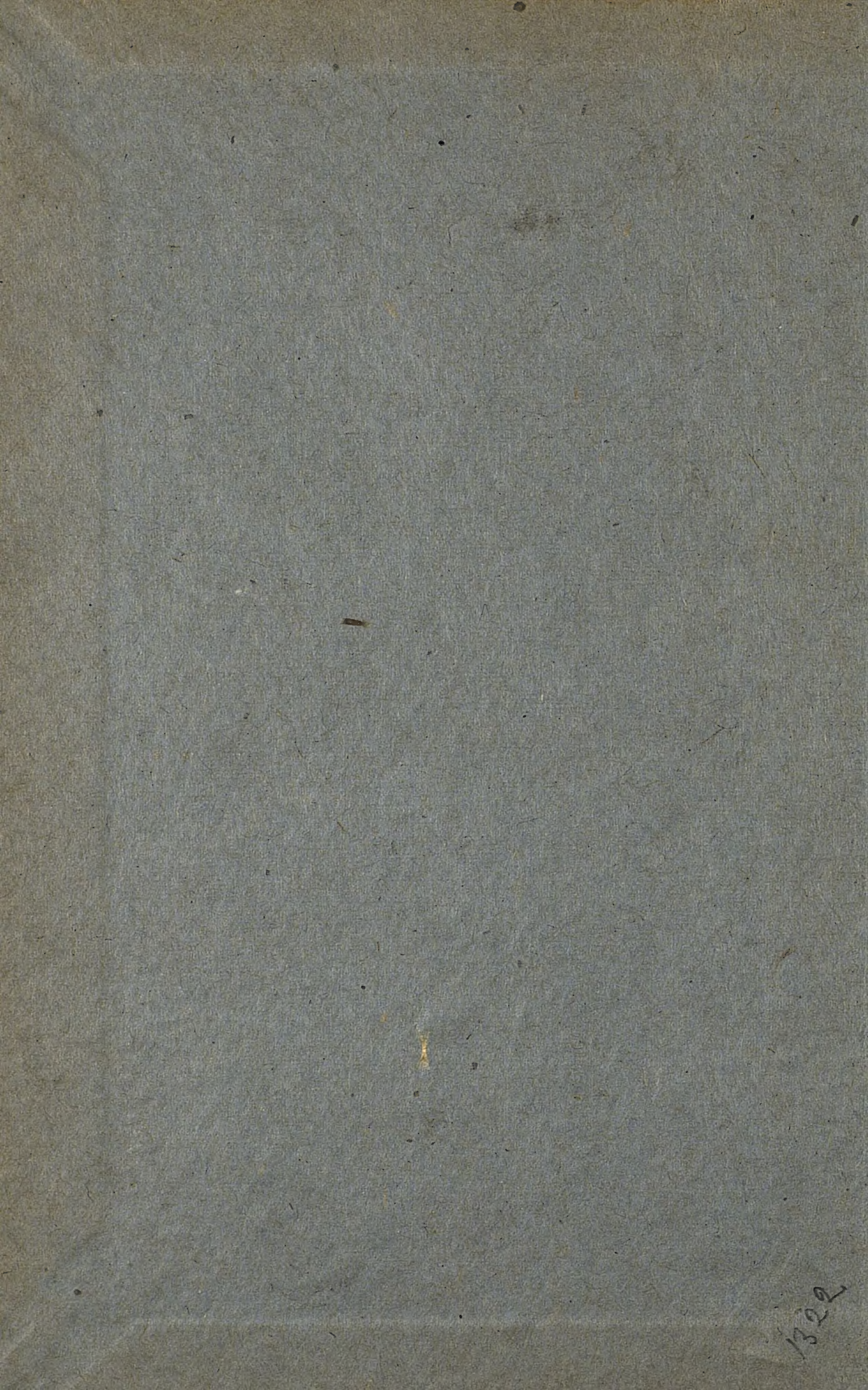
Деникин

ФРАНЦУЗЫ В ОДЕССЕ

ИЗ БЕЛЫХ МЕМУАРОВ

ИЗД-ВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА"

1322

ФРАНЦУЗЫ В ОДЕССЕ

ИЗ БЕЛЫХ МЕМУАРОВ

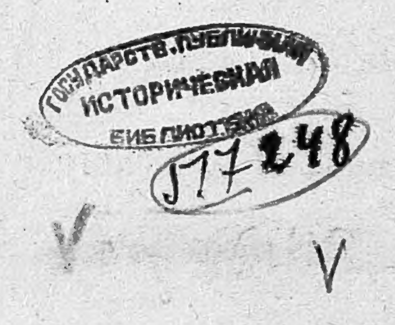
Ген. А. И. Деникин
М. С. Маргулиес
М. В. Брайкевич

Редакция П. Е. ЩЕГОЛЕВА

Предисловие Р. АРСКОГО

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
ЛЕНИНГРАД — 1928

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО
ЛЕНИНГРАД
Фонтанка, 57

Ленинградский Областлит № 8582. Заказ № 2798. Тираж 10000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Выпускаемая книга представляет собрание отрывков из воспоминаний трех авторов, отрывков, объединенных общей идеей. Это — эпопея французской интервенции на юге России, описание попыток захватить этот район, упрочить его за собой, договорившись с Добровольческой армией о способах совместной власти и диктатуры над рабочими и крестьянами.

Три различных автора с различным миропониманием, с различными стремлениями и, пожалуй, даже различной идеологией говорят об одном и том же, — о французской интервенции и о крушении ее в силу ряда объективных причин.

Крупнейшие политические события, происходившие в России в 1917 — 1918 годы, несомненно, привлекали самое серьезное внимание со стороны иностранных буржуазных правительств. Очень крупные денежно-материальные интересы были заложены в богатствах нашей страны. Именно потому иностранцы не могли спокойно смотреть на то, как развертываются события. Крупнейшие английские капиталы были вложены в нефтяную и медную промышленность Кавказа; французы заинтересованы были в том, чтобы как можно скорее вернуть себе металлургическую и угольную промышленность Донбасса, куда было вложено много сотен миллионов рублей франко-бельгийских денег. В силу этого французский капитал особенно интересовался вопросом о том, чтобы прибрать к рукам юг, проникнуть поглубже на Украину и захватить там не только житницу СССР, но и огромные угольно-металлургические богатства.

Однако, ставя перед собой такую цель, французское правительство должно было очень серьезно считаться также и с теми затруднениями, которые встанут на пути к этой

цели. Оно приходило в соприкосновение с различными русскими правительствами, которые создавались на юге подобно мыльным пузырям и с такой же быстротой лопались. Французы должны были иметь в силу необходимости дело с украинскими правительствами, которые тоже не отличались устойчивостью, с различными общественными и политическими группами и группировками, которые тянули в различные стороны, не создавая единой и стройной линии поведения. Приходилось дипломатничать и лавировать, тем более, что в среде российских контрреволюционеров были различные течения, ставившие перед собой слишком различные, а иногда даже диаметрально противоположные задачи и стремления.

Один из наиболее махровых представителей контрреволюции — Деникин стремился к личной диктатуре, при чем он мечтал опереться на армию. Его цель — чисто монархическая реставрация, неприкрытая никакими разговорами о республике, федерации и прочем. Он по-своему откровенен. Деникин говорит о том, как он последовательно и неуклонно стремился к реставрации монархии. Французскую интервенцию он склонен рассматривать только в качестве вспомогательных отрядов для себя, при чем предлагает использовать их в качестве пушечного мяса. Это, конечно, не улыбается руководителям интервенции, которые собираются вести свою самостоятельную политику. В этом отношении воспоминания самого Деникина и его собратьев по идее похожи друг на друга. Деникин не дает себя превратить в негритянского царька в колонии, который прислушивается к тому, что говорят в передних штабов интервентов. Деникин требует самостоятельности, и угрожает всем ему подчиненным суровыми карами за какое бы то ни было сближение с французским командованием и своими конкурентами, особенно украинцами. Конечно, все это ни в малейшей степени не является доказательством его самостоятельности: *как и вся прочая российская контрреволюция, Деникин только и держался иностранной буржуазной помощью.* Он требовал помощи и деньгами, и оружием, и людьми. Последнего он обычно не получал, но это объяснялось не субъективным нежеланием французов,

а объективной обстановкой. Дело в том, что все виды интервенции мало были популярны на Западе. Солдаты, рабочие и крестьяне, уставшие от многолетней бойни, измученные ею и проклинающие ее, не желали итти в Россию воевать с большевиками. Об этом между прочим упоминают мемуары Деникина, Маргулиеса и Брайкевича. Между тем, все они сильно рассчитывали на то, что французы, греки и прочие интервенты будут сражаться, защищать всякие призрачные и мифические правительства.

Главное расхождение между различными крыльями белогвардейцев приходило по линии создания правительств и контакта их с французами. Деникин считал, что всякие правительства излишни, раз имеется налицо он сам, диктатор юга. Он думал о возникновении всяких министерств и департаментов, но они должны играть только подсобную роль что-то в роде совещательных органов. Они же должны помочь ему в вооруженной борьбе с большевиками. Маргулиес и другие контрреволюционные деятели, бывшие либералы в далеком прошлом, считали, что необходимо создать свое собственное правительство, которое и поведет самостоятельную политику. Это было на руку французам. Последние совершенно правильно рассчитывали на то, что с таким правительством можно будет договориться насчет ограбления России. Такое правительство за защиту его от большевиков и особенно за денежную помощь согласится отдать на бесконтрольное разграбление какие угодно природные и естественные богатства страны. От такого правительства, созданного по образцу колонии, можно будет выманить что угодно силой или хитростью. В противном случае не стоит рисковать. Ведь сегодня существует какая-либо военная или политическая единица, а завтра такая эфемерида может кануть в небытие, и кто же тогда будет отвечать за оружие, отряды, снаряжение, деньги и кредиты?

Все правительства Европы твердо верили, что большевизм должен рухнуть, но никто не хотел рискнуть хотя бы одной копейкой. В силу этого создавалось неопределенное положение для интервенции и белых. Надо было бы наступать, повести активную борьбу, но никто не решался этого сделать... Даже французские генералы, несмотря на их огра-

ниченность и тупость, не хотели рисковать. В наиболее опасные и в то же время решающие моменты они не хотели посылать своих отрядов на помощь Деникину для борьбы с Петлюрой или даже ненавистными большевиками. В таких случаях говорили не какие-либо соображения идейного характера, а простой расчет, когда буржуазные правительства не хотели рисковать. К тому же отношения складывались все более неблагоприятно для интервенции. В Париже и в других столицах находилась огромная масса политических мертвецов. Они говорили, заседали, совещались, просили, уламывали, организовывали лиги для борьбы с большевизмом. Однако, их успехи измерялись ничтожно малыми величинами. Дело в том, что собственной российской базы у них не было. Не в счет были казаки, которые шли до поры до времени за контрреволюцией. Не в счет также и офицеры, которые не так уж охотно подставляли головы под пули, не зная точно за что сражаются. Необходимо раздвинуть и расширить до возможных пределов базу. Рецепты этого предлагали более дальновидные контрреволюционеры, а затем и французское командование. Без устали они повторяли мысль о том, что нельзя выдвигать идеи только реставрации. Маргулиес в своих воспоминаниях признает, что идея монархии не популярна во Франции и в других столицах, где ему пришлось побывать. Нужна республика. Французы настоятельно требовали создания Южно-русского правительства, которое имело бы какую-нибудь положительную программу, кроме звериной ненависти к большевизму. Между тем, южно-русские мертвецы не могли и не умели создать ничего жизнеспособного. Слишком крупные классовые различия разъединяли их, и потому они все не могли выработать и осуществить положительной программы. Они висели в воздухе. Между тем французы требовали сравнительно немного: республики, федерации и признания за крестьянами прав на захваченную ими землю.

Таким образом французы и интервенты добивались разрешения национального вопроса, который стоял достаточно остро особенно на юге и привлечения на свою сторону, если не всего крестьянства, то во всяком случае наиболее

консервативной его части. Однако, классовые инстинкты и интересы были слишком сильны у представителей контрреволюции. Они понимали, что необходимо расширить свою базу, но пойти на реальные шаги и жертвы не решались. Французское командование великолепно понимало, что такая политика заведет в тупик, что крах неизбежен. Оно подумывало все чаще о том чтобы уйти, особенно потому, что покорные и послушные контрреволюционеры разных мастей не создавали правительства. Колониальная авантюра не удавалась.

Как ни отрицательно относились все эти мемуаристы к революции, как ни хотели они замолчать ряд фактов, все же они выпирают наружу, свидетельствуя о процессе разложения среди французской армии, пришедшей в соприкосновение с революционной страной.

Особенно дикий и беззастенчивый террор царил в деникинской вотчине, но и Одесса, под властью всяких коалиций из меньшевиков, с.-р., к.-д., не избежала таких же репрессий. Были расстрелы без суда и следствия; своевольничали офицерские дружины, которые сводили личные и политические счеты под покровом ночи. Массы рабочих, обескровленные репрессиями, казнями, измученные голодом, и безработицей, все же реагировали на подобные факты революционными выступлениями, которых не могут замалчивать даже такие мало объективные историки, как Маргулиес или Деникин.

Выпускаемая книга чрезвычайно характерна, давая материал с той стороны баррикады, свидетельствуя о том, что все репрессии и преследования не могли убить активности рабочих масс, которые поднимались на борьбу, когда только открывалась малейшая ее возможность. С ненавистью говорит об этом Маргулиес, но его указания ценны, как свидетельство врага, вынужденного констатировать активность масс и революционный энтузиазм даже в самых неблагоприятных и тяжелых условиях борьбы.

Столь же интересна и характерна борьба французских солдат и матросов. С театра войны, где господствовал дикий, ничем не стесняемый и необузданный террор, они переброшены на юг страны, охваченной революцией. Правда.

в сношениях с населением мешает незнание языка, но такие препятствия нетрудно преодолеть и победить. Как огня боятся командиры и военачальники большевистской пропаганды, но она проникает в казарму и на суда. В таких условиях гнать своих солдат на бойню не легко. Хотелось бы захватить побольше, занять территорию с ее богатствами, преподнести на блюде бывшие фабрики и заводы, но армия слишком ненадежна. Приходится отсиживаться в Одессе, поближе к морю, агитируя русскую буржуазию и офицерство, чтобы они выступали и боролись.

В таких условиях, которые имелись на юге, слишком стеснены материальные и политические рессурсы. Развернуться нельзя. Экономические связи обрываются. В таких условиях возможна только дикая, ничем не связываемая и не стесняемая спекуляция, а затем и гибель всех эфемерид и намерений.

Авторам сборника не хотелось бы всего этого сказать, но... необходимо объяснить упрямые факты, приведшие к крушению всего дела. Их охватывает чувство полной безнадежности. Маргулиес объезжает Францию, молит, просит, усовещает, но дело не подвигается вперед. Он наталкивается на своекорыстие российской буржуазии, полное непонимание своих классовых интересов в среде французской буржуазии, нежелание их всех рисковать при активном противодействии рабочих и крестьян.

Характерны и типичны те страницы, где говорится о необходимости раскошелиться и дать побольше на агитацию, подкуп французских „социалистов“ и политиков. Реальные политики понимают, что без этого далеко не уедешь, но капиталистические и финансовые тузы и зубры ничего не желают дать. В таких условиях дело обречено на крах.

В этом отношении особенно поучительны страницы воспоминаний Маргулиеса, который пытался в Париже связать белое дело с мировой контрреволюцией.

Как ни старался Маргулиес и его соратники, ничего не вышло. Банкиры и богачи понимали, что бесцельно к потерянным миллиардам еще прибавлять десятки и сотни миллионов. Они все боялись большевизма, проклинали его, но

денег не давали, а без этого все антибольшевистские лиги были недолговечны и быстро умирали...

Во всех белогвардейских воспоминаниях проскальзывают грустные нотки разочарования и безнадежности. Все эти деятели, ныне уже давно политические мертвецы, грызутся друг с другом, подкапываются, строят ловушки, хитрят, совещаются и сговариваются в надежде на то, что удастся сплотить силы для борьбы с революцией. Тысячи планов рождаются в их головах: они мечтают о том, чтобы из бывших военно-пленных в Германии слепить боеспособную армию и бросить ее против Советов (планы Гучкова), другая группа готова строить кордоны, чтобы большевизм не проник в Европу. С этой целью создаются и нагромождаются новые буржуазные государства, но они же сами понимают их бесплодность и бесцельность. Маргулиес в своих записках говорит: „Идея бросить Россию и устроить барьер в Румынии и Польше безнадежна; против заразы штык бесполезен, и внутреннее разложение можно остановить лишь победами над Красной армией".

Какой же вывод делают авторы из анализа общего положения? Единственный о том, что положение безнадежно, что белое дело терпит все более сильный крах, что иностранцы могут только овладеть русскими предприятиями: „надо, чтобы иностранцы влезли материально в русские предприятия и принимали серьезные меры к эксплоатации русских богатств; ведь правильно поставленная промышленность и торговля вырвут когти и зубы большевизма".

Однако, это все уж очень далеко отходит от первоначальных планов вооруженной интервенции. Это — следующая стадия борьбы, пришедшая на смену тому периоду, когда надеялись всего достигнуть дубьем. Первый этап закончился позорным крахом. Даже сами автора и инициаторы всяких походов и правительств, даже наиболее махровые черносотенцы и враги признают, что от всего дела несет мертвечиной.

Надо было думать о чем-то новом.

Деникин в своих воспоминаниях дает картину борьбы за влияние на юге между ним и марионетками — ставленниками Парижа, которые пришли на юг забирать русские

и украинские богатства взамен за весьма проблематичную помощь.

В его книге, выдержки из которой помещаются ниже, дается богатый материал по этому вопросу. Ему бы хотелось получить по возможности более широкую помощь, закупить побольше вооружения, но взамен он ничем не хочет поступиться. В силу этого получается совершенно парадоксальное положение, при котором обе стороны хотят переждать, переупрямить друг друга. В результате — французская помощь пушечным мясом слишком мало дала. Армия Деникина потерпела поражение. Вину за это поражение Деникин пытается свалить на мировую буржуазию, которая не оказала реальной и решительной помощи. Такова схема его мыслей.

Конечно, это неверно. Буржуазия дала все, что могла, для того, чтобы задушить неокрепшую Советскую Республику. Деньги, снаряжение, снабжение плыли широкой рекой, но дело в том, что продолжатели традиций обреченной России не могли ничего поделать. Генералы проигрывали в карты, прокучивали, пропивали все, что попадало в их руки. Они умели только вопить о том, что помощь слишком незначительна. Но не умели этой помощи использовать. Единственное, чего не могли дать Франция, Англия и другие буржуазные страны — это пушечного мяса, которое боролось бы и умирало за чуждые интересы. Это тем более понятно, так как все буржуазные правительства в Европе переживали тяжелое время послевоенного похмелья. Казалось им всем, что очень быстро придется расплачиваться за мировую войну и ее преступления. Революция, казалось, стояла уже у порога. Поэтому содействовать российской контрреволюции не могли и не хотели. За это сейчас поносят своих бывших союзников и хозяев деятели белой контрреволюции, стремясь оправдать свое поражение.

Деникин в свое время возлагал надежды на эволюцию большевизма. Он говорит: „большевизм правеет, вместо первоначальных интернациональных его лозунгов устами красных генералов провозглашается национализм. Не перерождается ли первоначальное анархическо-коммунистическое движение в русское национальное, не повторится ли

история французской революции, т.-е. не является ли организуемая ныне генералами с этой целью Красная Армия решающим фактором в свержении Ленина и Троцкого и в создании твердой национальной власти"...

Как известно и над этой утопией зло насмеялась история.

Все статьи рассматриваемого сборника проникнуты и пропитаны одинаковым чувством безнадежности. Люди двигались, что-то предпринимали и делали. Им казалось, что они творят живое дело, а в действительности они служили давно обреченной на гибель идее, которая не могла ничего дать, не могла привести к победе.

Наши классовые враги говорят сейчас о давно пережитом времени. Перед нашими глазами проходит калейдоскоп самых различных типов, игравших когда-то в прошлом крупную политическую роль: здесь и думцы, и финансисты, и банкиры, и генералы. Все они—старые знакомцы по давно минувшему времени, когда судьбы России находились в их руках. На юге они создали правительство, собирались уничтожить советскую республику, заседали и совещались до бесконечности. Картины их мышиной, а в то же время безнадежной возни дают воспоминания, приводимые в сборнике.

Конечно, все они мобилизовали общественное мнение, готовя силу для борьбы с советской республикой и коммунизмом. Получается трогательная картина „единого фронта" от правых до крайних террористов с.-р. Все они объединены одной мыслью о борьбе с советской республикой. Все эти пышные разговоры и соглашения не затрагивают ни в малейшей степени рабочих и крестьянских низов. Это все была накипь, которой казалось, что она творит политику. На самом деле ничего подобного не было.

В чем же ценность издаваемой книги? В том, что здесь пишут определенные и резко выраженные враги советской республики. Они обливают грязью каждый шаг, мечтают о гибели советов. Они лгут и клевещут, стараясь представить дело в самых мрачных красках, не щадят эпитетов и определений. Это все так, но в то же время они приводят интересные факты и данные о жизни людей за той стороной баррикады. Для историка, интересующегося тем

периодом героической борьбы, эти данные и факты необходимы. Даже больше: книга может быть прочитана и рядовым нашим читателем, который хочет получить представление о жизни республики в наиболее тяжелые моменты.

Конечно, это не полная и не объективная история того времени. Надо наперед знать, что пишут наши классовые враги, от которых даже простой объективности ждать нельзя. Для них все хороши, лишь бы только ненавидели большевиков и вели с ними борьбу. У всех их найдут оправдание факты белого террора и насилия, если они направлены против ненавистных большевиков. Авторы хотят оправдать белый террор, а потому и нагромождают массу клеветы, лжи и инсинуаций.

Все это, конечно, шелуха, которую надо отбрасывать при внимательном чтении книги. Само же знакомство с предлагаемым сборником дает богатый человеческий материал, необходимый для понимания интервенции и борьбы на юге.

Р. Арский.

Генерал А. И. ДЕНИКИН

ФРАНЦУЗЫ В ОДЕССЕ

ГЛАВА I.

Появление союзников на юге России и их первые шаги. — Планы интервенции.

— Salut à nos Alliés! [1]).
— Wellcome dear friends! [2]).

Эти возгласы, выражавшие искренюю, непритворную радость, горячее дружественное чувство и безграничные надежды на скорую перемену злосчастной судьбы, были неизменными спутниками союзных вымпелов, появлявшихся в Черном море. Никогда еще моральная связь между русской интеллигенцией, южным казачеством и всеми теми широкими слоями, которые связали себя с национальным противобольшевистским движением и нашими союзниками не была такой крепкой. Никогда еще державам Согласия не представлялась лучшая возможность закрепить надолго и прочно эти узы со страной нищей, но таящей под спудом неисчерпаемые сокровища, с народом ныне безумным, но в нормальном состоянии своем наиболее честно относящимся к выполнению международных обязательств, великодушным и помнящим добро.

Это радостное настроение, по мере удаления от портов Черного моря к северу, омрачалось только беспокойными мыслями: „успеют ли придти...“ и „как пережить переходное время, когда могут захлеснуть большевизм и анархия“...

По всему югу России шла спешная перемена „ориентаций“, изменение программ и широкая диференциация партий, групп, организаций, которых прежде разделяло германофильство. Перестраховывались спешно и правительства. Новые „Варяги“ стали тем фундаментом, на котором строились политические комбинации и утопии, не раз совершенно противоречивые. Так польский Регентский совет взывал к союзникам о помощи против „украинских банд“ — восставшего народа Галицкой Руси, а правительства Галиц-

---

[1]) Привет нашим союзникам!
[2]) Привет, дорогие друзья!

кой и гетманской Украины просили союзников оградить Галицию от поглощения Польшей. В Киеве гетманское правительство давало союзникам заверения в своей лояльности и дружбе, указывая, что „войска центральных держав были призваны не им, а прежним правительством“ [1]; а прежняя и будущая директория, рожденная Брест-Литовском, еще не выйдя из подполья, оперировала теми же аргументами в пользу своего первородства и против „немецкого ставленника“ — гетмана.

Украинская печать того времени обоих лагерей представляет разительные переливы всех тонов политического спектра по кривой линии от Берлина к Парижу. Донской атаман Краснов, еще недавно писавший о „дружбе, спаянной кровью на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков“ [2], устраивал теперь „достойную встречу представителям тех государств, с которыми вместе в продолжение $3^1/_2$ лет мы сражались за свободу и счастье Российского государства“, „на которых мы и теперь смотрим, как на своих союзников“... „Без помощи союзников освободить Россию невозможно“ — писал он генералу Франше д'Эспре [3)... И при первых же известиях о проходе союзным флотом Дарданелл обратился уже с воззванием к „красному Вердену“ — Царицыну, требуя сдачи города до 15 ноября и угрожая, в противном случае, что по приходе союзников город будет сметен артиллерийским огнем...

Чтобы облегчить и ускорить выход союзного флота в Черное море, которое находилось еще в руках немцев, адмирал Ненюков в средине октября послал из Ясс старшему союзному адмиралу все документы, касавшиеся минных заграждений портов Черного моря, числа и тоннажа военных и коммерческих судов, а также „планы, описания, статистические данные портов и рейсов всего Черного моря, обработанные нашим бывшим морским генеральным штабом“ [4]. Помощь союзному флоту весьма существенная, не знаю только — не были ли при этом, в пылу увлечения альянсом, перейдены пределы осторожности, необходимой даже в отношении друзей...

На фоне разгоравшейся вокруг появления союзников большой и малой политики не обошлось без элемента комического: 29-го октября наша радиостанция перехватила телеграмму, адресованную испанскому послу в Софии: „Совет министров Крымского правительства решил про-

[1]) Вербальная нота от 2 ноября 1918 года.
[2]) Из письма императору Вильгельму 5 июля 1918 года.
[3]) Приказ войску № 1582 и письмо ген. Франше д'Эспре 6 ноября 1918 года.
[4]) Из доклада ген. Эрдели от 23 октября 1918 года.

сить вас сообщить представителям Соединенных Штатов, Франции и Британии, что (оно) обязуется соблюдать нейтралитет при входе в Черное море флота держав Согласия до заключения перемирия между державами Согласия и Германией"...

Флагман союзного флота мог следовательно дерзать!

* * *

10 ноября в новороссийскую бухту вошла эскадра в составе двух миноносцев и двух крейсеров — французского „Эрнест Ренан" и английского „Ливерпуль". Почти одновременно на болгарском пароходе под французским флагом пришел командированный мной на Балканы генерал Эрдели, привезя чрезвычайно ценный для нас груз русских патронов и ружей, и вместе с ним прибыли представители Салоникской французской армии.

Новороссийск, затем Екатеринодар встречали союзников необыкновенно радушно, со всем пылом открытой русской души, со всей страстностью истомленного ожиданием, сомнениями и надеждами сердца. Толпы народа запрудили улицы Екатеринодара, и их шумное ликование не могло не увлечь своей непосредственностью и искренностью западных гостей. 20 ноября приехала английская военная миссия во главе с ген. Пулем, бывшим главнокомандующим союзными войсками на Северном (Архангельском) фронте, и торжества повторились вновь.

Большинство союзных военных представителей всецело разделяло ту психологию, во власти которой находились мы все — Добровольческая армия, белый Юг. В их сознании, как и в нашем, взаимные обязательства оставались непререкаемыми, война еще не кончена, и активная помощь армий несомненна. Оторванные годами войны от политических будней своих стран, они жили еще эмоциями бранной славы и победы, располагавшими к великодушию. Оттого в словах их было более чувства, чем расчета, в обещаниях — более личного убеждения, чем фактической осведомленности...

Застольные речи дышали широким оптимизмом.

Я говорил: „... В этот час возрождения русской государственности вновь с о м к н у л с я ф р о н т и к нам протянулись дружеские руки... Я желаю от души счастья Франции и Англии. Но, если когда-нибудь над Сеной и Темзой сгустятся тучи, знайте, что Россия — не эта лоскутная, беспомощная, — а новая сильная, Единая Россия никогда не забудет бескорыстной дружественной помощи и свято исполнит тогда свой долг"... Генерал Драгомиров вспоминал фразу ген. Пуля, ведавшего в 17 году снабжением русской армии,

сказанную в октябре, накануне большевистского переворота, в ответ на его „мрачные предвидения надвигающегося развала страны“:

— Через десять лет вы будете самой могущественной страной в мире...

Ген. Пуль в медленном, внешне бесстрастном, но согретом внутренней теплотой слове, говорил нам:

„...У нас с вами одни и те же стремления, одна и та же цель — воссоздание Единой России... Как представитель Великобритании, я передаю вам от своей страны: мы ни одной минуты не забывали, что Россия наш старый и верный союзник; мы радовались вашим успехам в начале войны, мы горевали, когда вы были преданы, и русская армия оставила фронты, вынужденно закончив войну; мы не забыли и никогда не забудем, как вы героическими усилиями спасли нас в 14 году, когда положение было критическим. Мы никогда не забудем, что вы, будучи поставлены в крайне тяжелое положение, не соединились, однако, с немцами, рискуя всем, и остались до конца верными своим союзникам.

Я послан своей страной, чтобы узнать, как и чем вам можно помочь; с большим удовольствием, с большою охотой мы вам эту помощь дадим“ [1]).

Дипломатический представитель Франции, лейтенант Эрлиш, будущий депутат французского парламента, прекрасный и с большим темпераментом оратор, владеющий свободно русским языком, пожинал восторги собрания, затрагивая больные и трепещущие струны — словами тогда еще не захватанными, не опошленными.

„... Вы можете рассчитывать безусловно на помощь великой Англии и свободной Франции. Мы с вами. Мы за вас... Я твердо верю, что скоро на высоких башнях святого Кремля красный флаг, забрызганный невинной кровью многочисленных жертв насильников, будет заменен славным трехцветным знаменем Великой, Единой, Неделимой России“ [2])...

Отзвуки этих событий и этих речей разносились по югу, по боевым линиям Добровольческой и Донской армий, проникали сквозь большевистские позиции на Терек, повсюду подымая дух и волю к продолжению борьбы.

Я должен отдать справедливость этим первым представителям союзников: в генерале Пуле, лейтенанте Эрлише, Гокье [3]) и других мы имели действительных и деятельных

---

[1]) Речь 28 ноября на банкете в Кубанском собрании.

[2]) Там же.

[3]) Осенью 1918 г. приехал из Киевской французской миссии в качестве „дипломатического представителя при Добр. Армии“ и в средине ноября был отозван в Яссы и заменен Эрлишем.

друзей России. Но их влияние и вес были недостаточны, чтобы изменить русскую политику держав Согласия.

* * *

Явилась необходимость выяснить вопрос, на какую же помощь союзников могут рассчитывать армии Юга?

Взаимоотношения союзного командования были неопределенны и осложнялись взаимным соперничеством держав. В Константинополе имел пребывание „главнокомандующий союзной Салоникской армией", французский генерал Франше д'Эспре; там же главная квартира „главнокомандующего британской армией на Балканах" — ген. Мильна; им были подчинены первоначально союзные представители в Екатеринодаре. Командированный в Константинополь ген. Эрдели привез оттуда весьма учтивое письмо ген. Франше д'Эспре и неопределенные обещания. В то же время в Бухаресте находился штаб ген. Бертело, именовавшегося „главнокомандующим союзными силами в Румынии, Трансильвании и на юге России". Вошедший с ним в сношения по моему поручению представитель Добровольческой армии в Яссах, ген. Щербачев прислал мне в начале ноября подробную ориентировку [1]), бросающую свет на первоначальные предположения союзного командования в русском вопросе:

„Я посетил ген. Бертело в его главной квартире в Бухаресте для предварительных переговоров о своем проезде в главную квартиру генерала Франше д'Эспре и далее в Париж, с целью ускорить прибытие союзных войск и средств войны — в Россию.

В Бухаресте мне удалось достигнуть результатов, которые значительно превзошли мои предположения. Путем непосредственного общения и обмена мнениями с генералом Бертело, с коим нас связывала и прежняя общность идей и действий, ныне удалось придать переговорам в Бухаресте форму исчерпывающе - решительную настолько, что временно отпала надобность проезда в Париж и к генералу Франше д'Эспре.

Генерал Бертело, имеющий личную идейную сильную поддержку г. Клемансо, председателя союзных Версальских совещаний, облечен полною мощью „Главнокомандующего армиями союзников в Румынии, Трансильвании и на Юге России" и в качестве такового лица имеет возможность проектировать и осуществлять все вопросы политические и военные, касающиеся Юга России и спасения его от анархии. Мне удалось под-

[1]) От 3 ноября 1918 года.

винуть этот вопрос настолько, что ныне уже едва-ли остается желать в этом отношении чего-либо сверх предположенного на совещании моем с генералом Бертело.

Решено нижеследующее:

1. Для оккупации Юга России будет двинуто, настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе на этих же днях.

2. Дивизии будут французские и греческие.

3. Я буду состоять, по предложению союзников и генерала Бертело, при последнем и буду участвовать в решении всех вопросов.

4. База союзников — Одесса; Севастополь будет занят также быстро.

5. Союзными войсками Юга России первое время будет командовать генерал д'Ансельм с главной квартирой в Одессе, где буду находиться и я с состоящими при мне вам известными лицами.

6. Генерал Бертело, до времени, со своей главной квартирой остается в Бухаресте.

7. По прибытии союзных войск, кроме Одессы и Севастополя, которые будут несомненно заняты ко времени получения Вами этого письма, союзники займут быстро Киев и Харьков с Криворожским и Донецким бассейнами, Донь и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочнее сорганизоваться и быть свободными для более широких активных операций.

8. Под прикрытием союзной оккупации, необходимо немедленное формирование русских армий на Юге России, во имя возрождения Великой, Единой России. С этой целью теперь же должен быть решен и разработан вопрос о способах и районах формирования этих армий по мере продвижения союзников. Только при таком условии будет обеспечено скорейшее наступление всех русских южных армий под единым командованием на Москву.

9. В Одессу, как главную базу союзников, прибудет огромное количество всякого рода военных средств, оружия, боевых огнестрельных запасов, танков, одежды, железнодорожных и дорожных средств, аэронавтики, продовольствия и проч.

10. Богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении. Для сего осталось сделать лишь небольшие дипломатические усилия, успех коих обеспечен, так как он опирается на все могущество союзников.

11. Относительно финансовой поддержки нам, у союзников вырабатывается особый, специальный план".

Это письмо своей определенностью выводило нас, наконец, из области предположений. Широкая и конкретная постановка вопроса открывала перед нами новые необычайно благоприятные перспективы, ставила новые задачи в борьбе с большевиками. На основании письма и затем предложения французского представителя штаб мой составил и послал генералам Бертело и Франше д'Эспре записку о политическом и стратегическом положении Юга России и план совместной с союзниками кампании. Сущность его вкратце сводилась к следующему:

Общей задачей русских армий ставилось: „разбить советские войска, овладеть центром — Москвой с одновременным ударом на Петроград и вдоль правого берега Волги.

Ближайшая стратегическая задача: 1) „Не допустить противника занять Украину и Западные губернии и, прикрыв их на протяжении прежней германской демаркационной линии, создать плацдарм для будущих формирований и для наступления вглубь России". 2) „Использовать фронт Донской и Добровольческой армий, с той же целью и для окончательного очищения от большевиков Северного Кавказа".

Линия развертывания русских армий намечалась: Ямбург — Псков — Орша — Рогачев — Белгород — Балашов — Царицын.

Так как сохранение областей, еще оккупированных немцами, от занятия и разгрома их большевиками представлялось крайне необходимым, а задача эта для нас непосильной, то к выполнению ее привлекались союзные войска. Состав их, включая обеспечение черноморских баз союзников и коммуникационных линий, определялся штабом в 18 пех. и 4 кав. дивизии[1]). „Силы эти — говорилось в записке — будут использованы исключительно для прикрытия линии нашего развертывания и для обеспечения наших формирований. Ни в каких активных действиях им участвовать не придется... Нам нужна не столько сила, сколько авторитет дружеской помощи".

Под прикрытием союзных войск и по окончании своего формирования русские армии должны были начать наступление с запада и юга к Петрограду, Москве и Казани.

[1]) Штаб исходил из того, что центральные державы после Брест-Литовска держали на территории России 49 пех. и 8 кав. дивиз. и что в силу совершенно иной моральной и политической обстановки численность союзных войск может быть уменьшена втрое.

Одновременно с планом французскому командованию вручены были перечни необходимых предметов и военного снабжения для армий Юга.

* * *

Время шло, все хорошие слова были высказаны, а реальная помощь все еще не прибывала. Даже вопрос о возглавлении союзного командования (Франше д'Эспре, Бертело, Мильн?) оставался спорным в течение трех с половиной месяцев, и только 11 марта я получил уведомление от ген. Франше д'Эспре, что „союзные силы, оперирующие на юге России, переходят под его командование“ [1]). Сообщение — тотчас же и категорически опровергнутое английской миссией.

Целый ряд последующих эпизодов вносил еще большую неясность в общую политическую ситуацию и значительно понижал наше настроение.

Прежде всего телеграф принес нам официальное известие о существовании линии „разграничивающей английскую и французскую зоны действий [2]). На востоке она проходила от Босфора через Керченский пролив к устью Дона и далее по Дону на Царицын [3]). Эта странная линия не имела никакого смысла в стратегическом отношении, не считаясь с меридиальными оперативными направлениями к Москве и с идеей единства командования. Разрезая пополам область войска Донского, она не соответствовала также и возможности рационального снабжения южных армий, удовлетворяя скорее интересам **оккупации и эксплоатации**, чем стратегического прикрытия и помощи.

13 ноября союзный флот появился в Севастополе и приступил к принятию от германцев судов русского Черноморского флота. Командированный мною в Севастополь адмирал Герасимов встретил со стороны союзного морского командования обидное и жестокое отношение к русскому достоянию. На том основании, что русские суда находились в распоряжении германцев, старший адмирал союзного флота (англ.) лорд Кальсорн, по распоряжению из Константинополя, отказался передать их русскому командованию. Лучшие из этих судов заняли иностранными командами и подняли на них флаги — английский, французский, итальянский и

---

[1]) Телеграмма 11 марта, № 10317.

[2]) „L'accord franco — anglais du 23 Decembre 1917, définissant les sones d'action francaise et anglaise“. Официальное подтверждение французского представителя полк. Корбейля в отношении его на мое имя 27 мая 1919 г., № 1926.

[3]) К востоку английская — к западу французская.

даже... греческий. Все годные к плаванию корабли приказано было отвести в Измит для интернирования. На просьбу Герасимова отпустить хотя бы два, три миноносца в Новороссийск для охраны и патрулирования внутренних вод района Добровольческой Армии, сменивший Кальсорна французский адмирал Леже ответил резким отказом: „союзные правительства не потерпят присутствия вооруженного русского судна на Черном море, так как таковое, будучи отнято большевиками, может наделать державам Согласия многочисленные беды и хлопоты“ [1]). На том же основании французские и английские команды, по приказанию Леже, топили и взрывали боевые припасы, хранившиеся в Севастопольских складах, рубили топорами аккумуляторы и баки подводных лодок, разрушали приборы управления и увозили замки орудий...

Образ действий союзников походил скорее на ликвидацию, чем на начало противобольшевистской кампании.

В то же время началась перепись и реквизиция союзниками русских торговых судов под тем же фиктивным предлогом, что на них развевался временно германский или австрийский флаг.

Эти обстоятельства вынудили меня с первых же дней соприкосновения с союзниками вступить с ними в длительную, упорную борьбу за сохранение русского достояния и воссоздание Черноморского флота.

Между тем волнения на Украине, поднятые соединенными усилиями Украинского национального комитета и Москвы, разрастались все более, а на северных рубежах ее готовилась уж ко вторжению большевистская „повстанческая армия“, формировавшаяся в „нейтральной зоне...“ [2]) Опираясь на план кампании, выработанный генералом Бертело, я обратился к генералу Франше д'Эспре [3]): „чтобы сохранить юг России, богатый продовольствием и военными запасами, необходимо, как можно скорее, двинуть хотя бы две дивизии союзных войск в район Харькова и Екатеринослава“. Через несколько дней пришел ответ, что одна французская дивизия 5 декабря начнет высаживаться в Одессе, т. е. в районе, при создавшихся условиях, второстепенном.

Вступлению французских войск на русскую территорию предшествовало широко распространенное воззвание от имени генерала Бертело „к населению юга России“ [4]). В нем вспоминались заслуги России в мировой войне и изла-

---

[1]) Из доклада адмирала Герасимова 6 декабря 1918 года.

[2]) По условиям перемирия между Украинской и Советской Россией туда не имели доступа войска обеих сторон.

[3]) Телегр. от 24 ноября.

[4]) Подписано французским консулом в Киеве Энно.

гались цели интервенции: „...Все державы Согласия идут вам на встречу, чтобы снабдить вас всем, чем вы нуждаетесь, и чтобы дать вам, наконец, возможность свободно, а не под угрозами злоумышленников, решить, какую форму правления вы желаете... Окажите добрый прием войскам союзников...Они покинут Россию после того, как спокойствие будет восстановлено...“

В этом обширном и дурно переведенном с французского воззвании, обращало на себя внимание полное отсутствие таких понятий, как „большевик“, „петлюровец“, „украинец“, „доброволец“. Оно противополагало только „злоумышленников“ „благонамеренным жителям“, давая широкий простор для всевозможных догадок и слухов.

* * *

В таком же неопределенном положении находился и вопрос о материальной помощи.

Самая вопиющая нужда фронта — в патронах и снарядах — удовлетворялась далеко не в достаточном количестве и с серьезными затруднениями путем доставки из складов б. Румынского фронта.

Однажды к генералу Романовскому зашел представитель английской миссии и сказал ему:

— Бросьте вы разговаривать с французами — они только обещают и ничего вам не дадут. Прикажите прислать нам перечни необходимого для армий снаряжения.

О том же писал мне непосредственно ген. Мильн, заявив, что „без промедления приготовит (нам) все, что находится в его власти“ [1]).

Перечень был послан в аглийскую миссию — без больших надежд. Прошло два месяца в тяжелых боях, в которых решалась судьба Северного Кавказа. Доблесть и кровь Добровольцев по прежнему искупали недостаток, иногда отсутствие боевых припасов... 3 февраля я был в Новочеркаске, на Донском кругу, когда получил телеграмму ген. Драгомирова [2]):

„Прибыл ген. Бриггс, назначенный английским военным министерством начальником миссии при Добровольческой Армии... При нем будет штаб из 60 офицеров разных специальностей... За ним идут пароходы с вооружением, снаряжением, одеждой и другим имуществом, по рассчету на 250 тысяч человек. Первый пароход уже пришел. Живой силы английскими войсками не обещает, вопрос еще не

---

[1]) Письмо от 18 ноября, № 1278.

[2]) 3 февраля, № 197.

разрешен Парижской конференцией... Бриггс выражает полное желание работать всеми силами на нашу армию и помогать (ей) делом, а не словами..."

Через несколько дней прибыли в Новороссийск одиннадцать английских пароходов с тоннажем до 60 тонн.

Екатеринодарская английская миссия действительно оправдывала в полной мере свои обещания и свое дружеское отношение к России. Но вскоре мы узнали, что есть якобы „две Англии" и „две английских политики"... Что в наличии имелись и свободная английская живая сила, направленная, однако, в то время, когда назревало крушение Украины и Дона, на театр, совершенно второстепенный в стратегическом отношении, но имеющий мировое экономическое значение...

В середине ноября войска ген. Томсона вступили в Баку. В своем обращении к населению Азербейджана Томсон говорил: „От имени союзников Баку занимается великобританскими войсками. Меня сопровождают представители Франции и Соединенных Штатов, и мы здесь находимся с ведома и полного согласия нового русского правительства (?)... Мы не забываем великих услуг, оказанных русским народом делу союзников в первые годины мировой войны. Союзники не могут возратиться к себе домой, прежде чем не восстановят порядок в России и не доставят ей возможность занять свое место в ряду других народностей мира... В своем обращении „к народам Северного Кавказа" Томсон давал обещания еще более конкретные: „... войска, которые находятся в данный момент под моим командованием в Баку, являются лишь первой частью союзной армии, которая в скором времени займет Кавказ".

Генерал Форестье-Уокер, высадившийся 18 декабря с десантом в Батуме, говорил короче, лапидарнее и без лирических отступлений: „Британские войска заняли Батум во исполнение условий перемирия с Турцией и для того, чтобы обеспечить сохранение порядка в стране. Британское правительство не имеет намерения занимать страну навсегда". Далее следовал перечень назначенных членов „Совета по управлению областью" и угрозы суровыми карами, до смертной казни включительно, всем, кто проявит враждебное отношение к англичанам...

ГЛАВА II.

Ясское совещание. — Захват Одессы петлюровцами. — Начало французской интервенции и переход власти в Одессе к Добровольческому командованию.

Если зимою 1918—19 г. события на Кавказе протекали при известном участии Англии, то западнее меридиана Керчи они находились в большой зависимости от французской политики.

Как известно, 5 декабря 1917 г. Франция признала Украинскую республику (правление Центральной Рады) de facto, и в Киеве появился французский „генеральный комиссар“, ген. Табуи. Но с заключением Брест-Литовского мира и с немецкой оккупацией эта связь порвалась; миссия Табуи покинула Украину, и с марта 1918 г. край этот официально считался „в поле зрения“ французского посланника в Яссах, гр. Сент-Олера. Там же был и центр французского осведомления по Юго-Западу России, при чем начальник разведки, состоявший ранее при Табуи, офицер Энно, перенес свою деятельность из Киева в Кишинев. Этому лицу довелось играть видную роль в южно-русских событиях в период разгрома немцев; с его именем связано тесно много разбитых иллюзий и несбывшихся надежд.

Энно был знаком по Киеву с В. Шульгиным и воспринял его точку зрения в русском вопросе. В этом направлении он и действовал — с большой энергией и увлечением, превышая не раз свои полномочия, преломляя колеблющиеся и неясные настроения союзных правительств сквозь призму своих личных чувств и пожеланий.

6 октября Энно обратился с письмом к Шульгину находившемуся в то время в Екатеринодаре. В этом письме он определял общее политическое положение и намерения союзников:

> „Германия близка к концу.
>
> Ее политике — расчленения России, ее желанию — сохранить силу Брест-Литовского мира, мира, при помощи которого разорванная на части Россия по-

пала бы в экономическом отношении на бесчисленное число лет в немецкие руки, ее преступной тактике — поддерживать в России террор большевиков, ею же созданный, — союзники хотят противопоставить политику воссоздания России.

Союзники отказываются признать Брест-Литовский мир и попрежнему продолжают считать Россию своей союзницей. В их программу входит освобождение провинций, захваченных немцами, и восстановление Великой России, совершенно необходимой для политического равновесия, ибо только она одна может создать гарантию против возможности новой войны в ближайшем будущем.

Пример сепаратных государств, выделившихся из прежней России и заключивших союз с Германией, только укрепляет Согласие в этих мыслях.

Экономические интересы, которые союзники имеют в России, заставляют их во всяком случае заняться ею. Итак, в Россию придут армии, чтобы предложить ей мощную и дружественную помощь — материальную и экономическую.

Естественная программа Согласия сводится к нижеследующему: воссоздать Единую и Неделимую Россию и помочь восстановлению в России монархии, соответствующей желанию большинства русского народа.

Таковы вкратце предложения союзников относительно России. Такое изложение этих проектов базируется на официальных заявлениях политических деятелей держав Согласия".

Энно сообщал, что „по его настояниям гр. Сент-Олер приглашает Шульгина в Яссы, чтобы без замедления выработать программу политических действий союзников в Малороссии, которые подготовили бы будущее их военное вмешательство". Вместе с тем Сент-Олер считал необходимым вступить в связь с влиятельными политическими деятелями Киева, „чтобы изучить все эти вопросы и обменяться мнениями". Энно прибавлял, что до прибытия Шульгина и без его советов он лично ничего предпринимать не будет.

Между тем события получили неожиданно быстрое развитие, и Энно решил действовать, не дожидаясь Шульгина. По его инициативе и с его участием состоялось 17 октября заседание под председательством русского посланника в Румынии Поклевского-Козелл, в составе наличных русских представителей — дипломатических, военных и Красного Креста. На этом заседании был избран

комитет из шести лиц [1]), которому поручено было немедленно пригласить в Яссы политических деятелей. По мысли Сент-Олера, как сообщал ген. Щербачев [2]), предполагалось образовать в Яссах постоянное учреждение — „Русский национальный совет“, при посредстве которого союзники могли бы узнавать „все нужды, чаяния и запросы организованной и государственно настроенной русской общественности“. Повидимому, этому учреждению предполагалось присвоить и некоторые правительственные функции, так как ген. Щербачев оговаривал, что с открытием военных действий союзников и перенесением ставки союзного главнокомандующего на территорию России „этот национальный совет, конечно, сольется с Совещанием при Добровольческой Армии“.

Выбор участников предположенного совещания был довольно случайный, так как членам комитета была предоставлена в этом отношении полная инициатива. Присутствовавшему на предварительном совещании ген. Кельчевскому, направлявшемуся к нам, поручено было просить главнокомандующего Добровольческой Армией „командировать в Яссы политических деятелей по его усмотрению“. Кельчевский прибыл в Екатеринодар только в начале ноября, когда так называемое „Ясское совещание“ состоялось уже фактически“ 1 — 10 ноября. В нем наряду с видными представителями русской общественности [3]) приняли участие и посланники Англии, Франции и Сев.-Американских Соединенных Штатов. Выехавший в Яссы Шульгин заболел в пути, по приезде туда слег в больницу и участия в совещании не принял.

На первых же заседаниях обнаружилось полное расхождение русских представителей по вопросу о построении власти: буржуазная часть собрания стояла за диктатуру, социалисты—за директорию. В первой группе, кроме того, мнения разделились и по вопросу о личности диктатора, на роль которого выдвигались вел. кн. Николай Николаевич и главнокомандующий Добровольческой Армией. По совету английского военного агента Совещание согласилось оставить открытыми эти спорные вопросы и занялось

---

[1]) I) Поклевский-Козелл; II) Особоуполномоченный Красного Креста — полк. Ильин; III) Консул в Яссах — Савинов; IV) ген. Новицкий; V) Назначенный французским вице-консулом в Киев—Энно. Почетным членом комитета был избран генерал Щербачев.

[2]) Письмо от 4 ноября 1918 г.

[3]) От Сов. Гос. Об. — бар. Меллер-Закомельский, Кривошеин, Милюков, Маргулиес и В. Гурко; от Нац. центра — Федоров и Чемберс; от Союза Возр. — Кровопусков, Титов, Бунаков-Фундаминский; персонально — Брайкевич, полк. Новиков, Савич, Пильц, Третьяков, Хомяков; по своей личной инициативе прибыли — Шебеко, Демченко, Ф. Дитмар и В. Рябушинский.

исключительно обсуждением условий союзнической помощи. В меморандуме, подписанном всеми русскими членами Совещания и врученном 10 ноября иностранным послам, общий характер интервенции определялся вкратце следующими положениями:

„1. Единство России и, как следствие этого общего положения — никаких независимых государств на ее территории, в границах до большевистского переворота. Никаких отдельных представительств в международных отношениях. Это единство России должно осуществляться без ущерба для свободы отдельных областей, образующих Россию.

2. Согласованные действия с союзниками для борьбы против большевиков.

3. Немедленная и мощная помощь Добровольческой армии ген. Деникина.

4. Немедленная замена немецких и австрийских гарнизонов вооруженными силами русских и союзников, в целях охраны порядка и образования прикрытия для формирования русской армии.

5. Действительная помощь, чтобы предпринять в кратчайший срок наступление на Москву и Петроград.

6. Единое командование, доверенное русскому военачальнику. Нужна немедленная помощь войсками и военным снаряжением.

Если союзники хотят видеть Россию сильной и крепкой, членом цивилизованных народов, если союзники не желают допустить вымирания населения севера и расхищения сокровищ юга, если союзники признают, что в течение первых трех лет войны Россия принимала широкое и славное участие в борьбе и тем самым содействовала победе союзников над общим врагом, если победоносная Антанта решила помочь России возродиться, — помощь должна быть оказана без замедления и в достаточном размере“.

Еще до окончания работ Совещания в Киев был спешно командирован консул Энно, снабженный полномочиями от союзных послов и текстом „обращения“ к населению Юга, составленным заранее членами Совещания; в этом обращении пожелания, одушевлявшие Совещание, были выражены в форме торжественного обещания союзными правительствами своей немедленной помощи... Подобно тому, как в Екатеринодаре — союзные генералы и офицеры, здесь в Яссах — союзные дипломаты находились также под влиянием военной психологии, которая не могла освоиться с таким окончанием войны и с оставлением на произвол

судьбы поверженной России. Оторванные от своих центров, они предпринимали некоторые серьезные дипломатические шаги на свой страх и риск в твердом убеждении, что эти шаги будут одобрены их правительствами и получат реальное осуществление.

Назревала большая мистификация.

* * *

Положение Одесского района представлялось чрезвычайно сложным. В самой Одессе и близ лежащих крупных пунктах — Херсоне, Николаеве и др. сосредоточено было около 50 тыс. германских войск — силы, совершенно достаточные не только для того, чтобы прикрыть Новороссию, но и разгромить всю петлюровскую „армию". Но немцы сохраняли нейтралитет и оставались безучастными зрителями событий.

„Украинских" войск не было никаких. В Одессе находился штаб 3 укр. корпуса и одни ничтожные кадры его. Командовал им ген. Стельницкий, который, после отправленной им в Екатеринодар телеграммы о подчинении мне, был смещен гетманом и заменен ген. Бискупским.

Единственной „силой" в Одессе был отряд добровольцев, около $1^1/_2$ тыс., который признавал свое подчинение Екатеринодару и находился в ведении адм. Ненюкова — начальника одесского центра Добровольческой Армии. Наравне с киевскими добровольческими дружинами и на таких же основаниях этот отряд был подчинен мною в оперативном отношении местному командованию. Но организация отряда была незакончена, боеспособность его не велика, а защищать „гетманскую власть от Петлюры" — как в упрощенном виде воспринимались события — желания было очень мало. Еще меньше было доверия к ген. Бискупскому.

В Одесском порту высаживалась еще польская стрелковая бригада, сформированная мною в Екатеринодаре и теперь возвращаемая на родину. Но поляки никакого желания вмешиваться во „внутренние русские дела" не имели, да и в том запутанном политическом положении, которое создалось в Одессе, разобраться им было трудно.

Наконец, на Одесском рейде стоял французский линейный корабль и два - три миноносца — эмблема союзной мощи и вестники грядущей помощи...

Киев был отрезан, связи с ним почти не было, и гражданская власть в Одессе осуществлялась малоавторитетным и непопулярным гетманским градоначальником Мустафиным. Между тем, город волею судьбы стал третьим эта-

пом российского именитого беженства. Цвет интеллигенции и политических партий, конспирировавший ранее в Москве и потом бурно крутившийся в водовороте киевских событий, волной революции выбросило на одесский берег... Город коммерческой и спекулянтской горячки стал новым центром политического ажиотажа, борьбы союзов, „бюро", советов, организаций, „правительств", делегаций... Одесса насыщена была до предела привнесенной ими политикой, в которой купно с искренними и патриотическими стремлениями переплелись темные побуждения политических маклеров, авантюристов и людей с болезненной жаждой власти и влияния—какими угодно путями, какою угодно ценой.

Начались немедленно попытки образования государственной власти на Юго-Западе, взамен отмирающей гетманской. Приоритет в этом отношении взял на себя Сов. Гос. Об. во главе с бар. Меллер-Закомельским и Кривошеиным, предложившими себя для начала в качестве „Совещания по обороне" ген. Бискупскому. Не имея никаких корней и никакой опоры в общественных и народных кругах города, совещание это вместе с „командующим войсками" могло лишь констатировать изо дня в день свое бессилие.

* * *

Энно в Киев не попал, так как в начале ноября войска Петлюры захватили Фастов и подошли к Киеву, прервав его сообщение с Одессой. В качестве „особоуполномоченного французского правительства" [1]) он рассылал из Одессы воззвания, обнадеживавшие население, и телеграммы, угрожавшие директории и немцам. Не найдя на месте иной власти, кроме призрачной уже гетманской, он поневоле призывал к поддержанию ее, что шло в разрез с Ясскими постановлениями и вызывало недоумение и горечь среди защитников Киева и Одессы. Тем не менее, первое время его угрозы производили известное впечатление в стане Петлюры и в Киевском германском штабе, и благодаря им, главным образом, Киев держался еще некоторое время. Но проходили дни и недели, а обещания и угрозы не подкреплялись реальной силой. Пропадали и вера и страх. И события потекли стороною мимо добрых намерений и неограниченных возможностей.

В конце ноября части петлюровцев заняли Раздельную, отбросив небольшие команды добровольцев, которые одновременно подверглись нападению и со стороны занимавших

[1]) Во французской транскрипции свое звание он определял в качестве „Consul de France — Kiev, chargé de mission".

станцию немцев... Петлюровцы двинулись дальше. „Отоман" Григорьев угрожал уже и Николаеву. Энно посылал в Яссы одну за другой телеграммы, остававшиеся без ответа, и, с целью выиграть время до прибытия ожидаемого десанта, с согласия русских общественных деятелей 25 ноября вступил в переговоры с директорией... Это был второй шаг, продиктованный безнадежностью положения, но вместе с тем подрывавший национальную идею борьбы и извращавший смысл союзной помощи. Директория использовала широко самый факт переговоров, не стесняясь применять и провокацию. Так через три дня после посещения украинскими представителями Энно (28 ноября), при возобновившихся в Казатине переговорах между директорией и немецким командованием, украинские представители заявили колебавшимся еще немцам: „Положение вещей не позволяет нам отложить операцию против Киева. Поэтому директория не находит возможным допустить отсрочку ответа, каковая могла бы произойти при посылке, согласно желанию немецких уполномоченных, их представителей к Антанте. Украинское республиканское правительство самостоятельно ведет переговоры с уполномоченными представителями Антанты и на этом основании оно может заявить, что немецкая армия не имеет повода препятствовать вступлению украинско - республиканских войск в Киев". Договор между петлюровцами и немцами заключен был 30-го, и в тот же день в киевских вечерних газетах появилось сообщение, оправдывавшее увод немецких войск, прикрывавших Киев, тем обстоятельством, что державы Согласия „признали Директорию и позволили ее войскам занять Одессу..." На другой день сечевики Коновальца заняли Киев.

В кругах близких к Энно составилось убеждение, что фактическим виновником провокации был некто Мулен, бывший подчиненный Энно, застрявший в Киеве, работавший там в пользу Петлюры и распространявший сведения о признании Директории Согласием...

Из Одессы обращались за помощью и в Добр. Армию. 25 ноября я получил телеграмму за подписью Энно, Шульгина и др., с изложением критического положения Одессы, которую „необходимо сохранить, как базу союзного десанта", и с просьбой перебросить туда трехтысячный отряд. Добровольческая Армия, насчитывавшая тогда в своих рядах 37 тыс. бойцов, вела тяжелые бои под Ставрополем, необходима была вместе с тем помощь Дону и обеспечение Ростовского направления, и задача серьезной обороны Одессы являлась поэтому для нас совершенно непосильной.

Я мог только обратиться вновь к ген. Франше д'Эспре с просьбой ускорить прибытие десанта. Его все не было. Помимо неопределенности политического курса и технических затруднений, во французском штабе очевидно плохо уясняли себе масштаб происходящих в России событий. Так, 3 декабря Энно получил от ген. Бертело телеграмму, в которой вместо известия об ожидаемом десанте, заключалось распоряжение: „прошу вас передать главарям большевиков, а также Петлюре и Винниченко, что я их делаю лично ответственными за всякое враждебное выступление и всякое стремление нарушить спокойствие в стране".

Одесса понемногу ликвидировала „сопротивление". „Совещание по обороне" заблаговременно отбыло в Крым; ген. Бискупский вошел в сношение с петлюровскими представителями о передаче им командования и города; адм. Ненюков посадил добровольцев на пароход „Саратов", который вышел на рейд. Добровольцев обвиняли за это весьма жестоко. Вряд ли, однако, город с миллионным почти неселением, в котором не оказалось ни инициативы, ни вождей, ни морального подъема, ни желания нести материальные жертвы для самозащиты имел право обвинять эту горсть людей — плохо организованных и еще хуже снабженных.

Петлюровские отряды 28 ноября без боя вошли в Одессу. Часть Николаевского бульвара была оцеплена постами из состава польского отряда и французских экипажей, образовав „нейтральную зону", над которой был поднят французский флаг. Петлюровцы не пытались ее нарушить.

* * *

И длилось их властвование всего семь дней.

В нейтральной зоне нашли себе приют общественные деятели и официальные лица, не пожелавшие покинуть Одессу. В их числе были Энно и член Особого Совещания Шульгин, вернувшийся по выздоровлении из Ясс, ген. Гришин-Алмазов [1]), командированный мной в Яссы для ознакомления русского посла Поклевского-Козелл и иностранных представителей с положением дел на Востоке и возвращавшийся через Одессу; генерал Эрделли, командированный к союзному командованию, и адм. Ненюков. На фоне общей растерянности Энно, Шульгин и Гришин-Алмазов не опускали рук и энергично искали выхода из положения, при чем по свидетельству Шульгина душою их кружка и работы был Энно. Им принадлежала идея „французской зоны", по

[1]) Бывш. военный министр Сибирск. правительства. По увольнении в отставку в конце октября приехал в Екатеринодар.

их же настоянию Ненюков согласился вручить командование добровольцами Гришину-Алмазову. Последний путем суровых мер остановил начавшуюся было панику, водворил в отряде дисциплину, и в ближайшие же дни добровольцы стали занимать внешнюю линию зоны, в которую понемногу начали пробиваться из города застрявшие там офицеры, броневики, даже артиллерийские части.

4 декабря подошли, наконец, первые транспорты французской десантной дивизии (156-й), во главе с бриг. ген. Бориусом. На требование французского командования сдать город петлюровцы ответили отказом. Ген. Гришин-Алмазов, чтобы не предоставлять французам чести „взятия“ Одессы и не давать тем предлога для оккупации ее, предложил Бориусу для обеспечения высадки французских войск очистить Одессу от петлюровцев силами добровольческого отряда. Предложение было принято с большим удовлетворением, и 5 декабря, после десятичасового боя город был занят добровольцами, потерявшими при этом до 150 человек. Петлюровские войска, до 4 тыс., ушли из Одессы, но продолжали занимать ее ближайшие окрестности, окружая город полукольцом.

Гришин-Алмазов, по предложению ген. Бориуса, занял пост военного губернатора Одессы и стал править от имени Добровольческой Армии, донеся немедленно мне и ожидая утверждения. В официальном письме на мое имя, составленном в несколько торжественном тоне, он „заверял честным словом“, что „нигде и ни при каких обстоятельствах не будет проводить политики иной, кроме указанной в (моих) директивах“ и что „никогда и ни при каких обстоятельствах не изменит“ Добровольческой Армии и мне...

Это неожиданное приращение территории хотя и соответствовало идее объединения южной России, но осложняло еще более тяжелое в то время положение Добровольческой Армии, возлагая на нее нравственную ответственность за судьбы большого города, обложенного неприятелем, требующего снабжения и продовольствия, а главное — города с крайне напряженной политической атмосферой.

Но трехцветный флаг был уже поднят над Одессой, и это обстоятельство обязывало.

Я утвердил Гришина-Алмазова в должности военного губернатора Одессы и прилежащего района и приказал произвести там призыв офицеров и двух возрастных классов, „руководствуясь условиями местной обстановки“.

ГЛАВА III.

Первые шаги Добровольческой власти в Одессе. — Деятельность там русских политических организаций.

Ближайшие две-три недели после занятия Одессы налаживалась еще только связь ее с Екатеринодаром, и ген. Гришин-Алмазов правил почти независимо от Ос. Совещания, находясь под влиянием Шульгина. Для гражданского управления он создал „правительственный аппарат" во главе с Пильцем (он же управл. вн. дел), в составе восьми отделов, в том числе юстиции, путей сообщения (одна жел.-дор. станция), финансов и т. д. Под предлогом затруднительности сношений с Екатеринодаром, что было отчасти справедливо, одесская власть стремилась упрочить maximum своей самостоятельности, в то время как Екатеринодар проводил идею ведомственного подчинения органам Ос. Сов. На этой почве начались недоразумения. Несогласованность планов продовольственного, топливного, товарообмена, морских перевозок и т. д., особенно тяжело отражалась на положении осажденного города, жившего исключительно подвозом. В этом деле в равной мере были виноваты одесский сепаратизм, екатеринодарский цетрализм и личные эгоистические устремления многих торгово-промышленников, пароходовладельцев и стоявшего за ними финансового мира. Но больше всего, конечно, — блокада петлюровцами города.

К случайно зародившейся власти отнеслись вообще с некоторым предубеждением, и не только в Одессе, но и в Екатеринодаре Гришина-Алмазова не знал у нас никто. Смущали некоторые неудачные назначения его сотрудников; вызывали возражение самостоятельное распоряжение эмиссией одесской экспедиции и широкие ассигнования государственных средств; большие штаты и крупные по екатеринодарским масштабам оклады; назначение „месячного пособия" всем состоящим на государственной и общественной службе и рабочим — прием не могущий быть примененным на всей территории Добр. Армии и отзывавшийся демагогией; выдача крупных по тому времени сумм на агитационную работу

Совета Гос. Об. — организации не доброжелательной по отношению к Добр. Армии и т. д. К тому же одесские осведомители указывали постоянно на непопулярность, якобы, Гришина-Алмазова и связывали между прочим его деятельность, как оказалось потом совершенно неосновательно, с работой Сов. Гос. Об., вероятно, благодаря активному участию в этой организации и покровительству ей председателя Одесского „правительства“ Пильца.

Под влиянием всех этих обстоятельств я послал Гришину-Алмазову телеграмму, в которой, указав на ненормальность служебных взаимоотношений его и „правительственного аппарата“ с Екатеринодаром, потребовал [1]):

„1. Ваш правительственный аппарат немедленно расформировать.

2. Для управления городом Одессой и прилегающим районом пользоваться нормальными органами одесского градоначальства.

3. Немедленно прекратить крупные ассигнования из казны без моей санкции.

4. Упразднить должности заведующих отделами и установить немедленно подчинение местных органов суда и управлений Особому Совещанию по соответствующим отделам.

5. Считаю желательным для обсуждения принципиальных дел гражданского ведомства приглашать представителей одесского городского и херсонского земского самоуправлений“ [2]).

Я полагал возможным вернуть Одессу в положение градоначальства, с тем, чтобы после расширения района учредить там областное управление с более широким кругом компетенции и власти.

Моя телеграмма вызвала большое волнение в правящих и политических кругах Одессы и целый ряд откликов. Энно, свидетельствуя о полной лойяльности Гришина-Алмазова и его „правительства“, просил об отмене распоряжения, которое „вызовет беспорядки в Одессе и парализует французское командование в его сношениях с гражданской и военной властью“... Шульгин в телеграмме ген. Драгомирову счел принятые меры актом недоверия к нему лично, как главному инициатору созданной схемы управления. Говорили по аппарату с ген. Драгомировым Гришин-Алмазов и Пильц. Все они указывали на крайне плохую связь с Ека-

---

[1]) Телеграмма от 27 декабря, № 1425.

[2]) Указанное в § 5 было сделано по ходатайству одесских демократических организаций, переданному мне по телеграфу посетившим Одессу ген. Лукомским.

теринодаром, необходимость поэтому большей самостоятельности местной власти и недопустимость чрезмерной централизации. Говорил также инженер Демченко[1]) „от имени своих политических единомышленников — Сов. Гос. Об., Нац. центра (?) и финансово-промышленных организаций". Осуждая, главным образом, стремление Екатеринодара руководить экономическими и финансовыми вопросами, касающимися Одессы, он, между прочим, сообщал [2]):

„Этими днями вернулись из Бухареста князь Куракин и Маргулиес, которые вели там переговоры с гр. Сент-Олером и ген. д'Анзельм. Последний ближайше должен быть в Одессе. Французы заявили — считают необходимым, чтобы при командующем всеми французскими войсками, штаб которого будет в Одессе, был или совет из представителей различных политических течений, или образовано специальное Южно-русское правительство для контактной работы, где будет распространяться французское влияние. В виду этого, после приезда их из Бухареста, в связи с теми приказаниями, которые они привезли от военного и дипломатического ведомства, последние дни у нас было соединенное совещание представителей умеренных и левых групп, т.-е. Сов. Гос. Об., Нац. центра и Союза Возр. России, которые пришли к единогласному решению о необходимости создания немедленно правительства, которое охватит весь юг России, где раньше была власть гетмана: при этом правительство, которое есть в Добр. Армии, должно считаться обще-российской властью. В этом новом правительстве министр иностранных дел и военный должны назначаться генералом Деникиным, а остальные министры намечаются соглашением между Сов. Гос. Об. и Нац. центр., с одной стороны и Союзом Возр. и Земск. Городск. Союзом — с другой стороны".

Образование нового правительства считалось в Екатеринодаре нарушающим идею объединения русских областей. Поэтому генерал Драгомиров сообщил Гришину-Алмазову, что „никаких претензий у Ос. Сов. быть всероссийской властью никогда не было, нет и теперь". Что главнокомандующий, возглавив вооруж. силы Юга России, считает необходимым на Юге единство военной и гражданской власти и не допускает образования в Одессе особого „правитель-

[1]) Демченко пользовался плохой репутацией в отношении своей финансовой деятельности; играл большую роль за кулисами одесского „правительственного аппарата".

[2]) Разговор с членом Ос. Сов. Шуберским 29 декабря.

ства". Ген. Гришин-Алмазов в свою очередь заверил, что идея эта возникла без всякого его участия и даже без его ведома и что он лично не допустит никаких перемен.

Между тем Сов. Гос Об. счел, очевидно, откровенность Демченки преждевременной. Телеграммой от 30 декабря председатель Совета, бар. Меллер-Закомельский удостоверял, что „сообщенные Демченкой сведения касаются лишь предварительной теоретической разработки вопроса о временной организации власти на юго-западе, при чем все соображения по этому поводу решено было представить ген. Деникину на одобрение через делегацию от Совета..." Одним из главных оснований необходимости создания правительственной власти на месте являлась, по его словам уверенность, что „в условиях оккупации, полной неожиданностей и препятствий, отсутствие на месте полномочного аппарата власти привело бы неминуемо к фактическому переходу ее в руки командного состава десантного отряда"...

И в телеграмме Демченки, и в заверениях бар. Меллера-Закомельского оказалось много неточностей. Четыре организации по вопросу построения власти не только не пришли „к единогласному решению", но, как увидим ниже, расходились в нем коренным образом; идея создания новой власти „при командующем французскими войсками" принадлежала не французам, а исходила из недр Сов. Гос. Об.; вопрос вышел далеко из рамок „теоретической разработки", так как 14 декабря Советом Гос. Об. были посланы в Бухарест М. Маргулиес и кн. Куракин с целью воздействовать на французских представителей и в частности на штаб ген. д'Анзельма, собиравшийся переехать в Одессу, и предложить им изложенную выше схему власти, с кандидатами в правительство из состава Совета Гос. Об. М. Маргулиес с кн. Куракиным заявили французам „о желательности образования Юго-западного правительства хотя бы сперва в форме совета при французском командовании". На этой форме они остановились, как на „наиболее приемлемой для французов..." Эту идею поддерживали и послы Совета, командированные в Париж, Бухарест и Константинополь (Шебеко, кн. Урусов и Молов). По крайней мере такие взгляды высказывали они по возвращении в Одессу на общественных собраниях.

После всех переговоров и доклада ген. Лукомского, вернувшегося из Одессы, я послал военному губ. в изменение телеграммы № 1425 новое распоряжение:

„1. Сохранить ныне действующее при Вас Совещание исключительно в качестве совещательного органа

без правительственных функций, каковые принадлежат лишь Вам в пределах полномочий, коими вы облечены.

2. Для неотложных расходов испросите необходимый Вам аванс, в пределах которого разрешаю производить финансовые операции на надобности, по которым своевременно не может быть получено разрешение финансового отдела Ос. Сов.

3. Общее управление финансами, торговлей и промышленностью, транспортом сухопутным и морским, а также учреждениями суда должно регулироваться директивами соответствующих Управляющих Отделов Ос. Сов., при мне находящегося, коим присвоены министерские права. В случаях неотложной необходимости принимайте чрезвычайные меры, донося немедленно мне. Все остальные указания тел. № 1425, не отмененные настоящей телеграммой, остаются в силе.

№ 1. Екатеринодар. 1 января".

Эта „конституция" существовала до самого переворота, устроенного французами, видоизмененная несколько в конце января с назначением ген. Санникова „главнокомандующим и командующим войсками Юго-западного края", с предоставлением ему больших полномочий [1]). Его же усмотрению был предоставлен вопрос о существовании и деятельности „совещания" при военном губернаторе Одессы. Ген. Гришин-Алмазов был оставлен в своей должности.

Гражданское управление Одессы с большим трудом начало было налаживаться. По мере выяснения обстановки создавалось большее взаимное понимание, и централизм Екатеринодара принимал более умеренные формы. Многие главы ведомств (воен., морск., финанс., торг.-пром.) побывали в Одессе, чтобы войти в личное общение с местной властью и устранить возникшие трения. Сотрудничество воен. губ. с городским головой Брайкевичем и предс. земск. упр. Бутенко — по свидетельству Брайкевича протекавшее в большом согласии — приближало власть к местной жизни и нуждам. Эти взаимоотношения выдержали благополучно и некоторое испытание: в начале января в Одессу была послана телеграмма о роспуске думы, которой истек срок 1 января, и о ведении городского хозяйства управой впредь до созыва новой думы по вырабатываемому в Ос. Сов.

[1]) Ген. Санников был во время мировой войны начальником снабжений Румынского фронта, а в первый периода встрийской оккупации — городским головой города Одессы.

закону [1]). Это общее распоряжение, касавшееся всей территории Добр. армии, проходило везде безболезненно, так как добровольческая власть в освобождаемых от большевиков районах в области городского и земского самоуправления находила пустое место и только не восстанавливала дум и собраний; в Одессе же дума существовала и поэтому там роспуск вызвал некоторое волнение и борьбу. Я оставил в покое одесскую думу. И должен признать, что от насквозь социалистического состава ее и вообще от местных бытовых и классовых организаций добровольческая власть не испытывала и десятой доли тех затруднений, как от некоторых пришлых элементов — русских и иноземных.

* * *

Кроме обвинений в централизации, добровольческую власть упрекали в том, что она „не идет навстречу организованной общественности". Между тем в Одессе не оказалось ни сколько-нибудь объединенной общественности, ни „общественного мнения". В этом политическом Вавилоне, как в фокусе, отразился разброд российской интеллигенции — весьма показательный и по своему значению выходящий далеко за пределы местной жизни. Здесь слагались окончательно те взаимоотношения, которые легли в основу всей дальнейшей междуусобной политической борьбы, раздиравшей противобольшевистский фронт.

Совет Государственного Объединения вел наиболее интенсивную работу, сумев придать себе значительный вес в глазах представителей французского командования. Его послы побывали в Константинополе, Бухаресте, Париже, Екатеринодаре — всюду, где только слагались центры влияния на события Юга. Пополненный „кооптацией" вновь приехавших лиц, довольно однородный по своему социальному составу, Совет в политическом отношении представлял более пеструю картину: уходя своими корнями вглубь немцефильских кругов, прогетманских организаций, Протофиса и „хлеборобных" союзов, он был связан вместе с тем персональным совместительством с Нац. центр., а член бюро Совета, „политический маклер" Маргулиес, протягивал тонкие, рвущиеся нити между Советом и демократическими организациями.

Совет не углублял и не раскрывал свою идеологию, а ставил исключительно вопрос о власти. Попытки его под-

---

[1]) Ясское совещание также отрицательно относилось к „думам Вр. Пр-ства", считая необходимым „ввести всеобщее избирательное право в разумные пределы" путем повышения цензов — возрастного и оседлости.

чинить своему влиянию Екатеринодар не увенчались успехом. Одесса представляла более благодарную арену для подобных экспериментов, но бюро Совета в те дни, когда решался впервые вопрос об одесской власти, укрылось в Крым, и события потекли мимо него: появился „узурпатор" Гришин-Алмазов и за ним политическое руководство Шульгинской группы... Поэтому, с первых же недель, когда не только не было еще „мертвящей централизации Екатеринодара", но не установилась с ним даже надлежащая связь. Сов. Гос. Об. повел борьбу за власть. Не имея иной опоры, кроме французского командования, Совет готов был идти и на французскую оккупацию и на „иностранные легионы". Готов был признать диктатуру в лице ген. Деникина и ген. д'Анзельма, лишь бы за нею стояла его власть. Когда французы указали на необходимость соглашения с демократией, Совет готов был пойти и на трехчленную директорию. Вопрос о конструкции власти не имел, повидимому, в глазах Совета принципиального значения; опасаясь полного разрыва с Добровольческой Армией, Совет в то же время готов бы отказаться и от схемы Маргулиеса и от идеи директории, принимая в чистейшем виде институт генерал-губернатора, вернее, наместничества.

В записке, поданной мне через кн. Щербатова в начале февраля, пожелания Совета были высказаны в форме достаточно элементарной: „представителем и носителем власти в Одессе и в оккупированном (?) французскими войсками районе должно быть лицо, назначенное генералом Деникиным по предварительному соглашению с французским командованием"... Это лицо „должно быть облечено почти неограниченными правами", в том числе правом всех назначений и широкого расходования кредитов — главным образом... на агитацию и пропаганду, находящуюся в теснейшей связи с „организацией (Совета?), работающей за-границей"... [1]). „Необходимо организовать самую широкую и умелую контрразведку"... Наконец, начальник края должен в своей деятельности „считаться с мнением руководящих общественных групп, дабы не увеличивать числа недовольных, способных нарушать созидательную работу и обращением своим к французскому командованию затруднять и без того сложные взаимоотношения".

Если принять во внимание, что по мнению Совета и инспирированного им французского командования ни Гришин-Алмазов, ни Санников не удовлетворяли такому назначению,

[1]) Бюро Совета настойчиво и постоянно обращалось к Гришину-Алмазову, Санникову, Бернацкому за субсидиями на свою работу в Одессе и за границей, исчисляя потребность средств десятками миллионов.

и обе стороны добивались всеми доступными путями назначения ген.-губернатором Одессы Пильца, то вся работа Сов. Гос. Об. теряет значительно в своем идейном обосновании [1]).

Деятельность Национального Центра в Одессе протекала вяло. Те немногие члены гл. комитета, которые находились в Одессе, являлись случайными представителями его, не снабженными ни должными полномочиями, ни информацией. 5 января, после приезда М. М. Федорова, приступлено было к некоторой организации: образовался „одесский отдел“ Центра [2]), поставивший своими ближайшими задачами „установить связь со всеми группами общественных деятелей в Одессе... и партиями несоциалистического направления..., а также направлять общественную работу руководителей Добр. Армии, удерживая их от принятия мер, противных духу времени“. Собрание установило характер своей будущей работы, в которой большое место отводилось „пропаганде за Добров. Армию“. Организация действительно горячо защищала интересы Армии, поскольку оторванность от Екатеринодара не препятствовала ее добрым намерениям.

Но и после образования отдела, вследствие плохой связи с гл. комитетом, позиция его была не достаточно определенна и удельный вес, поэтому, не очень велик. Не раз представителям отдела приходилось выступать от своего только имени, уклоняться от принятия решений или расходиться с центром [3]). В своем послании в Екатеринодар Нац. Центру отдел писал однажды: „отсутствие руководящих указаний относительно главнейших вопросов текущего момента крайне затрудняет положение представителей отдела в четырехглавом совещании [4]), так как все другие входящие в него организации имеют свои вполне определенные проекты, и только Нац. Ц. не имеет не имеет ничего определенного и должен ограничиться критикой чужих предложений“ [5]).

Параллельно с одесским отделом Н. Ц. в Одессе возобновила свою деятельность и группа Шульгина — „внепартийный блок русских избирателей в Киеве“, работавший последнее время в качестве „Киевского отдела Н. Ц.“; группа

---

1) В Гос. Сов. Обор. были различные люди и различные течения. Я касаюсь здесь того течения, которое возобладало и проводилось в жизнь бюро Совета.

2) Под председ. Юренева, в составе Родичева, Шульгина, Волкова. Энгельгардта, Новгородцева и друг.

3) Например, в вопросах о „Принкипо“, о диктатуре и т. д.

4) См. ниже.

5) Информация от 19 января 1919 г.

пополнилась представителями других южных губерний и в конце января выступила под новым именем „Южно-русского Национального Центра“, став в совершенно независимые отношения к Н. Ц. [1]). Это расслоение явилось далеко не случайным и знаменовало отпадение от Н. Ц. его правого крыла, искусственно выросшего в 1918 году на почве совместной борьбы с украинством и германофильством. И хотя Шульгин писал, что „после сформирования Южно-русского Н. Ц. предполагается возобновить тесную связь, которая последнее время как-то ослабела“, но фактически взаимоотношения их никогда больше не налаживались.

В своих ориентировках и переписке Шульгин и его сотрудники постоянно осуждали централистическую политику Екатеринодара („необходимую, как принцип, но вредную, как систему текущего управления“), были недовольны Савинковым и добивались полноты власти для Гришина-Алмазова. Но эти внутренние трения не выносились наружу, и группа повсюду — в печати, в совещаниях, в сношениях с французами поддерживала Добровольческую власть и в частности главнокомандующего, „как носителя дорогой нам идеи и вождя единственной реальной русской силы“...

С такой же прямолинейностью Шульгинская группа вела борьбу с украинством, „в каком бы виде оно ни проявлялось“.

Союз Возрождения России в начале 1919 г. переживал наиболее тяжелые дни внутренней распри. Сама основная идея его возникновения, политики и тактики — сотрудничество с несоциалистическими, буржуазными группами — подвергалась яростным нападкам со стороны социалистических партий. Не говоря уже об украинских социалистах, в глазах которых политика государственного единства была недопустимой, его бойкотировали и русские социалисты, настойчиво требуя разрыва с несоциалистическими организациями и с Добровольческой Армией. Комитет соц.-дем. в Киеве вынес постановление о недопустимости вступления в Союз членов партии. Так же отрицательно отнеслось „Южное совещание“ партии соц.-рев.: „деятельность Союза Возрождения в значительной мере является дезорганизующей силой демократии и способствующей безответственным персональным выступлениям политических деятелей, особенно вредным в условиях нашего времени“ — говорила резолюция, предложенная центральным комитетом, и требовала отозвания из Союза всех членов партии соц.-рев.[2]).

[1]) Состав бюро: председатель В. В. Шульгин, заместитель Савенко, члены — граф Д. Гейден, Ефимовский, Грушевский (Е. Г.).

[2]) Одесса, февраль 1919 года. Резолюция собрала половинное число голосов.

Что касается Добр. Армии, то „совещание“ это постановило, что оно „не может призывать трудящиеся массы к поддержке Добр. Армии в силу неприкрытых стремлений ее вождей к социальной и политической реставрации“. Совещание требовало „безусловного подчинения Армии демократической Южно-русской государственной власти“... без чего „партия соц.-рев. может рассматривать Армию только как силу, враждебную демократии“.

Эти партийные узы тяжелым ярмом лежали на членах Союза Возрождения, лишая Союз свободы действий и обрекая на бесплодность все усилия его умеренных и государственно-мыслящих членов. Эти узы вносили в среду Союза неискренность и колебания. Союз утрачивал внепартийный характер своей организации. Мало-по-малу от него откалывалось правое его крыло—кадеты[1]), а постановление, принятое Союзом 16 марта и признававшее „невозможным участие членов его в организациях Нац. Центра“ (в силу расхождения в вопросе о диктатуре), наносило существенный удар самой идее блока социалистических партий с буржуазными.

В конце ноября 1918 г. на Юге России создалась еще одна организация „Совет земств и городов Юга России“, возникшая в результате Симферопольского съезда. Хотя состав съезда был малочисленный и совершенно случайный, по преимуществу социалистический; хотя органы самоуправления, возникшие в 1917 году под гнетом революционного угара и засилия солдатчины, имели сомнительные права на народное представительство,—съезд высоко расценивал свое предназначение: „В деле создания... временной демократической государственной власти Юга России—говорилось в его резолюции—при отсутствии в данный момент верховных органов народовластия и общегосударственного аппарата управления, земские и городские самоуправления, как избранные всем народом на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права и единственно уцелевшие органы правомерной государственной власти на местах—имеют право и обязаны являться выразителями воли избравшего их населения“.

Вдохновителями и руководителями этого съезда были все те же лидеры Союза Возрождения, и поэтому программы их были тождественны, деятельность однородна, превращая Совет в филиал Союза Возрождения.

Съезд поручил избранному им Совету принятие всех необходимых мер к созданию временной государственной власти и восстановлению демократических органов само-

[1]) Вышли кадеты: Степанов, Астров, Юренев и друг.

управления. В основание его резолюций были поставлены следующие основные положения: 1) необходимость ликвидации советской власти и борьба с „наростающими в стране реакционными силами"; 2) единство России — в широких границах, исключающих восстановление „централист. госуд. строя и бесповоротное признание за каждой национальностью права на полное отделение от России; 3) проведение начал народовластия; 4) образование южно-русского центрального правительства „путем сговора политических и общественных групп на государственном совещании", в котором были бы равномерно представлены оба крыла российской общественности (ценз. и неценз.) — в форме директории; 5) помощь союзников, не превращающаяся, однако, в „опасное вмешательство в наше внутреннее российское дело" [1]); 6) признание Уфимской директории „мощным фактором в деле возрождения России", и слияние с нею впоследствии Юга „путем дружественного соглашения"; 7) снятие с очереди „в виду разногласий" вопроса о роли и значении первого Учред. Собр.; 8) признание за Добров. Армией государственных заслуг и ответственной роли — „служить на Юге России ядром для воссоздания российской народной армии" и отрицание, как государственной власти — компетенции Особ. Совещания.

Только в одном вопросе существовало расхождение между обеими организациями: Союз Возр. относился совершенно отрицательно к украинской директории и самостийности, считая, что „в движении этом преобладают не национально-украинские, а социально-большевистские тенденции", и предостерегал французское командование от сближения с Директорией. Совет Земств и Городов считал необходимым „вступить в сношения с политическими и общественными группами на Украине в целях демократического разрешения создавшегося положения" и уполномочил бюро совета вести переговоры с Директорией [2]).

В письме своем ко мне бюро Сов. Зем. и Гор. [3]) указывало, что „Съезд поставил себе целью способствовать объединению вне зависимости от партий и классов всех элементов русской общественности, готовых примкнуть к общей борьбе за воссоединение единой, независимой и демократической России". Это была теория. На практике

[1]) Резолюция, однако, в дальнейшем призывала союзников поддержать демократию в противовес „ничтожного меньшинства", борющегося против народовластия.

[2]) Постановление пленума Совета.

[3]) Состав бюро: соц.-рев. — Руднев, Гоц, Макеев; соц.-дем. — Я. Рубинштейн, Коробков; нац.-соц. Елпатьевский, Бернштам; к-ты Брайкевич, Кондратьев.

Совет, как и Союз Возр. разделяли партийные перегородки и опутывали партийные догматы. Партийные комитеты зорко следили за поведением своих сочленов в земско-городском объединении, и то же „Южное совещание партии соц.-рев.“, хотя и допускало бытие этой организации, но обвиняло ее в „оторванности от широких масс демократии“ и требовало от своей фракции „вести работу в тесной связи с деятельностью партийных организаций“.

Совет Зем. и Гор. прожил 4 месяца и вместе с падением Одессы закончил фактически свою деятельность.

Так или иначе генералы Санников и Гришин-Алмазов оказались единовременно под воздействием и опекой пяти расходящихся во взглядах политических организаций.

* * *

Идея „сговора общественных сил“, столь популярная на всем протяжении смутного времени и столь безнадежная в своем осуществлении, нашла отражение и в деятельности одесских политических кругов. С конца декабря и до начала марта состоялся ряд совместных заседаний „четырех организаций“ [1]) для решения вопроса о создании временной российской власти и для определения основной ее программы. Весь ход переговоров и в особенности интимные подробности, которые стали известными, свидетельствуют, что этим актом стороны отдавали только лишь дань времени, сохраняя предупреждение и неискренность в отношении друг друга, сомневаясь в возможности сговора и как будто выискивая благовидный предлог для того, чтобы разойтись вновь и надолго.

Материалом для обсуждения вопроса о построении власти послужил проект Союза Возрождения, заключавшийся вкратце в следующем:

1. Образуется государственное совещание, составленное из представителей краевых правительств и представительных органов, „четырех“ межпартийных организаций, проф. союзов, кооперативов, торгово-промышленных организаций и политических партий.

2. Гос. совещание избирает директорию из трех лиц, в число которых входит главнокомандующий Добр. Армией.

3. Директория, как носительница верховной власти, назначает деловое правительство.

4. Гос. совещ., избрав директорию и опубликовав основные положения программы правительства, распускается.

---

[1]) Сов. Гос. Об., Нац. Центр., Союз Возр., Сов. Зем. и Гор.

5. Директория при первой возможности передает власть Учред. Собр., перед которым только несет ответственность и которое определит форму государственного устройства и основные законы.

На этих положениях сосредоточилось все обостренное внимание совещания, так как декларации по аграрному, рабочему и другим вопросам приняты были только к сведению, не подвергаясь обсуждению.

Первоначально Сов. Гос. Об. не возражал принципиально против этой схемы, принятой также Сов. Зем. и Гор.; а отдел Нац. Центра, не имея указаний от своего гл. комитета, ограничивался введением в нее поправок, в том числе требованием, чтобы в Гос. Совещ. была представлена Добр. Армия и чтобы была точно отмежевана та область управления, в которой главнокомандующему предоставляется дискреционная власть. Но по мере выяснения в порядке осведомления социальных и политических расхождений договаривавшихся сторон, вопрос о верховной власти приобретал все более острый характер и становился явно основным стержнем борьбы и раздора. На совместном заседании Сов. Гос. Об. и Нац. Центра 11 февраля решено было добиваться предоставления „члену директории главнокомандующему“ единоличной власти над армией, в том числе права всех назначений командного состава. Это требование встретило решительный отпор со стороны двух остальных организаций. Когда же на очередном заседании 25 февраля было оглашено полученное из Екатеринодара постановление главн. комитета Нац. Центра, отвергающее директорию и настаивающее на необходимости „единоличной военной власти, обладающей чрезвычайными полномочиями“, это заявление вызвало решительный и окончательный разрыв.

О нем все организации поведали печати.

„Военная диктатура — говорилось в декларации бюро Сов. Зем. и Гор. — может опереться в стране лишь на немногозначительные группы из среды имущих классов, интересы которых она обязалась бы охранять. Народные массы справедливо усмотрели в диктатуре шаг к реставрации дореволюционного строя; с навязанной им новой властью никогда не примерятся и умеренно демократические круги. Несмотря на внешнюю полноту власти, единоличная диктатура, изолированная независимой общественностью, бессильна будет справиться со сложными задачами по организации нормального право-порядка, более чем когда-либо требующими величайшей самодеятельности общества и народа. Бюро возражает против позиции, занятой Нац. центр. и Сов. Гос. Об. в земельном вопросе. Эти орга-

низации стремятся включить в программу деятельности временной южно-русской власти восстановление и охрану прав земельной собственности, при чем Сов. Гос. Об. настаивает на вознаграждении землевладельцев за понесенные за время революции убытки. Усматривая в этом насильственное восстановление дореволюционных земельных отношениий, бюро Зем. и Гор. считает, что это будет новым поводом для взрыва новой гражданской войны в деревне, обострения классовой ненависти и укрепления большевизма. Власть, которая руководствовалась бы исключительно интересами землевладельческого класса, была бы, по мнению бюро, губительной и антигосударственной".

Констатируя в свою очередь неудачу переговоров, Союз Возр. приписывал причины ее „большевистским настроениям масс, реставрационным замыслам и вожделениям в среде земельных собственников и других имущих классов, центробежным стремлениям некоторых из южных краевых правительств... и, наконец, явному нежеланию военных кругов, в частности главного командования Добр. Армии, войти в соглашение с организованными общественными силами". И, угрожая решительно противодействовать этим тенденциям, рисовал план своих будущих действий:

„а) Усилить свою агитационную деятельность и организационную работу, стремясь привлечь к делу возрождения России наибольшее количество демократических сил, с тем, чтобы, опираясь на эти силы, взять на себя активную роль в деле воссоздания русской государственности;

б) вступить в сношения с краевыми правительствами и национальными партиями и организациями, признающими необходимость воссоединения России, стремясь привлечь их к совместной и согласованной с союзом работе по возрождению России;

в) усилить информирование общественных и правительственных кругов Западной Европы и Америки о русских отношениях, в целях привлечения их симпатий и активной с их стороны помощи делу русской демократии в ее борьбе за народовластие и свободу;

г) оказывать при наличности достаточно благоприятных политических условий свою поддержку новым русским военным формированиям, образуемым на демократических основаниях, как для того, чтобы увеличить количество сил, борющихся с большевиками, так и для того, чтобы обеспечить будущей общегосударственной власти на юге России кадры для создания родной армии".

Фактически в екатеринодарский и ростовский периоды Союз Возр. представлял из себя довольно изолированную группу, оторванную и от социалистических партий и от буржуазной общественности, стоявшую вне рамок действенной борьбы, играя роль лойяльной оппозиции диктатуре.

Нац. Центр протестовал против упрощенного толкования Сов. Зем. и Гор. причин разрыва:

„По мнению некоторых групп, входивших в означенное совещание, расхождение их с Нац. Центр. произошло по вопросу земельному и об образовании временной власти. Группы эти бросают Нац. Центру упрек в том, что он стремится к закреплению помещичьего землевладения, что он противодействует демократическому строю России и высказывается против него. По этому поводу представители Нац. Центра видят себя вынужденными заявить, что мнение это не соответствует действительному положению вещей. Программные изложения Нац. Центра по земельному, рабочему, а равно и обще-политическим вопросам свидетельствуют, что Нац. Центр не мыслит будущей России иначе, как обновленною в духе широких демократических преобразований с уничтожением сословных различий, с глубоко идущими социальными реформами, с широкой децентрализацией управления. Нац. Центр стоит за обеспечение землею сельского населения. Восстановление же частных прав земельных собственников является вопросом права и суда, в области которых никакая временная власть не правомочна вторгаться. Задачей временной власти в этой области должно лишь служить предупреждение новых взрывов гражданской войны и классовой мести, установление на местах законных органов, которые бы беспристрастно разбирали возникающие споры из-за земли, не предрешая вопроса о правах на землю и оставляя этот вопрос всецело на суждение будущего Учредительного Собрания. Нац. Центр считает, что расхождение по этому вопросу с другими группами уже потому не могли иметь существенного значения, что вопрос этот не был обсужден до конца. Существенным для Нац. Центра является расхождение по вопросу об образовании временной власти. Нац. Центр считает, что в условиях борьбы с большевизмом необходима только сильная военная власть и правильная дисциплина для всех классов. В этом отношении Нац. Центр ссылается на опыт Уфимской директории. Военному командованию должны быть предоставлены чрезвычайные полномочия временного характера. Ничуть не возражая против демокра-

тических принципов в устройстве власти, Нац. Центр не может участвовать в создании коллегиальной власти, которая не может привести к спасению России".

Точно также протестовал и Сов. Гос. Об.:

„Представители бюро Сов. Гос. Об. России настаивали на предоставлении главнокомандующему неограниченного права решать вопросы о назначении высшего командного состава армии и об объявлении отдельных местностей на военном положении, против чего категорически высказались социалистические группы.

При наличности непримиримого разногласия по означенному вопросу о создании власти, отпала возможность дальнейшего соглашения. Поэтому участвовавшие в совещании группы ограничились изложением основных своих предположений по вопросам экономическим и социальным. Заявления эти, в том числе и заявления по аграрному вопросу, были без всякого обсуждения их в общих собраниях занесены в протокол заседания.

Вышеприведенные данные находят себе полное подтверждение в протоколах совещаний четырех общественных организаций. Эти данные свидетельствуют: 1) что прекращение совещаний общественных организаций было вызвано разногласием по вопросу об определении объема прав главнокомандующего русскими вооруженными силами, и 2) что по аграрному вопросу между договаривающимися организациями не обнаружилось непримиримых разногласий, которые не могли бы быть устранены при дальнейшем совместном обсуждении этого вопроса, какового, однако, не последовало".

Наконец в полном согласии с Нац. Ц. высказалась и группа Шульгина [1]):

„Повторение опытов политики Керенского и Уфимской директории не принесет спасения измученной стране. Поэтому, признавая постановление о необходимости образовать для Южной России директорию из трех лиц глубоко ошибочным и могущим иметь самые гибельные последствия для нашей страны, Южно-Русский Нац. Центр призывает все патриотические элементы населения, отбросив все классовые соображения, и помня только о государственной пользе всемерно и безоговорочно поддерживать власть главнокомандующего Добр. Армией".

[1]) „Южно-Рус. Нац. Ц.", не участвовавший в переговорах.

Я был ориентирован достаточно подробно о ходе работ совещания „четырех организаций“ и негласно—о предположенном демократией составе директории. Кроме главнокомандующего, который должен был войти в нее ex officio, назывались имена к.-д. Н. И. Астрова и с.-р. И. И. Бунакова-Фундаминского...

Я отношусь с большим уважением к Н. И. Астрову; не знаю вовсе г. Фундаминского; но, судя по тому доверию, которым пользовался Фундаминский среди революционной демократии, вероятно был он человеком достойным. Не буду входить также в сравнительную оценку преимуществ той или иной системы власти (директория, консулат, диктатура). Но меня поражала та схоластическая привязанность к формулам, та оторванность от действительной жизни, которую проявляла в этом вопросе демократия. Мне казалось, что для всех, кто наблюдал серьезно жизнь Екатеринодара, устремления казачьих правительств, настроения армии и близких ей кругов, должно бы быть совершенно ясным, что осуществление этой идеи безнадежно. Южную директорию постигла бы та же учесть, что и Уфимскую. Только дни ее жизни были бы значительно короче и конец плачевнее.

Во всяком случае, в силу господствовавших настроений, главнокомандующий не имел бы возможности не только поддержать престиж, но даже и оградить самую жизнь члена директории, еврея Фундаминского.

ГЛАВА IV.

Украинские течения в Одессе.—Политика французов в отношении украинской директории и вооруженных сил Юга.

Помимо перечисленых пяти организаций, в Одессе существовали органы всех политических партий — от блока крайних правых, во главе с Пеликаном и Родзевичем до тайных большевистких ячеек, обладавших большими средствами и ведших разлагающую пропаганду в городе, среди французских матросов и солдат. Легальные российские партии в качестве таковых на авансцену одесских событий непосредственно не выступали, оказывая влияние и давление, главным образом, при посредстве „пяти организаций“. Точно также мало заметна была в городе с огромным еврейским населением явная политическая работа еврейских партий. Одесские осведомители указывали только упорно на тайную совместную деятельность некоторых немецких банков и крупных еврейских финансистов, поддерживавших украинское движение. Эта работа, видными участниками которой называли между прочим Марголина и Вольфзона, находилась в трагическом несоответствии с природой движения, с волной еврейских погромов, поднятой разлагавшимися войсками Директории и прокатившейся по Украине и Новороссии в феврале—марте 1919 г. Эта же работа создала в Добровольческих кругах довольно распространенное и слишком упрощенное объяснение направления французской политики на Юге — „еврейским золотом“ и „еврейским засильем“. Олицетворялось оно всемогущим тогда начальником штаба ген. д‘Ансельма евреем Фрейденбергом [1]) и его советчиками — Марголиным, Маргулиесом и другими видными представителями русского еврейства.

Наибольшую деятельность проявляли украинские группы. Делясь на несколько толков и течений, они обладали общими чертами — большой долей авантюризма и большой решимостью жертвовать интересами и Украины и России.

---

[1]) В транскрипции Марголина и Маргулиеса — „Фредамбэр“.

В одно и то же время в Москве вел переговоры с советом комиссаров украинский посол Мазуренко, а в Одессе вступала в сношение с французским командованием целая плеяда украинских деятелей: воен. министр ген. Греков, мин. вн. дел Мациевич, его товарищи Марголин и австриец Галип; представитель отколовшегося на ноябрьском съезде левого крыла хлеборобов Шемет и другие лица. Все они для подкрепления своей агитации пользовались большими средствами [1]. Не признаваемые Добровольческой властью и явно враждебные ей, они, тем не менее пользовались, благодаря французам, полным иммунитетом в Одессе.

Эти официальные представители Директории далеко, впрочем, не отличались единством. Военная группа (Петлюра, Греков, отчасти Галип), находившаяся в оппозиции к партии Винниченко, в поисках расположения французов готова была итти на внутренний переворот — очищение Директории от Винниченко и большевистких элементов и сближение ее с буржуазией, с сохранением, однако, самостийности Украины. По мере развала армии и правительства, из этой комбинации вышел ген. Греков и стал вести свою особую линию, „жертвуя“ уже и Петлюрой и являясь претедентом на роль главы Директории или диктатора. В то же время его агенты стремились привлечь одесское офицерство и в особенности генеральный штаб на украинскую службу широкими денежными посулами и обещаниями „федерации и даже монархии“. Они говорили также о возможности соединения армий под общим водительством Добровольческого командования.

Украинская работа велась и в другом направлении.

Бывшие гетманские деятели — генералы Бискупский, Присовский, Долгоруков и друг., оставшиеся не у дел, сохранившие старые связи с немцами и завязывавшие новые — с французами, были враждебны к Добр. Армии и в свою очередь сильно смущали офицерство. Бискупский, возглавлявший эту группу, стремился к образованию „краевого правительства с объединением национальностей“ и к созданию особой украинской армии; в то же время он старался заинтересовать французов своим проектом разрешения аграрного вопроса в России: иностранный консорциум, скупающий у помещиков землю и перепродающий ее после парцелляции крестьянам с большим дивидентом... Трудно было определить, где в этом проекте проходят грани между фантастикой и потерей национального чувства.

---

[1]) Помимо большого запаса денежных знаков, перешедших от гетман. правительства к Директории, Германия продолжала изготовлять бум. деньги и снабжать ими Директорию в значительных размерах.

Эта группа в силу финансовых, повидимому, обстоятельств, объединилась с другой, также крайне правой, представителями которой были: харьковский помещик, предс. отд. союза русского народа, Котов-Коношенко, претендовавший на гетманский „стол", и киевский помещик, бывш. чиновник канц. ген.-губ., Григоренко. Они играли роль представителей „Всеукраинской народной громады" и „Всеукраинского союза хлеборобов-собственников" — групп отколовшихся от Всеукраинского союза хлеборобов на ноябрьском съезде. Это звание придавало им известный декорум „народных избранников" в глазах не разбиравшихся в русских делах французов.

От имени обеих организаций Котов-Коношенко подал докладную записку французскому командованию и ген. Санникову с изложением чаяний широкого фронта русско-украинской реакции и ее несложной программы: 1) верховная власть в Малороссии принадлежит „гетману, воеводе или Верховной краевой раде"; 2) при ней — „Верховный Совет из представителей Добр. Армии, Народной Громады и хлеборобов-собственников"; 3) „краевая армия", созданная путем мобилизации „имущих классов при участии хлеборобческих громадянских организаций", с офицерским составом преимущественно „из местных офицеров-хлеборобов"; 4) лозунг — „неприкосновенность собственности на землю". Аграрный вопрос считался уже разрешенным „в виду накопления капиталов в деревне, позволяющих крестьянам скупать землю", для чего требуется лишь „законное разрешение свободной купли-продажи земли".

Эти организации делали также попытки формирований, призывая в свои ряды офицерство и прельщая его крупными окладами, превосходившими значительно добровольческие.

Естественно, что у ген. Санникова ни Котов-Коношенко ни его проект не встретили никакого сочувствия. Но французское командование, в поисках „подлинно" демократических течений, вело оживленные переговоры с ним и с Григоренко, и в их кругах искало людей для нового правительства; в частности Григоренко состоял неизменным кандидатом во всех французских комбинациях новой власти.

И хотя Бискупский, Котов и Григоренко являлись сторонниками и претендентами на возглавление государственной власти трех различных систем — краевого правительства, гетманства и Директории, но это различие, повидимому, не считалось существенным и не препятствовало нисколько их единению. По существу идеология всех этих лиц была одна и та же, как один и тот же денежный источник питал их деятельность.

Большое участие в этой группе принимали руководители киевского монархического блока; полной поддержкой пользовалась она со стороны „Протофиса", группы „Всероссийского союза земельных собственников" и нового крайне правого блока Пеликана-Родзевича-Гижицкого. Григоренко установил тесный контакт с бюро Сов. Гос. Об. и в то же время вел переговоры с группой ген. Грекова, протягивая нити к украинской Директории... По игре судьбы сложная интрига ковала длинную цепь, противоположными концами своими захватывавшую Петлюру и... Пеликана.

Наконец, была еще одна конспиративная польско-украинская группа, внушавшая французам мысль об освобождении Украины при содействии Польши и о включении ее на автономных началах в состав Польского государства...

Если ко всему этому добавить, что одна и та же контрразведка обслуживала и немцев, и Украинскую Народную Громаду [1]) и что по свидетельству Маргулиеса другая контрразведка („источник сведений") работала одновременно на французов, на Гришина-Алмазова и за особую плату „раньше их" делилась своими сведениями с бюро Сов. Гос. Об. [2]), то получится довольно яркая картина того переплета борьбы, интриг, влияний, той политической свистопляски, которая мутила Одессу.

Картина была бы неполной, если бы я не коснулся другой области — социально-экономических отношений. В этой области по концентрации спекулянтских элементов и плутократии, по темпераменту и размаху Одесса превзошла, вероятно, тыловые центры всех фронтов. „С одной стороны безмерная нужда масс — писала одесская газета — с другой столь же безмерная расточительность... Буржуазия наша в чаду своих бумажных барышей и столь же полноценных развлечений, как будто ничего не видит, не ударяет пальцем о палец, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить бедственное положение народных низов. Ее пир во время чумы продолжается с непрекращающимся блеском и треском. А роковое кольцо вокруг нее, между тем, все суживается и суживается"...

„Одесский омут". Так охарактеризовала печать бурнокипящий третий этап российской „контр-революции".

* *
*

Положение французского командования в Одессе при создавшейся обстановке было поистине трудным. Множество

[1]) Почти каждая политическая организация того времени имела свой контр-разведочный или осведомительный орган.

[2]) На приобретение их бюро расходовало суммы из субсидии, полученной от военного губернатора через Пильца.

людей совершенно противоположных взглядов ежедневно осаждали французский штаб; делегации, депутации, представлявшие непременно „народные массы“, „демократию“ или по меньшей мере „широкие слои общественности“, внушали французам свои проекты спасения России, Украины или французского влияния, поражавшие своими противоречиями и приводившие французов в полнейшую растерянность. Различные авантюристы, проходимцы находили окольные пути через некоторых персонажей многолюдного французского штаба и совместно с ними создавали вокруг него нездоровую политическую и спекулянтскую атмосферу.

В первый месяц французской интервенции, пока старшим начальником был бригадный генерал Бориус — строевой офицер, не имевший вкуса ни к политике, ни к властвованию, фактическим руководителем французской политики на Юге оставался Энно. Поэтому, в первых донесениях Гришина-Алмазова звучали уверенные ноты: „с французским командованием установились наилучшие отношения. Фактическим распорядителем являюсь я“.

Вскоре оптимизм исчез. Хотя ген. Бориус действительно не вмешивался в гражданское управление и проявлял вполне доброжелательное отношение к Добров. власти, но тем не менее положение Одессы становилось невыносимым. Власть военного губернатора распространялась только на город, но уже предместья его и ближайшие деревни занимались петлюровскими рядами; в их руках был даже городской водопровод. Отрезанная от источников своего питания, Одесса осталась без продовольствия и фуража. Цены росли неимоверно, и это давало пищу для недовольства масс и Добровольческою властью и французским командованием, престиж которого, высокий вначале, все более падал. Наконец, ничтожные размеры „зоны“ не допускали сколько-нибудь серьезного развертывания наших сил, которые к январю насчитывали всего 1.600 штыков, 56 сабель при 10 орудиях.

Французский гарнизон Одессы состоял всего из бригады пехоты с артиллерией и техническими частями и конного полка. При полной инертности и ничтожестве противника и эти силы были вполне достаточны для расширения зоны, тем более, что в Николаеве разновременно сосредоточилось до 25 тыс. германских войск, которых петлюровцы довели до отчаяния, отрезав им все пути, и на которых возможно было возложить хотя бы временно обеспечение Херсоно-Николаевского района.

Гришин-Алмазов, поддержанный мною перед главным французским командованием, настойчиво добивался продвижения французов первоначально хотя бы с целью захвата ближайших деревень, затем до линии Тирасполь-Раздельная,

Березовка-Николаев-Херсон. Ограниченный этой линией район представлял прекрасную военно-хозяйственную базу; обеспечивая оборону города, открывая железнодорожную связь с Румынией, где осталось многочисленное русское имущество бывш. Румынского фронта, он отдавал бы в наши руки площадь богатую хлебом и фуражем, особенно Николаевский и Херсонский уезды, являвшиеся ближайшим рынком Одессы.

Но ген. Бориус получил приказание занять только Одессу и решительно отказался продвигаться далее. Французское правительство не имело, повидимому, никакого плана и колебалось. Командование боялось рисковать незначительными силами, не торопилось их увеличивать и явно стремилось к разрешению взятых на себя обязательств одним „моральным авторитетом" без пролития французской крови. Поэтому, вместо военных действий, продолжались нудные и безрезультатные переговоры с Директорией. Энно, разделявший взгляды на этот вопрос русского командования и поддерживавший идею единства России, тем не менее при создавшейся обстановке считал необходимым использовать военные силы Директории, питая искренние, но совершенно нереальные надежды на возможность „кооперации" их с Добровольцами.

Потеряв надежду на продвижение французов, Гришин-Алмазов предложил французскому командованию расширить зону своими силами, но получил категорический отказ.

Так прошел месяц. Одесса задыхалась в тесном кольце блокады. Директория понемногу распадалась, войска ее разлагались, силы одесских Добровольцев не возрастали, а советские армии все ближе подвигались к Киеву.

* * *

В начале января в Одессу прибыл штаб французской дивизии во главе с ген. д'Анзельмом и начальником штаба пол. Фрейденбергом, а вслед затем высадились и новые части десанта. В последующих событиях личность ген. д'Анзельма стушевалась совершенно, так как всю политическую работу вел его начальник штаба. Энно был отстранен от дел и вскоре уехал в Париж, „перед тем как покинуть одесский котел", послав свои „искренние пожелания успеха Добровольческой Армии". Взаимоотношения резко изменились. Фрейденберг, заранее предубежденный против Добровольческой Армии, принял систему полного игнорирования ее власти и дискредитирования ее представителей. Вместе с тем он начал поиски такой комбинации, которая наиболее благоприятствовала бы французской оккупации. Эта деятель-

ность Фрейденберга полна противоречий и видимых несообразностей, в связи с целой гаммой влияний, интриг и давлений, которым он подвергался. Но наиболее явственные и серьезные из этих влияний исходили от трех звеньев противоестественной политической цепи: 1) Петлюра-Греков, 2) Греков-Котов-Григоренко, 3) Григоренко-Меллер-Закомельский-Маргулиес. Политически это означало: Директорию, Хлеборобческую „Громаду“ и Сов. Гос. Об.; в области устремлений — самостийность, русскую фальсификацию украинской директории и особое южное правительство. Все комбинации признавали верховное возглавление французов и все отрицательно относились к Добровольческой Армии.

Иногда эти влияния оказывались раздельно, иногда составляли mixtum compositum — наиболее уродливую форму, заводившую французское командование в тупик.

— Pas une goutte de sang français.

Этот стимул „интервенции“ требовал каких-то посторонних сил для борьбы с большевиками и заставил французов обратить свои взоры на Украину. Но такая политика была явным продолжением германской, приводила не к воссозданию, а к расчленению России, и не могла не смущать французов, заставляя их искать оправдания своим действиям в отвлеченных сомнительных формулах. Так, ген. д'Анзельм говорил Шульгину: „мы должны поддерживать у вас все элементы порядка, а до партийных различий их — до того, кто стоит за монархию, кто против монархии, кто за единство России, кто против единой России, нам дела нет...“ [1]). Эту формулу исправил и детализировал Фрейденберг: „Франция непоколебимо верна принципу единой России. Но сейчас дело идет не о решении тех или иных политических вопросов, а исключительно о том, чтобы использовать для борьбы с большевиками все анти-большевистские силы, в том числе и силы украинцев“. По его представлению украинские и русские армии под водительством французов должны были итти совместно против Москвы. В этой комбинации, имевшей сочетать центробежные и центростремительные силы, украинский большевизм и буржуазно-демократическую „контр-революцию“, совершенно невыясненной оставалась, однако, активность роли связующего звена.

Оставляя в стороне идеологию, являлся вопрос — на какие реальные украинские силы могло рассчитывать французское командование? То осведомление, которое давали многочисленные послы Директории, наводнившие европейские центры и Одессу, страдало чрезвычайными, часто анекдотическими преувеличениями. Но французская разведка,

[1]) Беседа 9 февраля 1919 г.

представленная в Киеве Серкалем [1]), давала правдивую и безнадежную картину украинского движения, как не имеющего „моральной базы ни в народе, ни в интеллигенции", а „созданного известными политическими группами противно логике и реальному положению вещей"; характеристику Директории и правительства, которые „в течение полутора месяца ввергли Украину в совершенную анархию и упразднили последние признаки права, безопасности и здравого смысла"; оценку армии, в которой „только галицийские части являются элементом более или менее серьезным, а прочие войска не только не представляют боевой силы, но являются весьма опасными своим большевистским настроением"; наконец, определение украинской политики, руководители которой, оставаясь враждебными к союзникам и особенно к французам, в виду безвыходного положения „открыто спекулируют на их авторитете и на благополучно, якобы, протекающих с ними переговорах" [2]).

Эти сведения не оказали никакого влияния на французскую политику.

Тотчас по приезде д'Анзельма (24 января), в Одессу был вызван ген. Греков, который в результате переговоров обязался снять блокаду города и восстановить прямое сообщение Киев-Одесса. В течение января и начала февраля, по мере высадки греческих дивизий, союзные войска продвинулись на линию Тирасполь (Румыны) — Бирзула-Вознесенск (исключ.) — Николаев-Херсон. Позади этой линии долго еще оставались петлюровские части, не подчинявшиеся своему командованию, пока постепенно состав их не разбежался.

Переговоры с Директорией продолжались. Главным камнем преткновения служило требование французов об уходе Винниченко, что, по словам члена Директории Макаренко, угрожало „разрывом ее с социал-демократической партией, которая ни на какую замену другим лицом не согласится". Но большевики перешли вновь в наступление от Киева, и украинские войска покатились назад в паническом бегстве, распыляясь и теряя последние признаки организации, обозначая свой путь грабежами и кровавыми погромами.

Военные неудачи ускорили назревавший еще в Киеве внутренний переворот: Винниченко и Андриевский ушли из состава Директории; ушел и пред. правительства Чеховский; образовалось новое правительство, во главе с проф. Остапенко, пополненное значительно соц.-федералистами. И в

[1]) Молва считала Серкаля совместно с Муленом, виновником франко-петлюровского „флирта". Судя по донесениям Серкаля французскому правительству, с которыми я ознакомился, близость его к украинским правителям была скорее ловкостью разведчика, чем сотрудничеством с ними.

[2]) Донесения 1 — 13 февраля н. ст. 1919 г.

первых числах февраля за подписью Петлюры, Швеца, Макаренко и Остапенко французскому командованию была направлена нота следующего приблизительно содержания:

„Директория, признавая сделанные ею ошибки, просит французское командование о помощи в борьбе против большевиков. Директория отдает себя под покровительство Франции и просит представителей Франции взять на себя руководство управлением Украины в областях военной, дипломатической, политической, финансовой, экономической и судебной в течение всего времени, пока будет продолжаться война с большевиками; и, наконец, Директория надеется, что Франция и другие державы Согласия проявят великодушие, когда после окончания борьбы с большевиками возникнут вопросы о территориях и нациях“ [1]).

Во французском штабе приняли это обращение за полную капитуляцию.

Между тем, вокруг д'Анзельма — Фрейденберга усилилось значительно влияние руководителей Украинской Громады в ущерб представителям Директории. Под этим влиянием и составлены были основы соглашения, имевшие целью сочетать идею Фрейденберга о триипостасной власти, стремления хлеборобческих групп и Сов. Гос. Об.: „1) Южная Россия разделяется на две части. Одна — губернии Киевская, Волынская, Подольская и впоследствии Черниговская, Полтавская и часть Харьковской — будет управляться Украинской Директорией; другая будет называться Южно-русским краем под управлением Русской власти; предполагается директория, при участии представителя Добровольческой Армии. 2) Оккупация всего района французскими войсками. 3) Власть Директории только гражданская. 4) Создается единый фронт против большевиков с французским генералом во главе. 5) Образуются смешанные международные оккупационные отряды франко-украинские и франко-русские. 6) Директории проводят аграрную реформу по программе партии кадетской (выкуп больших имений при иммуните мелких и средних хозяйств). 7) Французы берут в свои руки управление финансами и железными дорогами“.

Таким образом назревала военная оккупация Францией Юга России со всеми вытекающими из нее последствиями. Насколько близка была к осуществлению эта идея, видно из того, что 8 февраля предполагалось подписание сторонами договора, и начальник французского пресс-бюро подготовлял уже к нему представителей одесской печати: „соглашение является чисто военным — говорил он. — Вопросы

[1]) Прочитана у Фрейденберга и записана В. Шульгиным.

об единстве России и о признании Украинского государства в этом соглашении почти вовсе не затронуты... Решение французского командования использовать все силы, в том числе и украинцев, для борьбы с большевизмом непреклонно, и все препятствия и противодействия этой политике будут сметены".

Можно сказать с уверенностью, что главным препятствием к окончательному соглашению послужил вопрос личного состава украинской Директории, вокруг которого разгорелись страсти, закрутился одесский „омут"... На протяжении двух-трех недель под давлением разносторонних влияний Фрейденберг трижды менял решение. Первоначально переговоры основывались на базе сохранения Директории (кроме Винниченко и Андриевского) и пополнения ее „хлеборобами", в том числе Григоренко. Против этого плана восстали хлеборобская организация и Сов. Гос. Об., не допускавшие участия Петлюры. На сцену тогда вышел блок грековской группы и Украинской Громады с новой, семичленной директорией, в состав которой должны были войти ген. Греков, Котов-Коношенко и Григоренко. Но возникшие крупные разногласия расстроили и этот план; блок распался, Громада раскололась, и Фрейденберг вернулся к прежнему своему плану — сохранить существующую Директорию, изъяв лишь из ее состава Петлюру и пополнив „хлеборобами" [1]). В таком виде были предложены окончательные условия Директории.

Фрейденберг, введенный в заблуждение окружавшими его честолюбцами, был очень удивлен, когда его проект не удовлетворил никого и прежде всего те самые круги, на которые он рассчитывал. Многолюдные собрания хлеборобов, состоявшиеся 15 и 19 февраля, вновь и категорически высказались против всякого сближения с украинцами; они выражали неудовольствие добровольческим правлением [2]) и соглашались на создание „самостоятельной" местной власти „под покровительством французского командования", и „самостоятельной" вооруженной силы „под руководством французов". Не иначе, однако, как в согласии с командованием Добр. армии... Сов. Гос. Об. раскололся на группы — от сторонников прямолинейной национальной политики Добр. армии до приемлющих Петлюру включительно (аграрии и крайние правые). Представитель последних проф. Левашев так мотивировал взгляды своей группы: „ради спасения

[1]) Швец, Макаренко и „хлеборобы" — Григоренко, Мицко и Сидоренко.

[2]) Большое значение имела обработка собраний. Так, когда председательствовал граф Гейден, собрание обыкновенно было благоприятно настроено к Добр. армии; когда же председательствовал Андро или Григоренко, настроения становились противоположными.

родины я готов примириться с желто-голубым флагом, ибо предпочитаю видеть спасенный край под желто-голубым, чем кладбище под трехцветным флагом...“

В результате бюро приняло решение в духе „хлеборобов“.

Ярко выступал против поддержки самостийной Украины и оккупационных тенденций Шульгин в личных беседах с французскими генералами, в постановлениях Южно-русского Нац. Ц. и в газете „Россия“. Французское командование закрыло „Россию“ на 8 дней, и это распоряжение вызвало возмущение не только в кругах единомышленных Шульгину, но и в стане политических противников его: „Союз Возр.“ обратился к французскому командованию с резким протестом по этому поводу. Французский штаб вступил в примирительные переговоры с Шульгиным, но последний отказался возобновить издание газеты, заявив, что сделает это лишь тогда, когда „его совесть позволит считать французов такими же искренними нашими друзьями, какими мы считали их год тому назад, закрывая „Киевлянин“ (с момента немецкой оккупации Украины).

В то же время с благословения Фрейденберга в Одессе начала выходить ярко самостийная и враждебная Добр. армии газета „Нови Шляхи“.

На резко отрицательной точке зрения в отношении поддержки украинского движения стояли: одесск. отд. Нац. Цен. и Союз Возр. Последний, впрочем, в этом фазисе борьбы принимал мало участия и, повидимому, не был надлежаще ориентирован в закулисной игре правого блока, так как, по свидетельству Мякотина, развернувшиеся затем события были для бюро Союза полной неожиданностью.

Наконец, и Директория решительно отказалась пойти на явное самоупразднение и удалить Петлюру. Она соглашалась только пополнить свой состав лицами не правее соц.-федералистов и обязательно стоящими на точке зрения самостийности Украины.

Весь этот сумбурный период, вся сложная и подчас недостойная игра в области франко-украино-русских переговоров на фоне грозной военно-стратегической обстановки приобретала какое-то трагикомическое содержание.

Свадьба на погосте.

Ибо к середине февраля украинская армия рассыпалась окончательно, Директория и правительство спешно эвакуировались частью в Проскуров и Каменец-Подольск, частью в Галицию. Галичане враждебно относились к Директории, а в единственном еще до известной степени сохранившемся галицийском сичевом корпусе началось брожение против командира — Коновальца — и ряд мятежных выступлений на

почве отказа сражаться за не желающую защищать себя „Надднепрянскую Украину".

Под влиянием всех этих обстоятельств в середине февраля д'Анзельм — Фрейденберг, не разрывая с Директорией окончательно, приостановили переговоры [1]) и, оставив открытым вопрос о Директории и Украине, вернулись к мысли о создании „самостоятельного", но подчиненного французам правительства для Новороссии. 15 февраля Фрейденберг вызвал Маргулиеса и, на основании имевших место ранее переговоров с Сов. Гос. Об., предложил этой организации образование правительства. Началось обсуждение его состава. Разрыв с Добр. армией казался, однако, и тем и другим слишком рискованным. Поэтому и французское командование, и Сов. Гос. Об. с тех пор особенно настойчиво и всеми доступными путями стремились воздействовать в желательном им направлении на Екатеринодар, встретив с моей стороны решительный и резкий отпор.

Идея франко-украинского альянса не была, впрочем, оставлена Парижем окончательно. Даже в конце марта, т. е. после эвакуации Одессы и захвата большевиками почти всей Украины, Быч [2]), со слов Ф. Буйона председателя французской парламентской комиссии по иностранным делам, сообщал на Кубань; „по имеющимся у Буиона сведениям... в настоящее время Петлюра сильнее, чем когда бы то ни было, и ему будет оказана всяческая помощь". И поэтому Быч внушал Раде, что „помощи надо ждать от Украины".

* *
*

Расширение зоны ничуть не изменило положения. Французское командование отказало в разрешении ввести в ней добровольческую администрацию, оставив ее под управлением Директории. Вместе с тем, в связи с предполагавшейся оккупацией, Фрейденберг озаботился составлением кандидатских списков на административные должности до волостных старшин включительно для всей зоны [3])...

Тем временем во внешней зоне, в городах и селах шло соревнование петлюровских властей и большевистских комитетов. В Николаеве существовало даже одновременно пять властей: городск. демократич. дума, совет рабочих депутатов, германского гарнизона и французский комендант. Нечего

[1]) По словам Марголина в середине марта французские представители заявили украинской миссии, что „переговоры о соглашении по телеграфному распоряжению из Парижа прерываются".

[2]) Был во главе кубанской миссии, находился тогда в Париже.

[3]) Эту работу выполнил по поручению бюро Сов. Гос. Об., член крайне-правой граф Стенбок-Фермор.

и говорить, что такая политика не благоприятствовала ни обороне Одесского района, ни хозяйственному использованию зоны. Она, кроме того, подрывала престиж Добровольческой армии, проявляясь иногда в формах грубо-оскорбительных. Так, при занятии Херсона местное французское командование обратилось к жителям с воззванием, в котором наряду с объявлением, что „державы Согласия берут Херсон под свое высокое покровительство“, имелся и такой пункт (6-й): „На территории Херсона не будет допущено никаких формирований Добровольческой Армии; в равной мере в г. Херсон не будет допущена никакая часть Добров. армии“.

Точно такое же отношение французское командование проявило в вопросе снабжения Добр. армии. После демобилизации Румынского фронта в Одесском районе остались склады с огромным количеством военного снабжения и боевых запасов, в особенности в Тирасполе, Николаеве и близ Очакова на остр. Березани. На просьбу добровольческого штаба использовать это столь необходимое нам и бесспорно русское достояние, французское командование отказало, ответив, что склады эти, „как не находящиеся в зоне Добр. Армии, принадлежат Директории“. При внезапной эвакуации почти все это многомиллионное имущество было оставлено большевикам. Французы наложили также свою руку на черноморский тоннаж, обострив взаимоотношения и путая планы перевозок.

Французское командование, связанное переговорами с Директорией, категорически воспрепятствовало нашей мобилизации в Одесском районе под предлогом „непопулярности Добр. Армии“ и могущих возникнуть на этой почве беспорядков. Между тем к ген. Санникову не раз являлись депутации крестьян, обещавшие поставить большие контингенты именно по мобилизации, так как итти добровольцами они не решались, опасаясь мести большевиков. Тем более обидными были неоднократные заявления чинов французского штаба в оправдание своих неудач: „русские ничего не хотят делать сами для своего спасения, а хотят, чтобы мы за них проливали кровь“. Не только из рядов французских солдат, но и из уст будущего маршала Франции бросалось нам суровое обвинение.

— К тому же русские изменили нам на фронте...

Одновременно по инициативе Андро [1]) и Маргулиеса и при участии первого из них французы решили приступить

---

[1]) Бывш. уездный предводитель двор. по назначению (Вол. губ.); при гетмане — Волынский губерниальный староста. Человек ловкий, авантюристического типа, правый, аграрий, работавший совместно с бюро Сов. Гос. Об.

к „более популярным“ формированиям франко-русских отрядов, встретив в этом начинании сопротивление русских властей.

Под влиянием всех этих обстоятельств создались тягостные трения между русским и французским командованиями, умеряемые только ожиданием приезда главнокомандующего ген. Бертело, который должен был разрешить все спорные принципиальные вопросы.

Бертело приехал в Одессу 30 января. В своих беседах с Санниковым, Шульгиным, митр. Платоном и друг. он высказывал свой взгляд по русскому вопросу: 1) Единая Россия; 2) желание действовать в полном согласии с ген. Деникиным; 3) непризнание Украины; 4) Украина — австро-германское изобретение, а петлюровское движение — сродни большевистскому. Санникову он развивал свою мысль детальнее: вести переговоры с Украиной заставляет слабость сил; к концу апреля подойдет корпус волонтеров, тогда и покончим с самостийностью. Но судя по перехваченной телеграмме, адресованной Директории, Бертело в духе прямо противоположном обнадеживал и Директорию: „Ген. д'Анзельм все время подчеркивал — так доносили послы Директории Мациевич и Бачинский — что французы не имеют намерения вмешиваться во внутренние дела Украины. В этом он полностью следует инструкции ген. Бертело. Обещал полную помощь Украине...“

В остальных вопросах Бертело всецело проявлял тенденцию к захвату всей власти военной и гражданской. Между прочим, когда Санников, протестуя против „франко-русских отрядов“, сказал, что „об этом желании генерала Бертело он передаст главнокомандующему“, то получил ответ:

— Ce n'est pas mon desir, mais mon ordre.

В результате, однако, Бертело выразил желание встретиться со мной в Констанце „через две недели“, командировал в Екатеринодар Андро и двух чинов штаба д'Анзельма для доклада мне и проведения принятых французами решений и обещал до нашего свидания не предпринимать никаких серьезных изменений в Одесской зоне.

Обещание не было исполнено.

2 февраля появился приказ Бертело о назначении его заместителем на Юге России ген. д'Анзельма, на которого возлагалось руководство „всеми вопросами военной политики и администрации“. Указывалось, что „в делах политического и административного характера“, ген. Санников будет подчинен генералу д'Анзельму, который, однако, „не имеет права вмешиваться в подробности предпринимаемых мер, но должен согласовать их с вопросами военного харак-

тера“. Точно также Санников всецело подчиняется французскому командованию в отношении „применения русских войск“.

По этому поводу я телеграфировал ген. Санникову 8 февраля.

„1. Во всех отношениях: военном, политическом, гражданском Вы подчинены мне и только от меня можете получать приказания.

2. Предлагаю Вам всемерно координировать свои действия с французским командованием.

3. В виду численного преобладания союзнических войск, русские части Одесского района только в оперативном отношении подчиняются французскому командованию.

4. Детально взаимоотношения наши будут установлены при свидании моем с генералом Бертело“.

Через два дня Санников телеграфировал мне о новом распоряжении французов:

„Сегодня ген. д‘Анзельм по приказанию Бертело предъявил мне в категорической форме требование формирования бригад „Микст“ на следующих основаниях:

1. Офицеры избираются мною преимущественно из числа местных уроженцев.

2. Солдаты по вольному найму от 200—300 руб. в месяц, все продовольствие наше.

3. Форма одежды французского образца, без погон.

4. В каждый полк будет назначено небольшое количество французских офицеров и унтер-инструкторов.

5. Эти части в командном отношении Добрармии подчинены не будут“.

Я ответил:

„Категорически воспрещаю вам делать эксперименты с русскими войсками по чужой указке. Передайте, что я, главнокомандующий, не допускаю ничьего вмешательства в вопросы формирования Русской Армии. Если бы кто-либо позволил себе сделать это, объявите, что исполнившие незаконное распоряжение будут мною преданы суду“.

Вместе с тем по всем этим вопросам, кроме телеграфного протеста, я обратился с письмом к генералу Бертело [1]), указывая на те „непоправимые и грозные последствия, которые повлекут за собой мероприятия, намеченные французским командованием“:

„Решение важнейших вопросов русской жизни представителями иностранной державы помимо меня

---

[1]) 17 февраля № 62379.

и без участия назначенных мною представителей влечет за собою разрушение идеи единого командования и единства власти...

Идея формирования бригад („Микст") из русских людей с иностранными офицерами и подчиненных исключительно французскому командованию не может быть популярна, так как она идет в разрез с идеей воссоздания Русской Армии, во имя чего борется лучшее офицерство...

Отказ в Юго-Западном крае от принудительной мобилизации разрушит совершенно созданную с таким трудом Добровольческую Армию, перешедшую к принципу обязательной воинской повинности. Из областей, в коих формируются части путем призыва, лица, пожелавшие уклониться от службы, начнут уходить в места, где от этого принципа отказались. Разовьется дезертирство и начнется развал частей...

Гражданская власть должна быть в руках лица, назначенного мною, которое даст все гарантии нормальной жизни союзным войскам и будет координировать свои действия с союзным командованием...

Нарушение этих основных принципов ставит на очередь тяжкий и волнующий русское общество вопрос — с чем пришли к нам союзники? На помощь ли истекающей кровью России или с целью оккупации, со всеми проистекающими из нее тягчайшими для нас последствиями".

В это время войска большевистского Южного фронта развивали успешно наступление, угрожая Таврии и Донецкому району, вызвав катастрофу на Дону. Командуя лично армиями, я, к сожалению, не имел возможности оставить ставку и возложил поэтому на ген. Драгомирова поездку в Констанцу и переговоры с ген. Бертело. Последний уклонился, однако, от встречи с Драгомировым под предлогом, что „ожидает из-дня в день вызова в Париж для доклада о положении русских дел и принятия там определенного решения".

Тем не менее, наша позиция оказала известное влияние на французское командование в Одессе. В течение месяца оно не приступало к выполнению намеченных планов, и и только нетерпимость его к Добр. Армии возрастала с каждым днем, создавая тягостную атмосферу взаимного раздражения. Фрейденберг в это время вел постоянные переговоры с бюро Сов. Гос. Об. об образовании власти. Большие колебания вызывали вопросы — быть ли „правительству" или „совету при командовании", и рвать ли с Добр. Армией? В то же время в Екатеринодар прибывали гонцы, приходили

письма, убеждавшие меня подчиниться требованиям французов. Показателем тогдашних одесских настроений даже в кругах, сочувствовавших Добр. Армии, может служить письмо кн. Е. Трубецкого к одному из членов Ос. Сов.:

„Положение не только критическое, но и страшное. Если ген. Деникин не уступит требованиям французского командования, то произойдет форменный разрыв между французами и Добровольческой Армией, ибо положение создалось нестерпимое, и требование французов, чтобы в зоне, ими занятой, гражданская власть, назначенная ген. Деникиным, подчинялась им, вполне резонно. Никакая армия не может в сфере военных действий ставить себя в зависимость от власти, ей не подчиненной...

А при несогласии я предвижу те же роковые последствия, как и барон Меллер-Закомельский. Это может кончиться полным отделением Украины. В самом деле, представьте себе, какое вследствие этого наступит положение. И Национальный центр и Совет Гос. Об. должны будут прекратить свою деятельность здесь, если (за отказом Деникина назначить генерал-губернатора по соглашению с Бертело) власть будет захвачена французами. Что же будет тогда? Единственными сотрудниками французов по управлению краем окажутсл левые и самостийники, которые будут подбивать их на расчленение России во имя принципов Вильсона".

Отношение, благоприятное к факту французской оккупации создалось и в управл. вн. дел. (Ос. Сов.). Начальник управления Чебышев под влиянием кругов Сов. Гос. Об. разработал и представил мне „схему" управления для Одессы, с фактической властью французского командующего, фиктивной — русского, с „заведующим гражданской частью", подчиненным обоим вместе, с „начальниками отделов" (министрами), подведомственными Ос. Сов. и подчиненными „завед. гражд. частью"; наряду с „советом управляющих" отводилось большое место „политическому совещанию" из представителей политических организаций, приглашаемых... французским командующим и т. д.

Все эти многоэтажные постройки одесских и екатеринодарских архитекторов поражали своей надуманностью и полным игнорированием военно-стратегической обстановки — все более и более грозной.

* * *

Если французское правительство отнеслось с большой небрежностью к выбору лиц, представлявших его первое

время на Юге России, если в действиях этих лиц мы видели признаки поразительного непонимания русской действительности, то исследование той обстановки, в которой протекола их деятельность, послужит для них перед судом истории смягчающим вину обстоятельством.

Гораздо тяжелее, однако, было положение русской власти в лице ген. Санникова и Гришина-Алмазова, усугублявшееся еще тем, что, кроме неустанного и тягостного воздействия политических и общественных групп, они испытывали на каждом шагу своеволие и гнет, подчас оскорбительное отношение французского командования. Было бы неправильным отрицать ошибки и самой русской власти. В одном из политических обзоров того времени о них говорится:

„Напряженная атмосфера требовалаи особых методов управления. Широкая децентрализация местной власти, высокая активность ее во всех областях управления могли бы в этих трудных условиях, вдали от руководящего центра и при отсутствии надежной связи с ним спасти положение. Но то и другое в значительной мере отсутствовало, особенно в период до назначения главноначальствующего. Но и в дальнейшем, даже при достаточном объеме власти главнонач., картина почти не изменилась, и оба недостатка давали себя знать в каждом мало-мальски серьезном случае.

...Представители Добр. Армии в Одессе не могли справиться с тяжелым положением... Они не проявили достаточного мужества и дипломатической изворотливости, чтобы выйти из создавшегося положения. Ко всему происходящему в Одессе они относились слишком формально, держались далеко от французского командования, очень легко раздражались его распоряжениями и не всегда умели скрывать свои чувства. Одним словом, необходимо с полной откровенностью признать, что они не нашлись в столь трудных обстоятельствах и вызывали неудовольствие даже со стороны кругов, ставивших своей задачей всемерную поддержку Добр. Армии, ибо своими действиями зачастую выбивали у них из-под ног почву для ее защиты“.

В части, касающейся взаимоотношений с французами, эта оценка вовсе несправедлива. Начальствующие лица Одессы проявили и добрую волю и уступчивость до таких пределов, за которыми следовал бы явный ущерб не только достоинству, но и целесообразности...

Но „одесский омут“ погубил и их, и идею французской интервенции, и самую Одессу.

ГЛАВА V.

Военное положение одесской зоны. — Французская оккупация. — Падение Одессы.

В одесский район все прибывали союзные войска, и к середине марта там было сосредоточено полторы французских дивизии, две греческих и польская бригада. Добровольческая бригада [1]), не взирая на противодействие французов, к тому времени достигла состава 5.000 чел., по преимуществу офицеров. Это было очень мало, принимая во внимание наличие большого числа офицерства в южных городах и массы буржуазной молодежи призывного возраста. Добровольно поступали неохотно, потому что мало было патриотического подъема, был страх у одних и надежда у других, что дело обойдется и без их содействия... К тому же — кто хотел бороться, тот давно уже поступил в одну из действующих русских армий. Если в первый эпический период добровольчества в донских и кубанских степях старые полковники с молодым энтузиазмом становились с винтовкой в ряды, то теперь не многих прельщала роль рядового в немобилизованных частях, при отсутствии ближайших перспектив, при скудном окладе и бедном снабжении. Гетманские генералы считали зазорным подвергать рассмотрению комиссии свое прохождение службы [2]) и в большинстве заняли враждебное положение в отношении Добров. Армии, возбуждая против нее офицерство.

Тем не менее Добровольческая бригада в руках одного из первых Добровольцев, генерала Тимановского, человека исключительной храбрости, хотя и не организованная еще, представляла из себя серьезную и надежную силу.

---

[1]) Главным образом из кадров 4-й стрелковой и 15-й пех. дивизии, расположенных до войны в Одессе и приобревших за время кампании исключительно высокую боевую репутацию. Сформировано было два полка пехоты, полк конницы, артилл. бригада, понт. дивизион, бронев. и авиац. части.

[2]) Факт пребывания на гетманской службе сам по себе не вменялся в вину; расследовалась лишь политическая роль старших начальников и в отношение их к национальной идее.

Вполне благоприятны были отзывы о греческих войсках, политически и морально вполне устойчивых, не утомленных войной, гордых своей ролью „защитников России“ и желавших бороться с большевиками. Хотя и были боевые недочеты в греческих частях, но являлись они скорее результатом непонимания обстановки и плохого управления, находившегося в руках французов.

Менее благоприятно было состояние французских войск. В самом начале возникновения идеи интервенции, осенью 1919 г. ген. Франше д'Эспре в телеграмме, адресованной Клемансо, выражал сомнение в удаче похода „в обширную и холодную Россию“... „Мои солдаты, — писал он, — не возражающие против пребывания на востоке и охотно наступающие на Венгрию, предвкушая триумфальное вторжение в Германию, вряд ли согласятся участвовать в военных операциях, имеющих целью оккупацию России и Украины“. Мир, демобилизация, родные очаги, от которых многие были оторваны несколько лет, и перспективы новой, малопонятной и, повидимому, надолго затягивающейся войны вызывали среди французских „poilus“ сильнейшую реакцию. Воевать они больше не хотели. Большевистская агитация — в самой Одессе издавалась подпольная газета „Одесский Коммунист“ на русском и французском языках при участии французских солдат и матросов — поддерживала это настроение. Дурным предзнаменованием служили эпизоды в Тирасполе и дер. Беляевке (начало одесского водопровода), где произошло выступление местных большевиков. Французские части не проявили ни устойчивости, ни желания драться, и восстание подавлено было при участии подошедших добровольцев. Неуверенность в своих войсках наложила совершенно пассивный отпечаток на стратегию французского командования, которое сосредоточивало все свои силы в Одессе... ближе к транспортам, выставив на дальних подступах лишь ничтожные заслоны.

Это положение не представляло опасности, пока перед фронтом были „нейтральные“ петлюровские и местные большевистские банды. Хотя и тогда уже был случай, что под напором небольшой партии местных большевиков со стороны Вознесенска французский авангард бросил позицию... В середине февраля изменивший Петлюре атаман Григорьев повел наступление неорганизованными бандами, силою в 1700 чел. с 3 орудиями на Херсон, занятый одним баталионом греков и ротой французов с 2 оруд. Несколько дней длился бой, главной тяжестью своей легший на греков; под прикрытием прибывших на поддержку двух батальонов и огня судовых орудий, союзный отряд, понесший большие потери, был посажен на транспорты и увезен

в Одессу... Вслед за Херсоном, уже без всякого давления противника, союзники с большой поспешностью бросили и Николаев, уведя бывший там отряд на судах также в Одессу, обнажив тем северо-восточные подступы к ней и остров Березань с его огромными артиллерийскими складами. Только выдвижение добровольческих частей к Очакову сохранило эти склады временно в наших руках. По требованию большевиков в Николаеве была оставлена неповрежденной мощная радиостанция, а тамошний французский представитель, свидетельствуя о высокой лойяльности французов, заявил: „наш уход вызван не нашей слабостью, а исключительно желанием не противодействовать воле населения"...

Через несколько дней (в марте) союзники понесли новое поражение в Вознесенском направлении, у ст. Березовки. Атакованные большевиками, они начали беспорядочное отступление, оставив 6 орудий, 5 танков, бросая раненых, обозы и аммуницию. Выдвинутый из резерва греческий батальон остановил часть отступавших в переходе от Березовки, другие уходили дальше до самой Одессы.

Эти события произвели тяжелое впечатление, подорвав всякую веру в желание или возможность союзного командования серьезно бороться против большевиков. Тем более, что на этом фронте наступали только один, а к концу два полка 2-й повстанческой дивизии и плохо организованные партизаны атамана Григорьева, бывшие петлюровцы. Вместе с тем и в глазах большевиков окончательно померк ореол боевой репутации союзников; действия советских войск становились все смелее, тон большевистской прессы, воззваний и приказов все наглее, находя отклик среди большевиков Одессы. Упало совершенно настроение французского офицерства, поставленного перед фактом падения дисциплины в солдатской массе и лишенной логического смысла стратегии. „Все союзные офицеры ругаются,—писал один из них.— По их мнению момент упущен, зубы надо было показать сразу, а не играть в бирюльки. Или не надо было вовсе приходить или надо было сразу занять Юг крепко". А д'Анзельм-Фрейденберг в оправдание поражений доносили в Париж, что большевизм — движение народное и большевистские войска по своим боевым качествам напоминают французские времен великой революции... На почве самоуверенности победителей в мировой войне, непонятной стратегии и неравномерного распределения боевой работы вскоре возникли и неприязненные отношения между французами и греками.

Под влиянием неудач французский штаб решил было оттянуть войска для непосредственного прикрытия Одессы

и только благодаря настойчивым представлениям Гришина-Алмазова согласился удерживать фронт на линии Тирасполь (румыны) — Буялык (греки и небольшие части французов) — Очаков (русские добровольцы).

Кольцо вокруг Одессы вновь сжалось, повергая в уныние и безнадежность население злополучного города.

Казалось бы, такое положение обязывало французское командование к известной скромности и требовало необычайной осторожности, чтобы каким-либо внутренним потрясением не вызвать катастрофы...

* * *

В конце февраля штаб д'Анзельма получил исходившее от Пишона распоряжение — воздержаться временно от формирований русско-французских бригад на территории Добровольческой армии [1]). Поэтому и в связи с распространившимися по городу тревожными слухами о разрыве с нами, Фрейденберг 28 февраля дал газетам довольно странное официальное разъяснение: „Слухи преувеличены... Добровольцы продолжают действовать в полном контакте с союзниками... В виду того, что ген. Деникин издал приказ в силу которого всякий офицер, вступивший в (смешанные) бригады, будет предан суду, французское командование, не желая, чтобы какое-либо новое формирование под его руководством влекло за собой гибель русских офицеров, признало необходимым отсрочить осуществление намеченного проекта"...

Между тем в этот день 28-го, вследствие распоряжения, полученного от Бертело, разрыв был предрешен окончательно [2]). На совещании, в котором приняли участие ген. д'Анзельм, полк. Фрейденберг и предс. бюро Сов. Гос. Об. барон Меллер-Закомельский, принято было решение объявить в Одесском районе осадное положение, с переходом всей полноты власти к французскому командованию. Тут же намечен был и состав нового правительства под именем „Совета": Андро (предс. и вн. дел), Григоренко (землед., торг. и пром.), Маргулиес (финансов), ген. Шварц (военн.). Собравшийся в тот же день „пленум" Сов. Гос. Об. (40 чел.) одобрил действия своего председателя и вхождение в „правительство" Маргулиеса.

---

[1]) Повидимому результат моей телеграммы Сазонову.

[2]) К этому же времени вернулись из Бухареста и Константинополя послы Сов. Гос. Об.—кн. Урусов, Шебеко и Молов, которые на различных собраниях проводили взгляды ген. Франше д'Эспре и Бертело на необходимость образования в Одессе особого правительства, независимого от Добр. армии и подчиненного французам.

Ген. Санников последние дни отсутствовал. „Третью неделю не получая никаких сведений из Екатеринодара“ [1]), он прибыл в Севастополь, чтобы оттуда переговорить с ген. Драгомировым по прямому проводу. По возвращении он был приглашен вместе с Гришиным-Алмазовым к ген. д'Анзельму, где им сообщено было состоявшееся решение. Их категорический протест не оказал никакого действия.

1 марта из трех приказов ген. д'Анзельма население Одессы узнало о свершившемся перевороте, для „сохранения престижа Добровольческой Армии“ облеченном в несколько туманные формы:

„13 марта 1919 г.

1. Принимая на себя командование всей зоною, занятою союзными войсками, ген. д'Анзельм призывает всех к поддержанию порядка и к добросовестному исполнению гражданской и военной службы.

Меры необходимые для обеспечения города продовольствием, приняты.

2. Принимая во внимание затруднения в сношениях с установленными властями, принимая во внимание необходимость немедленно объединить все силы для защиты области, генерал, Командующий союзными силами объявляет осадное положение в зоне, занятой союзниками, начиная с 1 часа 15 марта.

Предлагается всем гражданским и военным частям неукоснительно исполнять, на основании законов военного времени, приказы генерала, Командующего союзными силами.

3. Генерал, Командующий союзными войсками, назначает своим помощником по гражданской части г. Андрольда (транскрипция перевода) Андро де Ланжерона, который вступит в исполнение своих обязанностей с 14 марта с. г. в 12 час. дня.

Согласно предложения г. Помощника по гражданской части, в случае необходимости будут назначены различные технические представители для исполнения различных обязанностей.

Генерал Бориус продолжает находиться во главе местного гарнизона.

[1]) Жалобы на отсутствие связи, в виду перерывов участка линии Одесса — Севастополь, были постоянными; мои руководящие указания запаздывали, иногда не доходили вовсе; французская радиостанция не раз отказывала в приеме наших телеграмм; приходилось досылать их из Севастополя на посыльном судне. Вообще служба связи была такова, что только чьим-то злым умыслом, а не одними техническими несовершенствами можно было объяснить ее состояние.

Генерал Гришин-Алмазов продолжает командовать Добровольческой Армией“.

Сообщая мне о происшедшем, ген. д‘Анзельм уверял, что это „лишь временная мера, вызванная грозным положением“.

Получив первые неполные сведения о перевороте, я приказал ген. Санникову передать „самый решительный протест от моего имени“ и вслед за сим, по выяснении положения отправил ему телеграмму, с копией д‘Анзельму и Бертело следующего содержания:

„Передайте генералу д‘Анзельм на его телеграмму от 17 марта следующее: я совершенно не допускаю установления никакой гражданской власти, кроме назначенной мною. Поэтому приказываю:

1. Ни в какие сношения с Андро не вступать, никаких распоряжений его не выполнять, ни Вам, ни гражданским властям. Какое бы то ни было участие в управлении краем, Андро, как лица, не заслуживающего доверия, не допускаю.

2. Вам, сохраняя полную гражданскую власть, надлежит всемерно согласовать свои действия с французским командованием в интересах соблюдения порядка и обеспечения союзных армий.

3. В интересах борьбы с большевиками Вы, как командующий войсками, исполняете оперативные указания французского командования, но помимо Вас ни одно распоряжение не может быть отдано русским войскам.

4. В случае полного перерыва связи, предоставляю Вам принятие чрезвычайных мер от моего имени с соблюдением достоинства России, интересов Добровольческой Армии и края.

5. По поводу действий генерала д’Анзельма делается сношение с французским правительством“. 18 марта. № 389“.

Между тем, одесская общественность с редким единодушием, совершенно неожиданным для ген. д’Анзельма, проявила свое удивление и возмущение фактом французской оккупации. Даже круги, настроенные отрицательно к Добровольческой армии, в эти дни изменили свое отношение к ней, видя в происшедшем удар, нанесенный и русскому национальному достоинству, и русской организованной вооруженной силе. Прежде всего обратились к д’Анзельму с „меморандумом“ официальные представители русской власти [1]). Соглашаясь с тем, что в виду осад-

[1]) Подписали: митрополит Платон; генералы Санников и Гришин-Алмазов; члены Ос. Сов. Бернацкий, Лебедев, Шульгин.

ного положения вся власть должна принадлежать старшему военному начальнику, в данном случае ген. д'Анзельму, который мог бы осуществлять ее через русского главноначальствующего, они протестовали против „узурпации" и „разрушения русского аппарата управления". Протестовал областной отдел Нац. центра. „Южно-русский нац. центр", высказывая свое негодование против французского командования в телеграмме, адресованной мне, он полагал все же, что „все эти несправедливости, очевидно, продиктованные невежеством, надо терпеть, подавив раздражение. Разорвать с французами Добровольческая Армия не может"... „Демократический фронт" в лице представителей Городской думы, Земско-городск. об., Союза Возр., к.-д., н.-с., с.-р. и с.-д. меньш. [1]) заявил д'Анзельму:

> „Если французское командование вместо добровольческого управления Одессой создаст правительственный орган под своей эгидой, это вызовет острое недовольство одесского населения. В теперешнем споре между штабом французских войск и Добровольческим командованием Одесская дума и наиболее влиятельные демократические и социалистические организации солидаризируются с Добровольческой армией против всяких попыток со стороны французского штаба устанавливать какую бы то ни было „Южно-русскую власть", имеющую характер колониального режима и нарушающую суверенитет России".

Союз Возр., полагая, что никакого „правительства" в Одессе не нужно, но считаясь с фактом осадного положения, потребовал „для охраны интересов русского населения" образование совещания из представителей Добр. армии, думы и уездного земства. Наконец, в самом Совете Гос. Об. произошел резкий, давно назревавший кризис. Под влиянием главным образом профессорской группы на многолюдном заседании 7 марта было высказано осуждение деятельности бюро и принято постановление, в котором, между прочим, говорилось: „признавая, что в настоящее время на Юге России Добров. армия является единственной управомоченной носительницей государственного единства, Совет считает крайне опасным и вредным для русского дела возникновение помимо ее согласия и участия какихлибо новых государственных властей и образований".

С таким же единодушным осуждением общество отнеслось к „правительству" Андро. Часть приглашенных в него лиц наотрез отказалась; ген. Шварц, не взирая на настой-

[1]) Делегация в составе Титова, Фундаминского, Рубинштейна и Брайкевича 1 марта; см. ниже воспоминания Брайкевича.

чивые уговоры бар. Меллер-Закомельского, Андро и Маргулиеса, колебался; Маргулиес, первоначально согласившись и приняв даже участие в составлении письменных актов переворота, за сим отказался от вхождения в правительство под таким предлогом: „я — инициатор особой южно-русской власти, я — инициатор комитета при французском командовании, я же служил для сношений с французами; если я буду назначен министром, вся моя предыдущая деятельность потеряет принципиальный характер и будет иметь вид личной интриги...“ Дело сделано, пожинать плоды его и расплачиваться — это можно было предоставить другим... И Маргулиес спешно, 2 марта уехал в Париж, попросив на всякий случай „у секретаря... копию протокола того заседания бюро Сов. Гос. Об., где единогласно, вопреки (его) отказу, было решено требовать (его) вступления в правительство при французском командовании.

Из всех организованных групп новое „правительство“ поддерживал только крайний сектор „Союза хлеборобов“, и по уполномочию его хлебороб, граф Стенбок-Фермор с особой делегацией объезжал влиятельных деятелей Одессы, склоняя их оказать поддержку Андро или, по крайней мере, не препятствовать ему и французам „спасать Россию“...

Найти, однако, сотрудников в свой кабинет Андро не удалось.

Под дружным натиском общественного мнения французское командование совершенно растерялось. В ближайшие дни в печати появился ряд официальных „разъяснений“, имевших целью представить события 1 марта в ином свете. Ген. д'Анзельм заявил в печати:

> „Объявляя осадное положение, французское командование действовало исключительно в целях координации общих усилий для защиты области и обеспечения населения продовольствием. При этом отнюдь не имелось в виду изменять наладившийся административный аппарат, установленный властью Добровольческой армии. Если назначение моим помощником по гражданской части г. Андро было сделано, не дождавшись одобрения ген. Деникина, то это объясняется исключительно создавшимися обстоятельствами, мешающими быстроте сношений с Екатеринодаром...
>
> ...В соответствии с французской практикой осадного положения при мне будет образован особый совет под названием „Комитета обороны и продовольствия“. В состав этого комитета войдут нынешние представители ведомств или же лица специально на то уполномоченные русской властью — Добровольческим коман-

дованием, а также специалисты по отдельным отраслям, по моему особому приглашению. Повторяю, что Комитет обороны и продовольствия отнюдь не будет призван заменить нынешние власти, установленные генералом Деникиным, а будет являться исключительно вспомогательно-техническим аппаратом во время осадного положения, преследуя при этом основную цель — защиту Одессы и улучшение продовольствия ее населения. Первоначальная мысль о коллегии технических советчиков при моем помощнике по гражданской части ныне оставлена.

...Отмежевываться от Добровольческой армии отнюдь не входит в намерения французского командования. Напротив того, мы все время стремимся к тесному с нею сотрудничеству, для наилучшего обеспечения нашей общей цели — защиты порядка и безопасности граждан".

Ген. Шварц, до того времени колебавшийся, „по настоятельным просьбам, — как он пишет, — всех политических, военных и промышленных организаций в Одессе, согласился „вступить в формируемую новую власть" [1]).

И 6 марта ген. д'Анзельм отдал приказ (№ 42) о сос таве „Комитета обороны и продовольствия", состоявшего под его председательством: 1) Адмирал, командующий союзными силами, 2) военный помощник, ген. Шварц, 3) команд. русскими войсками, ген. Гришин-Алмазов [2]), 4) гражд. помощник Андро, 5) финансовый советник Молотков (отказался), 6) советн. в отд. Труда и Продовольствия Рутенберг [3]), 7) советн. в отд. навигации, адм. Хоменко, 8) городской голова и 9) губернатор — по делам города и губернии. Последующим приказом (7 марта, № 43) было разъяснено, что управление Добровольческими частями и полиция находятся в ведении ген. Гришина-Алмазова, а „губернатор" и администрация подчиняются Андро [4]).

Неделя 1—8 марта прошла под знаком необычайного политического ажиотажа, полной неопределенности положения и двоевластия. Ожидался приезд генералов Франше д'Эспре и Бертело, которые должны были разрешить на месте

---

[1]) В показаниях ген. Шварца есть ссылки на делегации от таких организаций, как Нац. центр („Челноков и др."), Союз Возр. („Бунаков-Фундаминский, Пешехонов"), Городск. дума („Брайкевич"), частью уже категорически опровергнутые в печати.

[2]) Ген. Санников, по возвращении из Севастополя не вступал в командование.

[3]) Известный соц.-рев., убийца Гапона.

[4]) Приказы №№ 42 и 43, повидимому, в печать не были даны.

окончательно судьбу одесской власти. Их приезду предшествовала полученная французским штабом телеграмма, подписанная Бертелло:

„Париж решил:

1. Сосредоточить средства (des moyens) для защиты Одессы.

2. Продовольствие города будет обеспечено на миллион жителей [1]).

3. Ген. Франше д'Эспре принимает командование союзными войсками на Юге России [2])".

Ген. Франше д'Эспре приехал 7 марта, очевидно, с заранее принятым решением. В беседе с чинами французского штаба не скрывал своего презрения к русским; был сух и почти груб с Добровольческими властями; не принял представителей нац. центров; беседовал с Андро („вождь хлеборобов") и бар. Меллер-Закомельским, выразившим от имени Сов. Гос. Об. „счастье приветствовать прибытие славного вождя", приезд которого „воскресил надежду всех русских патриотов"; отнесся более внимательно, чем к другим, к делегации Союза Возр., которой заявил:

„Целью пребывания французских войск на территории России является всемерное оказание помощи русскому народу в его стремлении к созданию в стране должного порядка. При этом, однако, союзники совершенно не имеют в виду вмешательство в русские дела. Они отнюдь не намерены создавать здесь колониальный режим. Все их старания будут направлены на то, чтобы помочь создать здесь такие условия порядка, при которых возможен будет созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего избирательного права".

И в тот же день отдал распоряжение генералу д'Анзельму, вылившееся в приказ последнего от 8 марта:

„По приказанию генерала Франше д'Эспре и в силу осадного положения:

1. Генерал Шварц назначен генерал-губернатором гор. Одессы и командующим русскими войсками в союзной зоне.

2. Генерал Тимановский принимает командование русской Добровольческой армией в Одесском районе.

---

[1]) В дальнейшем последовало разъяснение в печати: „Население будет снабжаться продуктами первой необходимости из складов... в Салониках и Константинополе. Хлеб, консервы всяких видов, мясо могут быть доставлены в первую очередь".

[2]) С этого дня ген. Бертело оставался командующим войсками только на Балканах.

3. Милиция—в прямом подчинении генерал-губернатора Одессы.

4. Вступление в должность должно быть произведено сегодня 21 марта нов. стиля до 20 часов (8 час. вечера).

Генерал *д'Анзельм*, командующий союзными силами на Юге России.

Начальник штаба *Фрейденберг*".

Одновременно был объявлен упомянутый выше приказ (№ 42) о „Комитете обороны и продовольствия" с изъятием статьи, относящейся к Гришину-Алмазову, и другой приказ, громоздивший новую надстройку в франко-русском здании власти: „Чрезвычайный совещательный орган" под председательством ген. д'Анзельма и в составе Шварца, Брайкевича и Бутенко... [1]).

Генералы Санников и Гришин-Алмазов были высланы из Одессы с ненужной грубостью: в экземпляре приказа, присланном Гришину-Алмазову, была приписка: „Завтра 9 (22) марта генерал Санников выезжает в Екатеринодар. Его сопровождает ген. Гришин-Алмазов".

В тот же день 8 марта ген. Франше д'Эспре послал мне письмо:

„Я застал в Одессе положение весьма серьезное, вследствие недоразумений, царящих между различными властями, в то время как неприятель стоит у ворот города.

Такое положение продолжаться не может. В виду этого, а также согласно правил, генерал д'Анзельм объявил осадное положение.

В виду отдаленности и невозможности для нас встретиться, или быстро снестись, мною приняты следующие меры:

1. Генерал Шварц, которого знает и ценить вся Европа, принимает командование над всеми русскими войсками и будет исполнять обязанности генерал-губернатора.

Он Вам периодически будет представлять рапорты и отчеты, но будет принимать на месте те решения, которые требует серьезность положения.

2. Генерал Тимановский сохраняет командование бригадой Добровольческой армии.

3. Генералы Санников и Гришин-Алмазов предоставляются в Ваше распоряжение.

---

[1]) Совещание фактически не собиралось.

Таковые меры согласованы с желаниями Союзных Правительств, в том числе и Русского Правительства.

Я думаю, что эти мероприятия позволят нам восстановить положение здесь и работать совместно на воссоздание России, чего мы все желаем.

В ожидании удовольствия встречи с Вами, я прошу Вас верить в искренность моих пожеланий успеха Вашей армии".

В этом письме, которое больно задевало чувство национального достоинства и казалось предтечей более грозных событий, вызывало большое недоумение упоминание о „русском правительстве". Позднее недоумение разъяснилось: перед отъездом генерала Санникова Франше д'Эспре сообщил ему, что „в Париже образовалось русское правительство с кн. Львовым во главе. Это правительство признано Францией и адмиралом Колчаком. По соглашению между этим правительством и французским — Франции предоставлено взять в оккупационное управление Южную Россию"[1]).

Откуда черпал французский главнокомандующий эти сведения и кто, вообще, был источником мистификации — мне неизвестно.

Приняв во внимание советы управл. отд. иностр. дел о необходимости величайшей выдержки в создавшемся тяжелом положении, я порвал составленный мной в резком тоне протест и послал ген. Франше д'Эспре 14 марта телеграмму более чем сдержанную. „... Устранение назначенных мною властей — писал я повергло меня в полное недоумение... Полагаю, что в этом деле кроется недоразумение, которое может вызвать серьезные последствия... Поэтому считаю желательным скорейшее наше свидание"... В виду тяжелого положения на фронте я предлагал назначить встречу в одном из портов, „если возможно, не далее Севастополя"... Получил весьма учтивый ответ, что генерал „был бы счастлив встретиться со мною в Севастополе, но обстоятельства не позволяют ему в настоящее время покинуть главную квартиру"...

* *
*

9 марта ген. Шварц „донес" мне о вступлении своем в должность и в тот же день осведомил одесскую печать, что он:

---

[1]) Команд. Крымск. Добр. армии ген. Боровский доносил мне также о разговоре с ним в Севастополе ген. Франше, который говорил ему: „нет никакой Добровольческой армии или Сибирской, а есть одна Русская армия, как решило образовавшееся в Париже русское правительство в составе Сазонова, Львова, Маклакова и ген. Щербачева". Телегр. от 12 марта, № 744.

„готов подчиниться указаниям ген. Деникина, и работать в полном дружном контакте, но оторванность от Екатеринодара и наличие высшего франц. командования поставит его в необходимость вполне самостоятельно решать все военные вопросы“.

Ответа от меня Шварц не получил.

Общее мнение всех одесских кругов — близких и ставших на стороне Добровольческой армии — было не доводить дела до окончательного разрыва с французами и покориться force majeure, во избежание катастрофы. Под влиянием этих настроений генералы Санников и Гришин-Алмазов, уезжая, отдали распоряжение — всем начальствующим лицам исполнить приказ французского главнокомандующего. Гражданские управления подчинились безболезненно ген. Шварцу.

Особую тревогу вызывала во мне судьба Добровольческой бригады ген. Тимановского. Еще 10 февраля на случай непредвиденных политических осложнений даны были указания Тимановскому и приказано обеспечить его денежным авансом, чего, к сожалению одесский штаб не сделал. Ко времени переворота французское командование во избежание каких-либо волнений двинуло бригаду на фронт.

По получении сведений о перевороте начальнику штаба Добровольческих войск в Одессе, ген. Мельгунову было приказано „оставаться на месте, занимая выжидательное положение... В оперативном отношении подчиняться французскому командованию, оберегая Добровольческие части“. Вместе с тем Особому Совещанию и ставке указано было сноситься „не с самозванцами“, а с лицами, назначенными ранее мною. Эти указания вследствие перерыва телеграфной связи, теперь уже окончательной, запоздали, но в таком же духе генералам Мельгунову и Тимановскому отдано было приказание, подписанное Санниковым и Гришиным-Алмазовым в день их отъезда. Тимановскому пришлось употребить большие усилия, чтобы уберечь от развала бригаду, попавшую отныне в круговорот еще больших интриг, конкурренции и антагонизма.

Бригада прикрывала Одессу с северо-востока, занимая Очаков и подчиняясь непосредственно французскому командованию. 16 марта Тимановский получил приказание очистить Очаков, отойдя на ближайшие подступы к Одессе. Это отступление, без всякого давления противника и вопреки представлению штаба ген. Мельгунова, служило тревожным предзнаменованием...

* * *

Усилия определенных русских кругов и французского командования увенчались успехом ценою глубокого падения русского престижа. Вся власть перешла в руки французов, которые обещали городу скорое прибытие „восьми линейных дивизий и французского добровольческого корпуса“, снятие блокады и хлеб, а новой армии, формируемой Шварцем,— богатое снабжение.

Я не буду останавливаться на краткой, всего трехнедельной деятельности новой власти. По свидетельству Брайкевича: „Новое правительство не укрепило положения Одессы. Напротив, день ото дня настроение разных социальных слоев населения резко менялось к худшему. Приблизительно на десятый день жизни правительства ухудшение настроений в рабочих кругах достигло такой степени, что прежнее правление профессиональных союзов, состоявшее почти исключительно из меньшевиков и находившееся в добрых отношениях с городским самоуправлением, было ниспровергнуто. При перевыборах попали исключительно большевики. На демократическом фронте был этим сделан чреватый важными последствиями прорыв“.

В военном отношении не вводилось никаких новшеств: французы и Шварц отказались и от „смешанных бригад“, и от „украинских формирований“; объявили мобилизацию, которой в течение трех месяцев безнадежно добивалось командование Добр. Армии. Огромнейший „штаб формирований“, набранный, главным образом, из гетманского генерального штаба, приступил к организации кадров будущей „Южно-русской армии“. Откликнулось по подсчетам Шварца до 1.000 офицеров... преимущественно в старших чинах. Вероятно, среди этих лиц „последнего призыва“ было не мало элемента не вполне надежного, так как штаб Шварца требовал от Тимановского до 200 офицеров, взамен за обещанные солдатские пополнения...

Окончилось все неожиданно и трагично.

20 марта ген. д'Анзельм, вызвав Шварца, объявил ему, что „им получен приказ Антанты об эвакуации Одессы совместно со всеми союзными войсками“.

На подготовку эвакуации дано было 48 часов. Неофициально из французского штаба распространилась по городу версия о связи этого распоряжения с падением, якобы, кабинета Клемансо и приходом к власти социалистов...

Известие об эвакуации произвело в городе неописуемую панику. Если вообще положение на фронте, где против четырех сильных дивизий наступало не свыше 6—8 тысяч [1]) ничтожных в боевом и моральном отношении полков, не да-

[1]) В Одессу вступило не более 2 тыс. большевиков.

вало никаких поводов к эвакуации, то 2-дневный срок ее являлся совершенно необъяснимым и невыполнимым. Это была уже не эвакуация, а бегство, обрекавшее десятки тысяч людей и вызывавшее невольно в их сознании мысль о предательстве.

Все расчеты тоннажа были фиктивными, французы захватили большинство судов для своих надобностей, и спастись могли, поэтому, главным образом лица, связанные со штабом Шварца и правительством, а также богатая буржуазия. Судовые команды бастовали. Началась вакханалия грабежа и взяточничества. Брошены были огромные военные запасы — союзников и русские, оставлены все ценности в учреждениях государственного банка и казначейства, кроме иностранной валюты.

Среди разнородных чувств и восприятий, волновавших в эти дни население Одессы, было одно общее и яркое — это ненависть к французам. Оно охватывало одинаково и тех счастливцев, которых уносили суда, и тех, что длинными вереницами, пешком, на пролетках и подводах тянулись к румынской границе; оно прерывалось наружу среди несчастных людей, запрудивших со своим скарбом одесские пристани и не нашедших места на судах, и в толпе, венчавшей одесские обрывы, провожавшей гиканием и свистом уезжавших...

О бригаде ген. Тимановского забыли...

Пособие в виде шестимесячного содержания, назначенное Шварцем всем военным и гражданским чинам, Добровольцам не выдали. Семьи их остались без всяких средств, на произвол судьбы в Одессе. В бригаде также не было никаких сумм. Получив 21-го известие д'Анзельма об эвакуации, Тимановский приехал в Одессу, чтобы добиться обещанного Шварцем отпуска средств, но было уже поздно: ген. д'Анзельм по соглашению с большевистким советом рабочих депутатов в ночь на 22-е передал ему город, и с утра „самооборона" стала обезоруживать и расстреливать чинов Добровольческой армии и захватывать государственные учреждения.

Д'Анзельм все же, как доносил Тимановский, „обещал честным словом выдать 10 — 20 милл. иностранной валютой на содержание Добровольцев", вечером 23-го. Но когда, пробившись с боем по улицам Одессы на двух броневиках, во французский штаб явились посланные Тимановским офицеры, ген. д'Анзельм в деньгах отказал, ответив запиской. „... Деньги не могут быть выданы немедленно; для этого необходима казначейская операция, которая потребует 2 — 3 дня... Бригада должна немедленно, минуя Одессу, двинуться на Овидиополь, где получит приказание о по-

садке". Впоследствии ген. д'Анзельм отрицал и свое обещание, и тот смысл, который придавал записке Тимановский... „Я не имел никакого основания выплачивать содержание русским Добровольцам... Генерал Шварц к этому времени уже покинул Одессу, государственный банк был закрыт... Я ответил генералу Тимановскому, что один только генерал Деникин (?) мог бы выплатить содержание Добровольцам... но обещал узнать, не могло ли бы казначейство (большевистское?) выдать аванс" [1])...

Бригада уходила к Днестру, в Бессарабию.

Шесть тысяч человек начинали свою одиссею, длившуюся месяц [2]) в обстановке необычайных физических лишений и морального унижения со стороны французов и румын. Когда жители Бессарабии, узнав о плачевном состоянии отряда, начали подвозить к его расположению продукты, румынские власти разгоняли их. И Тимановский после семидневного мотания в устьях Днестра, вызванного сбивчивыми распоряжениями французского командования, сообщал д'Анзельму: „Если сегодня не будет доставлено продовольствие, то я уже завтра не могу отвечать за действия своих частей". Под влиянием этой угрозы французы обеспечили наконец, отряд половиной французского солдатского пайка.

При посадке на суда в районе ст. Бугаз, французы велели оставить орудия, лошадей и всю материальную часть, собранную с таким трудом и любовью, и озлобленные до последней степени Добровольцы привели ее в негодность и распустили по полю лошадей, которые могли еще двигаться, „чтобы не достались румынам". В Тульче по приказанию ген. Бертело румынской пограничной страже при участии французских частей поручено было разоружить бригаду на время пребывания ее в Румынии, но этот приказ был встречен Добровольцами угрозой открыть пулеметный огонь...

„Исполняя все Ваши приказания по приказу генерала Деникина — писал Тимановский д'Анзельму — я никогда не мог предполагать тех незаслуженных оскорблений и унижений, которые выпали на меня и на подчиненные мне части. Неужели только за то, что Добровольческая армия одна осталась верной союзникам, когда фронт развалился"...

Французское командование не сочло нужным даже предупредить меня о готовящейся эвакуации Одессы. Я узнал об этом тяжелом событии только 26 марта...

---

[1]) Рапорт генерала д'Анзельма генералу Франше д'Эспре 16 апреля.
[2]) Первые части начали прибывать в Новороссийск 21 апреля.

ГЛАВА VI.

Крымское правительство. — Добровольческая армия в Крыму. — Разногласие между Симферополем и Екатеринодаром. — Французская интервенция в Севастополе. — Падение Крыма.

В половине октября 1918 г. в Екатеринодар приехал Н. Н. Богданов и от имени Таврической земской управы сообщил мне о предстоящем перевороте в Крыму: устранении Сулькевича и образовании власти из недр земского и городского самоуправления, под председательством С. С. Крыма. Просил о назначении к тому времени ответственного лица для организации в Крыму вооруженной силы именем Добровольческой армии и о посылке туда десантного отряда. Получил согласие.

В конце октября прислал мне письмо С. С. Крым, в котором сообщал об образовании „по поручению общественных организаций... Крымского краевого министерства". Просил вновь о Добровольческом десанте и об осведомлении союзников о положении Крыма. „Министерство", впрочем, пребывало еще только в потенции: „мы не у власти, так как ген. Сулькевича поддерживают немцы и часть татар" [1]).

Только к 4 ноября немецкий ген. Кош удалил поставленное им правительство Сулькевича и передал власть „Совету министров Крымского краевого правительства" [2]). Одновременно новое правительство вошло в соглашение с начальником центра Добр. армии в Крыму, ген. Боде, выступившим теперь открыто, и немецким командованием относительно порядка замены эвакуируемых немецких гарнизонов; „по соображениям политического характера" оно указывало на желательность высадки хотя бы незначительной части Добр. армии в Ялте и занятии Бахчисарая, „изолируя Севастополь".

---

[1]) Письмо от 29 октября.

[2]) Мин. пред. С. С. Крым (к.-д.); юст. — Набоков (к.-д.); внешн. снош. — Винавер (к.-д.); внутр. дел — Богданов (к.-д.); нар. просв. — Никонов (с.-р.); труд. и контр. — Бобровский (н.-с.); снабж. и пут. сообщ. — Стевен (бесп.); финанс. — Барт. (бесп.).

В письмах от С. С. Крыма устанавливались тождество „стремлений к возрождению Единой, Великой России, которую мы все призываем и которую все с нетерпением ждем“, и необходимость при содействии армии борьбы со „скрытой и временно подавленной присутствием германских войск организацией анархических элементов Крыма...“.

Я ответил письмом от 7 ноября:

„В данное время Добровольческая армия ведет кровопролитное сражение в районе Ставрополя и не может выделить для Крыма серьезных сил.

Но помочь от души желаем. Поэтому я сделал распоряжение:

1. Немедленно выслать небольшой отряд с орудием в Ялту.

2. Другим отрядом занять Керчь.

3. В командование вооруженными силами вступить ген. майору Корвин-Круковскому, которому даны следующие инструкции:

Русская государственность, Русская армия, подчинение мне. Всемерное содействие Крымскому правительству в борьбе с большевиками. Полное невмешательство во внутренние дела Крыма и в борьбу вокруг власти.

4. Посланные части являются лишь кадрами, которые будут пополняться мобилизацией офицеров и солдат на территории Крыма. Дело это поручено „начальнику Крымского центра“, генералу барону де-Боде. В его распоряжение командируются соответствующие помощники по делу формирования и снабжения.

От души желаю Крыму мирной жизни, столь необходимой для творческой созидательной работы“.

По просьбе Винавера „в виду сильной агитации, враждебной Добровольческой армии, обвиняемой в реакционности, антисемитизме и антидемократизме“, было передано официальное заявление, что Армия прибывает „с исключительной целью поддержания порядка, не вмешиваясь во внутренние дела... не преследует реакционных целей... не предрешает будущей формы правления... относится с величайшим негодованием к попыткам восстановить одну национальность, один класс против другого...“. Передавая это заявление в особом „обращении к населению“, крымское правительство добавляло от себя, что 1) если обстоятельства местной жизни потребуют употребления силы, то таковое последует только с согласия краевого правительства и 2) что мобилизация, „имеющая всероссийское значение“, будет произведена Добровольческой армией совер-

шенно самостоятельно, лишь с ведома и при содействии краевого правительства...

Наконец, вопрос материального обеспечения армии был обусловлен ассигнованием крымским правительством $1^1/_2$ милл. рублей „на первый месяц“ и, как выяснилось позже, снабжение должно было лечь почти всецело на Добровольческую казну при некоторой только финансовой поддержке местного правительства.

Приведенной перепиской и заявлениями устанавливался характер наших будущих взаимоотношений — к сожалению не достаточно определенно, давая впоследствии поводы для взаимных трений.

В морально-политическом отношении это был еще один шаг в сторону государственного объединения. Но в чисто стратегическом, кроме прикрытия военных портов и морских баз, занятие Крыма давало к тому моменту мало выгод: Крым требовал войск, снабжения и хлеба, отягчая тем положение главного фронта Добровольческой армии.

В середине ноября в Керчь и Ялту были переброшены первые незначительные части, усиленные в конце до 4—5 тысяч [1]). Эти войска, с присоединением к ним местных формирований и Добровольческих отрядов, отступивших с Украины, должны были развернуться в двух-дивизионный Крымский корпус. Во главе войск Крыма поставлен был вначале ген. Боде, на которого, кроме организации корпуса, была возложена задача прикрытия Крыма постепенным выдвижением заслона на линию нижний Днепр — Александровск — Бердянск. Восточнее этот заслон выходил в соприкосновение с выдвинутой туда дивизией ген. Май-Маевского, прикрывавшей Донецкий бассейн.

На севере области в это время начинался пожар: сменившая гетманщину петлюровщина, с ее неизменными спутниками — атаманщиной и бандитизмом, в свою очередь расчищала путь надвигающимся армиям Южного советского фронта.

* * *

Правительство г. Соломона Крыма, пробывшее у власти ровно 5 месяцев, являет собой законченный опыт демократического правления, хотя и в миниатюрном территориальном масштабе — правления, обладавшего суверенностью, полным государственным аппаратом и подобающими ему званиями. В части правительства поначалу существовала преувеличенная оценка своего значения, „как

[1]) Пехотный полк, конный полк, пластунский батальон, кадры двух конных полков, артиллерии и технических войск.

прототипа будущей Всероссийской власти". И министр внешних сношений Винавер в переговорах с екатеринодарскими кадетами поддерживал серьезно идеи самостоятельности Крыма, преимущественной важности крымского вопроса и недопустимости в этих видах „укрепления Особого Совещания" [1]). Из тех же, вероятно, соображений в начале декабря Винавер возбудил неожиданно считавшийся уже благополучно разрешенным вопрос об единоличном представительстве Сазонова в Париже и потребовал замены его делегацией, с участием крымского представителя.

Правительство образовалось в результате сговора „всех политических партий и групп, представленных в земском собрании". В своей резолюции собрание (4—5 октября 1918 г.) обязало новую власть: 1) содействовать объединению распавшейся России, 2) искать сближения с возникшими на ней тождественными государственными организациями, 3) восстановить гражданские свободы и распущенные гор. и зем. самоуправления, и в дальнейшем руководствоваться демократическими началами; 4) немедленно назначить новые выборы на основании законов Вр. Прав., но с увеличением возрастного ценза до 21 г. и ценза оседлости до 1 года (земск.) и $1^1/_2$ года (город.); 5) если в течение двух месяцев не будет создана единая всероссийская власть, созвать Краевой сейм по четырехчленной формуле и по пропорциональной системе.

Достойно внимания, что фракции с.-р. и с.-д., приняв единогласно эту резолюцию, заявили, что воздерживаются от голосования ее в части, касающейся изменения избирательного закона „по принципиальным соображениям", но, „считаясь с исключительным моментом... принимают активное участие в создании власти, оставляя за собой право борьбы за восстановление избирательного закона во всей его полноте".

Через месяц на новом съезде [2]) правительство Крыма, давая отчет о своей деятельности, в числе своих заслуг указывало на отмену постановлений: 1) о предании полевому суду виновных в умышленном повреждении полей и лугов и 2) об отмене права мин. вн. дел предавать военно-окружному суду лиц, совершивших преступления против личности и собственности с 25 октября 1917 г. по 25 октября 1918 г. Мотивами такого правительственного благодушия по признанию самих министров [3]) были: 1) то обстоятельство, что вначале „Крыму не угрожала еще

[1]) Телегр. лента, 4 декабря 1918 г.

[2]) „Съезд губернск. гласн. Крымск. уезд., председ. уездн. упр. и гор. голов". 27 ноября.

[3]) Из журнала заседаний Совета министров.

никакая внешняя опасность" и потому самая „возможность порабощения большевиками никому не представлялась реально", 2) „внутренния условия организации правительства, тесно связанного с демократическими слоями общества" и, наконец, 3) убеждение самого правительства, что необходимо проводить „грань между активными большевиками и неосуществимой попыткой искоренить путем мер устрашения большевистское настроение масс". Председатель правительства Крым утверждал, что „очагом большевизма в Крыму был пришлый матросский элемент, которого сейчас нет (?), а поддаваться чувству мести правительство считало невозможным" [1]).

С этой идеологией и с такими методами Крымское правительство выступило на борьбу с большевизмом.

Подобное же направление получил вопрос о формировании вооруженной силы. На том же съезде 27 ноября фракция соц.-рев., отражая мнение всей революционной демократии, внесла резолюцию, чтобы „правительство и впредь со всей решительностью отстаивало полное невмешательство внешних сил, в том числе и Добровольческой армии во внутренние дела Крыма", и чтобы организуемая армия носила характер территориальный, была предназначена лишь для охраны спокойствия в Крыму и содержалась на принципе обязательности для всего населения". Под влиянием социалистических фракций правительство дало объяснение, что „до созыва Крымского сейма абсолютно не предвидится мобилизации".

А выборы в Сейм постановлено было произвести в марте 1919 г., т.-е. через 4 месяца после вступления во власть правительства Крыма.

* * *

Большевизм, между тем, ничем не сдерживаемый, ширился.

Еще со времени немецкой оккупации Крым стал убежищем большевистких деятелей, бывших комиссаров, перешедших на полулегальное положение и никем не беспокоимых. Коммунистические организации выпускали листовки и прокламации, появлявшиеся в изобилии даже на улицах Симферополя; ком-ячейки профессиональных союзов держали в напряженном состоянии рабочую массу. Бывали часто случаи забастовок, вооруженного нападения на транспорты, сле-

---

1) Разговор по Юзу с Н. И. Астровым.

дующие в Добровольческие части, взрывы барж с боевыми припасами, нападения и убийства офицеров и т. д. Социалистическая печать, постановления демократических учреждений обращались к населению с призывом воздержаться от поступления в Добровольческую армию...

Уезды кишели шайками разбойников.

В середине ноября начальник формировавшейся Крымской дивизии, генерал Корвин-Круковский распубликовал приказ о вступлении в трехдневный срок в ряды Добровольческой армии всех офицеров, под угрозой полевого суда за неисполнение. Этот приказ, отданный без ведома начальника Добровольческого центра и Крымского правительства вызвал большое волнение в последнем, усмотревшем в приказе нарушение своей державности и введение юрисдикции, недопускаемой на территории Крыма. Через несколько дней последовало разъяснение, в силу которого призыв был объявлен не обязательным... Войсковые части вернулись вновь к укомплектованию добровольцами.

Этот эпизод подорвал в сильной степени авторитет Добровольческой армии — демонстрацией ее слабости.

Крымская печать откликнулась резкими нападками на армию. Соц.-дем. про-большевистская газета „Прибой" особенно сильно травила и Армию, и правительство. „Бюро татарского парламента" заявило протест против призыва офицеров-мусульман и сообщало, что приступает само к формированию особых „мусульманских частей" [1]).

В Крыму не было ни сознания назревавшей опасности, ни желания активной борьбы. И не было той силы, которая могла бы побороть общественное равнодушие. Вопреки всем теоретическим предпосылкам, правительство, поставленное *демократическим* собранием, не находило опоры в крае; низы — его не знали и не чувствовали; татарская общественность находилась к нему в постоянной и резкой оппозиции; революционная демократия мирилась с ним ровно постольку, поскольку его существование гарантировало от пришествия Добровольческой власти, и давила на его волю, ставя его между собой и Екатеринодаром, как между молотом и наковальней. О буржуазии и говорить не приходится, если принять во внимание, что даже екатеринодарские кадеты горячо обвинили министерство Крыма „в коллекционировании" на его территории большевиков.

По тону социалистических газет и резолюций партийных, профессиональных организаций и демократических

---

[1]) На съезде 26 января татары высказали полное сочувствие идеям Добровольческой Армии, не проявив его впрочем никакой поддержкой объявленного призыва.

самоуправлений видно было идущее „crescendo“ „полевение“, как говорили сводки; оно нашло смелое и гласное выражение в городе-крепости, занятом сильным иностранным гарнизоном — в „оплоте“ Крыма. 16 февраля конференция правлений профессиональных союзов, собравшаяся в Севастополе, внесла резолюцию:

„Конференция правлений профессиональных союзов, обсудив всесторонне вопрос о власти, находит, что при создавшемся теперь положении, как внутри области, так и на крымском фронте, на пролетариат и беднейшее крестьянство Крыма ложится революционный долг притти на помощь героической Красной Армии и общими силами низвергнуть ненавистное краевое правительство. Исходя из этого, конференция постановляет немедленно объявить всеобщую политическую забастовку с требованиями:

1. удаление Добровольческой Армии;
2. устранение краевого правительства;
3. восстановление в Крыму советской власти;
4. освобождение всех политических“.

Положение Добровольческих войск в Крыму при таких настроениях в моральном отношении было чрезвычайно тягостным. Оно не способствовало ни притоку добровольцев, ни подъему в рядах тех, что дрались на полях Таврии, на Перекопе и Чонгаре. Скудность средств и неорганизованность снабжения еще более отягчали положение.

К сожалению, в крымских войсках также было далеко не благополучно. На верхах шел разлад. Сменивший генерала Боде генерал Боровский, имевший неоценимые боевые заслуги в двух кубанских походах, выдающийся полевой генерал, не съумел справиться с трудным военно-политическим положением. Жизнь его и штаба не могла поддержать авторитет командования, вызывала ропот, однажды даже нечто вроде бунта, вспыхнувшего в офицерском полку в Симферополе.

Поводом к нему послужили авантюризм и хлестаковщина ставшего известным впоследствии капитана Орлова и его сподвижников, но причины лежали несомненно гораздо глубже — в общих настроениях быта и службы. Вообще дисциплина, служебная и боевая работа новых офицерских частей оставляли желать многого. Развернутые до нормальных размеров, с солдатским укомплектованием, эти части несомненно дали бы хороший боевой материал. Но в настоящем своем виде они требовали не просто исполнения служебного долга, а нечто большее — подвига, лишений,

тяжкого, для многих непосильного труда. А того энтузиазма, который в исключительной обстановке Первого похода создал и закалил „старые“ офицерские полки, уже не было...

Некоторые из переброшенных в Крым Добровольческих частей не отличались должной выдержкой и тактом и своим демонстративным проявлением не к месту и не ко времени монархических и противодемократических тенденций давали пищу для нападок. Эти тенденции были присущи особливо гвардейскому офицерству, но и питались они в свою очередь отношением населения к Армии. Таким же направлением отличался находившийся в Ялте отряд для охраны лиц императорской фамилии, который одним своим назначением вызывал уже ропот социалистической демократии.

Не мало темных элементов попадало и в войсковые части, иногда просто самозванцы прикрывались трехцветным Добровольческим шевроном. В северной Таврии они угнетали население незаконными реквизициями, подчас грабежами, в крымских городах производили незаконные обыски, „выемки“, налеты, набрасывая густую тень на облик всего Добровольчества.

Безнаказанность большевистских главарей, большевистской пропаганды и агитации вызывала скрытые меры противодействия: частью по инициативе местных начальников, частью самочинно стали возникать негласные контр-разведки. Временами печать сообщала и о кровавых самосудах (Ялта, Севастополь и др.), которые все приписывали также Добровольцам и вызывали волнение среди демократии, резолюции протеста, забастовки и т. д. Это было иногда действительно делом рук офицерства. Но виновники, несмотря на принимавшиеся меры, обыкновенно не обнаруживались или оставались безнаказанными, вероятно в силу той психологии, которая стала присущей и старшим и младшим чинам и которая ярко сквозит в описании тогдашней жизни Севастополя одним из военных начальников:

„Офицерская среда уже не могла сдерживаться от самочинных арестов и даже убийств.

Проезжими офицерами был застрелен в районе вокзала какой-то человек, распространявший большевистские прокламации и которого французский комендант не ликвидировал. Через несколько дней после этого случая — несколько Добровольцев-офицеров арестовали самочинно бывшего матроса, шофера Лензука, убившего в январе 1918 года генерала Чебазского и его сына и некоторых других офицеров, и при конвоировании арестованного в комиссариат застрелили его. Оба случая попали в газеты с призывом „под суд“. Вслед за тем

комендант крепости получил телеграфное предписание о предании военно-полевому суду означенных офицеров.

Распоряжение это вызвало целую бурю ропота. Офицерство говорило: „когда матросы застреливали офицеров, никто из начальства пальцем не шевелил для их спасения; когда пришли немцы и была возможность вылавливать и казнить убийц, этого никто не делал, и бывшие матросы и убийцы открыто и смело разгуливали по улицам Севастополя. И когда, наконец, несчастное, исстрадавшееся офицерство начало вылавливать подобный вредный элемент, то начальство моментально позаботилось о предании суду того же офицерства“.

* * *

Шли дни за днями, с севера надвигались уже регулярные советские дивизии, а дело развертывания крымских частей („Крымско-Азовской Добровольческой Армии“)[1]) не двигалось. Это было тем более досадно, что в трех северных уездах Таврии[2]), где политические настроения, в силу постоянного и близкого общения с повстанческими бандами, были значительно напряженнее, мобилизация проходила все же сравнительно благополучно, а в Донецком районе (небольшая юго-восточная часть Екатеринославской губ.) — в этой некогда цитадели южного большевизма, объявленный тотчас по вступлении туда 3-й дивизии первый призыв двух возрастных классов дал свыше 7 тысяч человек.

Я настойчиво с первых же дней требовал проведения мобилизации в Крыму и одновременно введения военного положения со всеми возникающими из сего последствиями для того, чтобы иметь реальную возможность проведения набора. Моя телеграмма „о промедлении и пассивности“ правительства вызвала обиду и ссылку на „неподготовленность населения, не совсем дружелюбное отношение к Добровольческой армии, которое правительству приходится преодолевать, и, главным образом, непонимание населением мысли о принудительном призыве в Добровольческую Армию...“[3]).

Винавер упускал из виду, что „энтузиазма“ в народе не было нигде — ни в „Красной“, ни в „Белой“ России, и что правительство, расчитывавшее только на „энтузиазм“, шло по пути, уже пройденному ранее в масштабе всероссийском...

---

[1]) Так наименованы были с 10 января войска Крыма, Таврии и Донецкого бассейна (Май-Маевский), подчиненные ген. Боровскому.

[2]) Мелитопольский, Днепровский, Бердянский. В них была гетманская администрация, смененная потом военным управлением Добровольческ. командования.

[3]) Винавер. Телегр. разговор со Степановым.

Возникшие спорные вопросы потребовали личных переговоров, которые в середине декабря состоялись в Симферополе[1]), потом в Екатеринодаре[2]). В результате мы пришли к ряду соглашений. Гражданская власть в трех северных уездах передана была крымскому правительству с сохранением там военного положения.

Правительство подтверждало полную готовность итти навстречу интересам Армии, уравнять репрессии военно-судебных органов Крыма и Армии, принять решительные меры против печати в отношении травли и огульного осуждения офицерства, а также против пропаганды идей большевизма и т. д. От применения полевой юстиции в отношении некоторых преступлений гражданских лиц и от введения военного положения впредь до переезда Ставки правительство уклонилось.

Перенос Ставки в Севастополь был решен под влиянием слагавшейся в декабре военно-политической обстановки и с целью избавить Ставку и кубанское правительство от нервирующей друг друга близости. Крымское правительство в этом случае добровольно слагало с себя верховную власть. Но в виду преждевременных слухов об уходе правительства, по обоюдному соглашению последовало официальное разъяснение, что „отношения командования Армии и крымского правительства остаются на прежних основаниях", в будущем же „определятся взаимным соглашением и условиями, которые будут созданы фактом перехода штаба".

По этому поводу совершенно неожиданно я получил через французскую миссию уведомление ген. Франше д'Эспре: „... Нахожу, что генерал Деникин должен быть при Добровольческой армии, а не в Севастополе, где стоят французские войска, которыми он не командует". Я ответил, что в отношении армии Юга пользуюсь всей полнотой власти и избираю место стоянки, руководствуясь мотивами политическими, стратегическими и расположением подчиненных мне войск. Одновременно через Сазонова обращено было внимание французского правительства „на недопустимость ни по существу, ни по тону подобного обращения французского генерала".

Впоследствии, исключительно под влиянием изменившегося положения фронта, от мысли этой пришлось отказаться.

При таких условиях объявлена была сначала мобилизация офицеров до 40-летнего возраста, потом к 30 января призыв одного возрастного класса (родившихся в 1897 г.). Призыв не прошел.

---

[1]) Поездка ген. Лукомского, Н. И. Астрова, В. А. Степанова.
[2]) Приезд С. С. Крыма.

Обескураженное такой неудачей, крымское правительство отказалось от борьбы и спешно отменило объявленный уже призыв двух следующих возрастов. Авторитету правительства, командования и самой идее борьбы с большевизмом, этой демонстрацией нашего бессилия, нанесен был непоправимый и окончательный удар.

Под влиянием ряда фактов из области попустительства большевикам и вмешательство в дело обороны я послал 16 марта Крымскому правительству предложение ультимативного характера — „отказаться от того гибельного пути, на который оно вышло, объявить военное положение и предоставить вытекающую из него власть командующему армией...“ В противном случае я угрожал отдать приказ ген. Боровскому „приступить к эвакуации Добровольческих войск из Крыма...“

В телеграмме моей было много чувств горечи и раздражения, но реальных результатов она принести не могла. Из последовавших постановлений правительства и беседы С. С. Крыма с ген. Боровским следовало, что правительство „готово всегда отменить свои постановления“, готово „каждую минуту выйти в отставку — для пользы дела приняв на себя инициативу перед населением.“ Правительство утверждало, что оно „сделало все ему доступное, чтобы материально и нравственно поддержать Добр. армию и с самых первых дней своего существования связывало свою судьбу с Армией...“ Отрицая возводимые на него обвинения, правительство, на этот раз не без основания, добавляло, что едва ли можно было ожидать такой меры, как отозвание армии из Крыма, ибо армия защищает не Крымский край, а общее российское дело“ [1]).

В свою очередь ген. Боровский не имел никакого желания брать не себя бремя загубленной уже власти. Он доносил, что теперь уже поздно: введение военного положения, когда все силы выдвинуты на линию фронта, будет „покушением с негодными средствами“. В качестве паллиатива — под председательством Боровского был образован „комитет обороны“ в составе председателя правительства, министров военного и вн. дел и некоторых других лиц.

„Комитет обороны“ — по длительному печальному опыту гражданской войны являлся всегда предтечей катастрофы.

* *
*

Крымские части, вместо того, чтобы развертываться и формироваться под прикрытием союзных войск, были выдвинуты на линию Каховка (На Днепре) — Федоровка (впе-

---

[1]) По телеграфн. передаче Набокова 23 марта 1919 г.

реди Мелитополя) и далее к востоку, входя в связь по жел.-дор. линии от Бердянска с войсками ген. Май-Маевского. Имея перед собою многочисленные, до 10—12 тыс., но плохо организованные повстанческие банды, наши части в течение $1^1/_2$ месяца успешно боролись с ними.

В середине января армии Украинского советского фронта сосредоточились левым своим крылом в районе Александровск — Синельниково — Гришино, и можно было ожидать активных действий их и в крымском направлении. Для противодействия этому приходилось вывести все Добровольческие части Крыма [1]) на фронт в северную Таврию и, на основании категорических заявлений ген. Бертело о предстоящей помощи нам, я просил его для обеспечения порядка в тылу занять хоть маленьким союзным гарнизоном ряд крымских городов. Ген. Бертело вновь обещал, но при этом потребовал три больших русских парохода, которые и были даны „для перевозки войск“ [2]).

Союзные войска, однако, не появлялись.

В начале декабря сошел на берег десант английской морской пехоты — батальон с пулеметами; через две-три недели он ушел, и в конце декабря в Севастополе высадился французский отряд — полк с двумя батареями, под начальством полковника Рюэ. Назначение отряда было совершенно непонятно. На фронт он итти не собирался. Рюэ держал себя начальником в Севастополе, резко в отношении коменданта и чинов Добр. Армии, покровительственно в отношении членов правительства, которому давал неизменно обещания о грядущей помощи, поддерживая его иллюзии. Рюэ не принимал никаких мер в отношении севастопольских большевиков и, вместе с тем, не допускал „вмешательства и политическую борьбу“ коменданта и Добр. частей. Когда ген. Боровский под давлением бурных митингов и приостановки всех работ на Добр. Армию ввел своею властью в крепостном районе военное положение, Рюэ, поддержанный Винавером, категорически запротестовал: он не может согласиться на „выступление Добровольцев против демократии“; ничего не имеет против предоставления чрезвычайных полномочий министру внутр. дел, но силу даст только для подавления вооруженного выступления.

„Рабочий народ“ требовал советской власти... Рюэ издавал обращение к населению, что он никакой большевистской власти не признает... На „Мирабо“, французском броненосце, потерпевшем аварию и чинившемся в доке, делегация „мирных демонстрантов-рабочих“ в то же время получала заве-

---

[1]) Не более 5 тысяч.

[2]) Обмен телеграммами от 19 января и 4 февраля.

рения от „товарищей-французов“, заинтересованных в нормальном течении работы, что они, „никогда не подымут руки против голодающего рабочего...“ Рюэ опровергал в газетах смысл данных делегации заявлений и т. д. и т. д.

Севастополь — наша база — представлял из себя котел, ежеминутно готовый взорваться. В результате одного из грандиозных митингов, на котором вынесена была вновь резолюция о ниспровержении правительства и Армии, военные власти произвели несколько арестов, но городское самоуправление потребовало от Рюэ освобождения арестованных, и последний настоял на исполнении его требований. „После этого случая — пишет начальник штаба крепости — и вплоть до эвакуации Севастополя, если и производились аресты (даже убийства), то только самочинные...“

Между тем, в конце февраля войска Украинского советского фронта, усиленные из резервов до 20—25 тыс., перешли в наступление на фронте Юзовка — Волноваха — Бердянск — Мелитополь, одновременно угрожая нашему левому флангу со стороны Херсона. В первых двух направлениях большевики потерпели неудачу. Но, захватив Мелитополь и выйдя к Бердянску, они разъединили войска Крымско-Азовской армии, которая отошла частью на Мариуполь, частью на перешейки. 13 марта наши части, обойденные десантом от Геническа, оставили и Сальский перешеек (восточный).

Крым был отрезан от питавших его хлебом и углем районов.

В виду общего тяжелого положения на фронте Вооруженных сил Юга, помочь было нечем... Я хотел перебросить в Крым часть бригады Тимановского из Одессы, но ген. д‘Анзельм, бросив к тому времени Николаев и Херсон и отводя союзные войска к Одессе, всё же отказал мне в этом. В начале марта в Севастополе высадился и полк греков и, после длительного воздействия на французское командование, две греческих роты были двинуты на перешейки, где доблестно дрались.

Это было все, чем выразилась помощь союзников в Крыму.

12 марта прибыл в Севастополь ген. Франше д‘Эспре. Прием им военно-морских начальников и членов правительства отличался грубостью. Он говорил раздраженно о „постыдном поведении русских офицеров, особенно за границей“, о русской интеллигенции и буржуазии, которая „прячется за спины армии союзников“. Предупреждал, что „русские не должны думать, что союзники будут воевать за них, а должны сами итти на фронт...“ Испытав до дна смирение своих невольных слушателей, генерал приказал все формирующиеся в Севастополе Добров. части немедленно

вывести на фронт, сменил Рюэ, назначил „командующим союзными войсками в Крыму“ полковника Труссона и обещал, что, если фронт продержится две недели, то им будет дана помощь...

Мы, русские, сами знали хорошо свои вины, но что — какое соучастие, какое самопожертвование давало право им быть нашими судьями...

Ожидание обещанной вновь помощи стало единственным стимулом всех упований крымского правительства. И даже уже после одесской эвакуации, обеспокоенное „усилением недружелюбного и подозрительного отношения к союзникам“, правительство констатировало „максимум энергии Труссона“ и „значительно большую активность со стороны союзников в деле обороны Крыма“, убеждало Ставку проникнуться самой и внушить местному командованию „необходимость наибольшей степени доброжелательности по отношению к союзникам“ [1]). А в то же время командующий французской эскадрой адм. Амет говорил нашему представителю: „все обещания активной поддержки Добр. Армии были даны лицами, недостаточно для этого уполномоченными и давно не бывшими во Франции, а потому незнакомым с ее состоянием в настоящее время... Вследствие распространенного там мнения, что „война окончена“, у меня нет уверенности в возможности заставить наши части драться“.

На перешейках шли бои вяло, без подъема, без воодушевления, с опасливой оглядкой на тыл. Вместо направления в приемники (запасн. бат.) или переброски на другие фронты, мобилизованные северной Таврии вливались на месте в боевые части. Не изжив большевизма, вынужденные драться против своих же односельчан, мобилизованных „отаманами“ или большевиками, или участвовать в усмирении своих же сел, они дезертировали в большом числе.

Переправившись также у Алешек и Каховки, большевики силами до 15 тыс. продолжали наступление и овладели Перекопом. Успешные вначале контр-атаки наши не изменили положения. Части крымского фронта под натиском противника, по приказанию Ставки, начали отступление в направлении на Керчь, и 27 марта красные заняли узловую станцию Джанкой. Началась эвакуация Симферополя. Крым охватила паника, и человеческие волны в поисках спасения покатились к портам. Все свободные суда, находившиеся в распоряжении главного командования, были посланы к берегам Крыма для спасения беженцев.

Красные войска наступали в двух направлениях. Главные силы их преследовали отступавшие части крымских

[1]) Телеграфная беседа Набокова с Астровым 23 марта.

Добровольцев, которые в середине апреля достигли Акманая. Здесь в наиболее узком и обороноспособном месте Керченского полуострова наши войска были остановлены и дали отпор противнику.

Другой небольшой отряд советских войск наступал от Джанкоя на Севастополь, не встречая сопротивления.

* * *

Между 30 марта и 2 апреля в Севастополе высадилось до 4 тыс. алжирских стрелков и сенегальцев, что вместе с прежним гарнизоном составило до 7 тыс. штыков при 8 орудиях. На рейде стояла союзная эскадра с мощной судовой артиллерией. Высшее командование в этом районе всеми французскими силами принадлежало франц. адмиралу Амету, на суше командовал полк. Труссон, который 28 марта объявил осадное положение и принял на себя всю власть в Севастополе.

Между тем, местный большевистский революционный комитет с утра 29 расклеивал уже по городу свои приказы и прокламации, требуя прекращения работ по эвакуации и воспрепятствования выхода в море кораблей. По инициативе того же комитета группа матросов подготовила взрыв огромного транспорта „Рион", наполненного несчастными беженцами, преимущественно женщинами и детьми. От взрыва бомбы пострадало более 100 человек (21 убит.). К счастью остальные заложенные бомбы были во время обнаружены и потоплены... Главные виновники взрыва скрылись, пособники... „при попытке бегства с корабля были убиты".

Суровая формула жуткого времени.

Все последовавшие действия французского командования клонились по существу к выручке чинившегося „Мирабо". Хаотическая эвакуация напоминала одесскую и произведена была в весьма ограниченных размерах, так как все лучшие пароходы были расписаны под французские и греческие войска и грузы. 2 апреля адм. Амет распорядился о немедленном оставлении Севастополя всеми чинами Добр. армии и прекратил в этот день фактически эвакуацию русских людей и нашего военного имущества. По распоряжению Амета адмирал Саблин должен был уйти с судами, которые он успел вывести, не позже вечера 3 апреля... В угоду севастопольскому „революционному комитету" французские власти наложили арест на продовольственные грузы Добр. Армии, арестовали весь состав крымского правительства и под угрозами потребовали сдачи им краевой казны и возвращения Севастопольскому — уже большевистскому — казна-

чейству пособий, розданных по распоряжению правительства и коменданта несчастному служилому люду. Военное и морское имущество, неисправные суда, авиобазы, и т. д. были брошены или подверглись разрушению — были союзниками „обезврежены, чтобы ими не воспользовались большевики...“

Французское командование принимало решительные меры, чтобы отмежеваться от всякого общения с российской „контр-революцией“ и тем облегчить предстоящие переговоры с большевиками.

В эти дни нашего национального несчастия ответственными представителями Франции, казалось, было сделано все, чтобы переполнить до краев чашу русской скорби и унижения. Вот, например, финальный эпизод, характерный для всей эвакуации... 3 апреля ушел последний русский пароход „Георгий“, и на внешнем рейде стояли еще иностранные пароходы, приютившие беженцев. На одном из них — французском пароходе „Дюге-Труян“ находился нач. штаба ген. Рерберг и чины штаба (с семействами), до последнего момента исполнявшие свои обязанности. 7 апреля получено было приказание с французского флагманского судна — всем русским офицерам покинуть французский корабль... „Приходилось, — пишет Рерберг, — попадать в руки большевиков или кидаться в море“... Выручил английский адмирал, принявший офицеров с семьями на свой транспорт.

2 апреля началось наступление большевиков на Корабельную слободку и Инкерманский водопровод, не занятый союзниками, который большевики и захватили к ночи, оставив город без воды. На следующий день встретились советские и французские парламентеры, и начались переговоры. Но большевики были требовательны, и два дня поэтому гремели орудия союзного флота, производя впечатление довольно внушительное на ничтожный численно большевистский отряд, подступивший к городу. 5-го все стихло: французы заключили с большевиками перемирие, не нарушавшееся до 15 апреля, когда закончилась эвакуация французских и греческих войск. Печать сообщала о каких-то беспорядках среди французских матросов и солдат, о шествиях в городе с красными флагами, в которых будто и французы принимали участие, об усмирении манифестантов огнем, открытым цветными войсками и греками...

Корабли с беженцами шли в Константинополь, в Пирей, к берегам Черноморской губ. Крымские правительственные учреждения высадились в Новороссийске и Туапсе, возбудив вопрос об „иммунитете“, в качестве представителей „союзной державы“. Полагая, что роль крымского правительства уже закончена, я дал указания Черноморскому губернатору считать чинов правительства и прибывающих учреждений

его — частными лицами; Керченский уезд поступил в управление Ос. Совещания.

Там, на Акманайских позициях, устроенные и переформированные в дивизию части бывшей Крымско-Азовской армии, поддержанные с Черного и Азовского морей огнем орудий русского и союзного флотов, главным образом английских, в течение двух месяцев отстаивали упорно последний клочок Таврического полуострова, послуживший нам в начале июля исходным плацдармом для нового победного наступления.

И в этой тяжелой боевой работе своей мы не были оставлены попечением французского командования. 5 апреля, следовательно уже после „Одессы" и „Севастополя", ген. Боровский получил чрезвычайно резкое и оскорбительное письмо от франц. капитана 2 ранга Бенета, назначенного „командующим отрядом судов для обороны Керченского полуострова". Бенет, на основании инструкций командующего флотом, между прочим писал:

> „Я должен быть поставлен в известность представителем ген. Деникина об отданном последним приказании о передвижениях Добровольческой армии. Эти передвижения могут быть допущены только по письменному распоряжению, подписанному представителем ген. Деникина и мною. В противном случае я буду противодействовать силой... Было бы также желательно сообщить ген. Деникину, что союзники — хозяева моря и что на нем не должно делаться ничего без их на то согласия"...

Генерал Романовский сообщил французской миссии, что, в виду „явно вызывающего характера этого сообщения", главнокомандующий В. С. Ю. Р. находит необходимым, чтобы капитан Бенет был бы немедленно отозван, так как исполнение им своих угроз может вынудить начальников Добровольческих войск к действию артиллерий против французских судов...

Капитан Бенет, по уведомлению ген. Франше д'Эспре, был отчислен от должности [1]). В сущности он только слишком прямолинейно выполнил полученный приказ и выразил, хотя и в лапидарной форме, те именно взгляды и те отношения к нам, которые сложились прочно на верхах французского командования на Юге России.

---

[1]) Телеграмма ген. Боровского от 5 апреля. Нота ген. Романовского от 16 апреля, № 05320, нота полк. Корбейля от 27 апреля, № 1755.

ГЛАВА VII.

Протокол англо-французской конференции. — Идея французской интервенции на Юге России. — Причины ее неудачи.

Чем объяснить роковую для нас политику Франции в 1919 г. и образ действий ее представителей на Юге России? На это могут дать исчерпывающий ответ архивы французских министерств. Но и в нашем распоряжении есть некоторые материалы, приоткрывающие завесу над этим больным вопросом. До самого последнего момента французское правительство поддерживало и в своих генералах и в русских идею о вооруженной помощи.

Вернувшись из Одессы 10 марта после свидания с Франше д'Эспре, генерал Бертело передавал русскому посланнику в Бухаресте, Поклевскому-Козелл о „твердом решении французов сохранить Одесский район". Бертело говорил о развертывании польской дивизии севернее Черновиц и 7 румынских по Днестру; о высадке в ближайшие дни в Одессе 9 батальонов французских волонтеров и следующих за ними 18 батальонов цветных войск; об изыскании тоннажа для снабжения Одессы, более 30 тыс. тонн в месяц...

„Но все-таки, — писал П. К., — я не заметил в нем (Бертело) уверенности в том, что Одесса будет удержана" [1])...

4 апреля н. ст., т. е. через день после объявления эвакуации Одессы, в Париже, на Quai d'Orsay состоялась англо-французская конференция, на которой был выработан сообща порядок осуществления французской интервенции. Статьи „протокола", составленного в результате обмена мнений французским министерством иностранных дел и помеченного датой 11 апреля н. ст., заключались в следующем:

„1. Высшее французское командование не будет чинить никаких препятствий к набору русских контингентов ген. Деникиным и офицерами, его представляющими, под условием, чтобы принимаемые к таковому

---

[1]) Письмо Пок.-Коз. на имя Сазонова от 12 марта 1919 г., № 29.

набору меры не имели бы результатом возникновение беспорядков в зоне, где французское командование ответственно за сохранение порядка.

2. Непосредственное командование над русскими частями, формируемыми на местах, примут русские офицеры, предпочтительно из Армии ген. Деникина, или из других организаций, в случае, если эти части, горя желанием сражаться против большевиков, не захотели бы служить в Армии ген. Деникина.

Разумеется, эти части будут чисто русские, за исключением Союзного или французского кадра, но они смогут получать помощь союзными инструкторами или техническими советчиками.

3. Русские войска, находящиеся во французской зоне и признавшие авторитет ген. Деникина, могут, по соглашению ген. Деникина с высшим французским командованием, быть использованы либо первым на его театре военных действий, либо быть окончательно предоставлены в распоряжение второго.

Русские войска, отказывающиеся от подчинения ген. Деникину, остаются в распоряжении высшего французского командования.

4. Ген. Деникин и высшее французское командование условятся, чтобы русское имущество, сложенное в зоне французских действий, было бы либо использовано при формировании русских войск этой зоны, либо предоставлено в распоряжение ген. Деникина.

Последний не будет препятствовать посылке во французскую зону припасов излишнего продовольствия (провиант и топливо), которые могли бы иметься в его собственной зоне.

5. Ген. Деникин и высшее франц. командование будут взаимно держать друг друга в полном курсе своих операций и нужд, посредством миссий для связи. Они будут по мере возможности оказывать друг другу взаимную поддержку.

6. Русские торговые суда, не находящиеся в пользовании союзников, могут быть употреблены для русских военных перевозок и для продовольствия русских войск. Высш. франц. командование не будет чинить никаких препятствий к применению для этой цели под русским национальным флагом русских судов, находящихся на Черном море, под условием, чтобы они обслуживались русским экипажем, подчиняющимся ген. Деникину. В пределах возможного эти суда, если придется, будут способствовать возвращению на родину русских солдат, находящихся вне русской территории.

Русские суда, правильно зафрактованные дружественными правительствами, останутся в распоряжении этих правительств, кроме как в случае невозобновления таковыми контрактов по истечении их срока.

Русским военным судам, которые вооружены русским экипажем, подчиняющимся ген. Деникину, разрешается плавать под русским флагом".

Интересно, что текст этого протокола без предварительного сношения со мною и в форме императивной был прислан мне только через полтора месяца, после всех трагических событий Одессы и Крыма, завершившихся исходом французов, и после того, как на всех фронтах В. С. Ю. Р. обозначился большой успех, предвестник скорого освобождения Новороссии и Крыма... [1]).

От моего имени отвечено было французской миссии [2]):

„Я очень благодарен за присылку мне протокола от 4 апреля, но несколько недоумеваю, как можно провести его в жизнь, приняв во внимание,

1. что на территории Вооруженных Сил Юга России я осуществляю Верховное командование армиями, а на территории, занятой Добровольческой Армией — и Верховное управление;

2. что в операциях русских армий не предложено участие французских войск".

Еще через месяц аналогичное уведомление пришло из британской миссии, с просьбой сообщить — не имеет ли ген. Деникин что-либо прибавить к ранее данному французам ответу. По этому поводу было сообшено [3]):

„Территория Крыма к данному времени освобождена исключительно частями В. С. Ю. Р. и будет подчиняться в порядке Верховного управления Верховному Правителю России, временно же главнокомандующему вооруженными силами на Юге России, ген. Деникину.

Далее, главнокомандующий, будучи крайне благодарен за всякую материальную помощь со стороны союзников, считает, что зоны французского и английского влияния должны иметь значение лишь в смысле оказания именно материальной помощи, но

---

[1]) Нота нач. франц. миссии полк. Корбейля от 14 мая, № 1926. В ней было между прочим указано, что упомянутый протокол „является дополнением франко-английского договора от 23 декабря н. ст., 1917 г., о зонах действия (les zónes d'action) — французской и английской — договор, который остается в силе и в данное время".

Напомню границу „зон". Константинополь — Керчь — Ростов — р. Дон; в востоку — английская, к западу — французск я.

[2]) Нота 20 мая, № 714, ген. Драгомироава

[3]) Нота ген. Лукомского.

право распоряжения русскими войсками, как в той, так и в другой зоне, в полной мере остается за главнокомандующим ген. Деникиным".

Вся эта переписка свидетельствует, что руководители французской политики, не взирая на противодействие своей демократии, не оставляли все же идеи вмешательства в русские дела, при том в формах наиболее активных — интервенции и оккупации. Причины неосуществления этих попыток нужно искать следовательно в другой области...

Каково же было официальное объяснение событий?

Обращая мое „благосклонное внимание" на „недопустимое отношение к Франции, создавшееся в местностях Юга России", генерал Франше д'Эспре писал после катастрофы Одессы и Крыма:

„...Весьма прискорбно, что русское общественное мнение может верить тому, что оставление Одессы французским командованием было произведено им намеренно, хотя в его распоряжении имелось достаточно военных средств, которыми оно намеренно не воспользовалось. Вы так же хорошо, как я, знаете истинные причины эвакуации Одессы — те же, между прочим, что заставляют нас в настоящее время покинуть Севастополь. Эвакуация обоих этих городов произошла исключительно вследствие невозможности обеспечить их продовольствием, в виду чего там готова была разразиться революция. С военной точки зрения мы никакого поражения не потерпели, и, если бы не опасение обречь население этих двух городов на голод, мы бы остались на наших позициях прикрытия".

Объяснение оставления Одессы и Севастополя невозможностью продовольствовать эти города, в устах стратега звучало очень неубедительно. Ведь стремление удержать только одни эти города, даже без ближайших подступов к ним, и в военном и в политическом отношениях было бы бессмыслицей. Ведь возможность обороны и продовольствия достигалась легко выдвижением вперед и занятием широких плацдармов.

Французский генерал не сделал того естественного вывода, который вытекал из его признания: при отсутствии возможностей и средств стоило ли вести опасную политическую игру?..

В той версии, которую передавал нам английский главнокомандующий генерал Мильн, посетивший Екатеринодар 11 апреля, заключался намек и на другую, более важную причину эвакуации:

„Вопрос об эвакуации Одессы был решен в Париже в Совете Десяти, на основании донесений генерала

д'Анзельма и полковника Фрейденберга о катастрофическом положении продовольствия в Одессе и прекрасном состоянии большевистских войск. Англичане энергично протестовали против предложения немедленно эвакуировать Одессу, но французы настояли на своем, и приказ Совета Десяти о немедленной эвакуации был послан из Парижа, минуя Константинополь, непосредственно в Одессу".

* * *

Переоценка большевистских сил явилась несомненно результатом той психологической реакции, которую испытывала французская армия-победительница. Чрезвычайно ценным в этом отношении является свидетельство полковника ген. штаба Энкеля [1]), близко соприкасавшегося со ставкой генерала Франше д'Эспре и установившего как с ним, так и с его штабом дружественные отношения. Вот как описывает он настроения штаба „Главнокомандующего армиями на Востоке", накануне падения Одессы:

„Ген. Франше я здесь не застал... Главнокомандующий выехал в Одессу и Севастополь для личного ознакомления на местах с положением дел и вернулся сюда лишь 11-го. В ожидании его я повидал начальника штаба, начальников оперативного и разведывательного отделений, и с каждым из них имел длинные беседы на интересующие нас темы. Наконец с приездом главнокомандующего я дважды — 12-го и 13-го — подолгу беседовал с ним и, кроме того, имел весьма откровенные разговоры с сопровождавшими его в поездке офицерами ген. штаба, а равно с начальником здешней английской миссии ген. Бриджесом, представитель которого также ездил с ген. Франше. Французский майор ген. шт., сопровождавший генерала Франше, начал изложение мне своих впечатлений словами: „во-первых, я воочию убедился, что Украина—вздор. Буду поэтому называть эту часть России ее настоящим именем — Малороссией. Во вторых, нам ясно, что между вами и нами не было до сих пор понимания друг друга, а следовательно и сердечности. Мы — доктор — не понимали вас — нашего пациента, а вы, заболев и позвав к себе доктора — нас, отнеслись к нему с подозрением в намерении воспользоваться вашей немощью, для того, чтобы ограбить

[1]) Во время войны полк. Энкель состоял русским военным агентом в Сербии при сербском короле и Салоникской армии. Ныне занимает высокий пост в Финляндии.

вас. Много ошибок было наделано нашими представителями на местах, но верьте мне, что причиной этих ошибок неизменно была трудность для названных представителей, подверженных сильным местным влияниям, разобраться в чрезвычайно сложных вопросах момента“.

Как видите, такое начало, отражающее в себе взгляды главнокомандующего, является уже крупным шагом вперед, но переоценивать его отнюдь не следует... Помощь останется строго пассивной, а при известных условиях может и вовсе прекратиться. Для пояснения сказанного я коснусь ниже тех весьма существенных изменений в образе мышления союзников, которые народились за мое отсутствие и которые красной нитью прошли через разговоры их со мной за эти дни.

Во-первых, французы, до сих пор одни стоявшие на точке зрения необходимости активного вмешательства в борьбу с большевиками в России, ныне, повидимому, вовсе отказались от такой точки зрения. Убедившись в невозможности осуществить ее вследствие крайнего несочувствия ей общественного мнения и усталости армии, они помирились с возможностью потерять свои миллиарды в России... Во-вторых, последние события на Юге России, в частности результат непосредственного соприкосновения с большевистскими войсками, произвели на французов сильное впечатление и вовлекли их в обобщения, едва ли оправдываемые теми немногими случайными явлениями и фактами, которые их поразили... Красные в боях под Николаевом и Херсоном, якобы, проявили качества, присущие лишь первоклассным войскам. Двинутые против них танки не произвели никакого впечатления и, несмотря на огромные потери противника, были им в большей части захвачены.

Красные в занимаемых ими пунктах водворяют и и поддерживают строжайший порядок. Французов особенно поразил тщательно по их словам проверенный ими факт, что в Киеве, после царившей там анархии, полный порядок был восстановлен в 24 часа... Советские генералы собирают на своем пути офицеров и предлагают им вступить в „Русскую армию, сражающуюся за восстановление единой, великой России“ и, якобы, имеют в этом направлении существенный успех...

Эти и другие сведения порождают в умах союзников вопросы и сомнения, парализующие уже и теперь их энергию в русском вопросе. Рассуждают они так: „На той стороне много видных генералов и офицеров,

которые не могут быть большевиками, а между тем они работают во всю по созданию сильного военного организма и по расширении границ Совдепии... Большевизм правеет, вместо первоначальных интернациональных его лозунгов устами красных генералов провозглашаются национальные. Не перерождается ли первоначальное анархистско-коммунистическое движение в русское национальное, не повторяется ли история французской революции, т.-е. не является ли организуемая ныне генералами с этой целью Красная армия решающим фактором в свержении Ленина и Троцкого и в создании твердой национальной власти...

Подобные вопросы занимают умы союзников, которые, как мне было сказано, одним из наиболее авторитетных моих собеседников, не желали бы скомпрометировать себя перед национальным чувством будущей России" [1]).

Я не знаю, поскольку была искренней вера французов в преображение „анархо-коммунистического движения в национальное", вера в „красных генералов" и в непобедимость банд Григорьева, к которым само советское командование относилось с нескрываемым пренебрежением. Но даже если эта вера была искренней, то вытекала она психологически не столько из оценки силы противника, сколько из сознания моральной неустойчивости своих собственных войск. „Poilu" чрезмерно устал. Он не хотел уже более драться. Повергать его в гущу российского хаоса представлялось до крайности опасным...

---

[1]) Выдержка из письма 15 марта из Константинополя

М. С. МАРГУЛИЕС

ВООРУЖЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ЮГЕ РОССИИ

ГЛАВА I.

ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ ТУПИКА.

Полк. Фредамбэр и ген. д'Ансельм в Одессе. — Проекты организации Южно-Русской власти: мой, кн. Е. Н. Трубецкого и С. Н. Маслова. — Попытка свидания с д'Ансельмом. — Французские планы организации управления в оккупированных районах. — Переговоры с социалистами. — Депутация у Фредамбэра. — Планы у хлеборобов.

15 января 1919 г. Среда.

Явилось наконец французское начальство — ген. д'Ансельм и полковник Фредамбэр.

Встретил Фредамбэра на улице; осматривает квартиры, отведенные французским штабным учреждениям. Говорит, что будет прислано много больше двух дивизий, а когда — не знает. Пока что сговорился с петлюровским военным министром, генералом Грековым, о пропуске в трехдневный срок съестных припасов в Одессу (молока уже нет, яйцо — три рубля штука). Его эти переговоры с петлюровцами не смущают. — „Мы их прогоним, когда нужно будет". — „А пока Вы работаете с австрийцами из Галиции?" — „Лишь бы только не жертвовать жизнями наших солдат", — говорит Фредамбэр. Многообещающее начало вооруженной интервенции.

Секретарь Коростовца, Шереметьевский спрашивает, приму ли я Галица? Вторично отказываюсь.

В 3 часа заседание Ц.В.-П. К-та. Рабочие уже согласны изготовлять все, что понадобится для Добрармии. Боюсь только, что с малыми средствами, которые в нашем распоряжении, а, главное, при отсутствии правильно налаженного аппарата у Добрармии, ничего не выйдет.

В 5 часов заседание бюро С.Г.О.Р. Читаю мой проект образования Южно-русской власти; никому не угодил. П. И. Новгородцев для вящего уничтожения моего проекта говорит: „Да Вы нам предлагаете власть на принципе федерации". Я не убит этим аргументом, подтверждаю, что защищаю федерацию с 1906 года, когда начал выпускать недолговечного „Радикала", созидал радикальную партию и до сих пор остаюсь при мнении, что Россию мог бы спасти федералистический строй, без которого и в будущем ей не обойтись.

С. Н. Маслову и кн. Е. Н. Трубецкому, которые так же, как и Новгородцев, решительно отвергают мой проект, поручаем изготовить контр-проект.

После скандалов нововременцев у Пильца и Гришина — денег на газету не получим.

Заходил в Думу к Брайкевичу и передал ему жалобу Фредамбэра: французские учреждения уже 2 недели ждут обещанных городом дров и до сих пор — ни полена; нет и мебели для бюро и канцелярий. А ведь мы сами союзников к себе зазвали.

16 января. Четверг.

Х... и С. Й. Варшавский предлагают мне помочь им восстановить „Русское Слово". Мы даем деньги, поддерживаем их ходатайства (о привозе бумаги и т. д.) у союзников, передаем им типографию; они издают сами, но в редакционный к-т входят от нас кн. Е. Н. Трубецкой, проф. Новгородцев и я. Нахожу вполне приемлемым. Барон Меллер [1]) категорически отказывается — дескать направление от нас ускользнет и будет газета говорить не нашим языком.

Энно сообщает мне свою беседу с украинским генералом Грековым; в его армии до 80% — большевики. Первый вопрос, который генерал д'Ансельм задал Энно по своем приезде в Одессу, был: видел ли уже Энно генерала Грекова? Очевидно, результат работы Украинской миссии в Букаресте. Надо это учесть в дальнейшем.

Вечером сидим с бароном и Куракиным в моем холодном номере (не больше 6 гр.) в теплых пальто и мечтаем, в глубокой мерехлюндии, ехать не то в Сибирь, не то на Северо-Запад — на французов надежда слабая.

17 января. Пятница.

Утром у генерала д'Ансельма; прошу его принять С.Г.О.Р. — уклоняется, направляет к Фредамбэру. А этот откровенно сказал мне вперед, что до нашего разговора с ним, Фредамбэром, д'Ансельм нас все равно не примет, так как его де со всех сторон теребят. Я заметил, что хотя бы и теребили — французам ведь надо познакомиться с русским общественным мнением. Фредамбэр однако особого желания с ним знакомиться не выразил и лишь после моего настояния, просил притти к нему в 2 часа. Я не утерпел и говорю: „Ведь не забудьте, что у нас люди крупного положения, и они имеют право требовать, чтобы их принял высший чин французского командования". Обиделся, но отходчив, обещал, после того, как сам с нами познакомится, представит и генералу. А в сущности он прав. Генерал — ник-

[1]) Председатель Совета Государственного Объединения России.

чемный, по отзывам других и по моему впечатлению в Букаресте.

В 12 часов в Бюро С.Г.О.Р. — Маслов и Е. Н. Трубецкой читают их проекты управления Юго-Западным краем: военный генерал-губернатор, назначенный Деникиным; при нем управляющий гражданской частью и заведующие отделами. говорю, что не стоило писать и проекта — взять просто из I тома Свода Законов положение о генерал-губернаторах; да толку от них в смутное время никакого. Решили, что Деникину представить оба проекта — Маслова и мой.

Хрипунов не едет в Екатеринодар. Должен остаться, чтобы парализовать агитацию Союза Земельных Собственников, входящего в состав С.Г.О.Р. против его, Хрипунова, левизны.

Брайкевич был у д'Ансельма; генерал сказал, что вопрос о расширении зоны французской оккупации решен. А заведующий снабжением города полков, Эсаулов, рассказывает, что когда он жаловался помощнику Фредамбэра, что из-за узкой зоны оккупации десяток яиц стоит 40 рублей, — офицер ответил: „Не кушайте яиц".

18 января. Суббота.

Барон пошел к Фредамбэру требовать свидания с генералом д'Ансельмом. Опять сорвалось. Фредамбэр заявил, что д'Ансельм депутации не примет — он солдат и политикою не занимается. С петлюровцами никакого соглашения нет и скоро будет продвижение в радиусе 100 верст; просит дать списки старшин и городских голов для „постепенно очищаемых местностей".

А одесситы начинают подсмеиваться над французами; их грозный военный престиж быстро тускнеет вследствие их бездействия — один маленький успех большевиков — и от престижа французов ничего не останется. Не сознают ли это и сами французы?

19 января. Воскресенье.

Заходил — некто П. А. Вангааз, рассказал, как убили, повидимому добровольцы, несчастного Гужона в Крыму. Любезность англичан по отношению Н. С. Брасовой беспредельна — по ее просьбе послали из Константинополя в Ялту миноносец „Нереиду", чтобы вывезти оттуда ее подругу.

В 5 часов — заседание бюро С.Г.О.Р. по поводу напечатанной в газетах речи адмирала Колчака, как верховного главнокомандующего всех русских сухопутных и морских сил. Предлагаю в виду этого пересмотреть инструкции, данные Е. Трубецкому и С. Маслову; ведь раз верховный глава адмирал Колчак, то притязание Деникина на подчинение его

власти таких территорий, как Юго-Запад, на котором фактически материально власть его вооруженного кулака не распространилась, теряет всякое основание. Единогласно решаем: требовать от генерала Деникина, либо переехать сюда для фактического осуществления власти, либо не вмешиваться в наши дела и предоставить Юго-Западу самому устроиться согласно требованиям элементарного здравого смысла; тем более, что и соседний с Деникиным Крым, обходится без него. Решаем ускорить образование Совета при французском командовании, как более простой формы организации власти на месте. Я все же настаиваю на Южно-русском правительстве — возражают, но уже меньше.

Вечером — на открытии кабачка „Веселая Канарейка"; у входа надпись: „Студенты - стражники провожают домой, плата по соглашению".

20 января. Понедельник.

В 3 часа совещание четырех организаций об организации власти. Я предлагаю местное правительство по типу Крымского. Все возражают; социалисты заняты экзаменом буржуазии и интересуются лишь нашим ответом на вопрос: диктатура или директория, и В. Руднев, требуя немедленного ответа от С.Г.О.Р. и Национального Центра, угрожает разрывом с ними социалистических групп. А. В. Пешехонов совсем не интересуется вопросом о местной власти — ему нужно теперь же обсудить, как соединить Дон, Кубань, Крым и Юго-Запад России.

Я в отчаянии: да ведь пока Вы будете объединять Дон с Кубанью, да Крым с Кавказом, нас съедят большевики. Тщетно, — реальное отскакивает от них, как пуля от аршинной стальной брони. Спасает сообщение барона о разговоре д'Ансельма с Гришиным по поводу расширения зоны оккупации; Гришин предложил Ансельму свои услуги для организации управления очищаемой от петлюровцев территории — д'Ансельм сказал: сами все сделаем.

Угроза хозяйничанья либо одних французов, либо одного Гришина приводит социалистические группы к сознанию действительности и решаем обсудить в пятницу проекты организации местного управления и Южно-русской власти, которые социалисты обязуются изготовить. Опять Руднев угрожает, что если в полторы недели не закончим работы, никакой дальнейшей совместной работы наших четырех организаций не будет.

Утром Ланжерон просил меня передать председателю Союза Возрождения, чтобы он зашел переговорить с Фредамбэром, ибо этот последний, показав Ланжерону список членов Бюро С.Г.О.Р. сказал: тут не хватает социалистиче-

ских элементов, обещаю поговорить с Мякотиным и Фундаминским; настаиваю на одновременном совещании с Фредамбэром представителей всех прогрессивных партий — намечаем: Мякотина, Фундаминского, меня, Родичева, барона Меллер-Закомельского.

Кн. А. Д. Голицин сообщает о каком-то плане создания украинской власти, зарождающемся среди групп, провозгласивших в свое время Гетмана. Будет нас информировать. А для того, чтобы остановить попытки французов управлять без нас (очевидно, договорились с петлюровцами) прошу Х..., служащего во французской разведке, держать нас в курсе затей французов и сообщить, в чьих руках нити всей французской работы.

Энно в полном загоне; у него в комнатах (рядом с моею)— где прежде толпилась публика — пустыня; никто к нему не ходит, французы его игнорируют.

Пришли греческие войска.

Говорю с Берэнжером, сотрудником агентства „Рейтер", выехавшим из Лондона лишь три недели тому назад — в Англии идея вмешательства в русские дела непопулярна.

Градоначальник Марков (Модль) начал кампанию против картежных клубов — их уж 110 в Одессе. Пильц говорит — Марков честный человек, а потому свихнется в этой борьбе; а вот его помощник — тот уцелеет.

21 января. Вторник.

Утром у Фредамбэра. Французы послали батальон на ст. Раздельную и другой на Колосовку. Во главе управления очищенной территории будет генерал д'Ансельм (читай Фредамбэр). А пока территория еще мала, он будет управлять через генерала Гришина; когда территория расширится, Гришин, как слишком молодой генерал, будет замещен генералом покрупнее, в роде Щербачева. „А намерены ли Вы совещаться с общественными деятелями по поводу вопросов, связанных с оккупацией"? — „Да (показывает данный мной Ланжерону список приглашаемых на совещание лиц), вот, прежде всего надо будет решить аграрный вопрос". И начинает нести какую-то околесицу на аграрные темы. Останавливаю, предлагаю не вносить на совещание никакого проекта с французской стороны, — совещание де само сообразит; но важнее всего на совещании выработать проект обращения к населению от французской армии; при обсуждении его наметится общая программа по всем вопросам, в том числе и по аграрному. Решаем собраться у него завтра.

При мне звонок в телефон. Фредамбэр отвечает: „Вот что! Значит петлюровцы не хотят уйти"? Делаю движение, чтобы удалиться — удерживает меня. Из дальнейшего разго-

вора узнаю: к французскому офицеру на ст. Одесса-Главная явился представитель Петлюры и сообщил, что требования французов неприемлемы. — „Скажите ему, что это неважно, — говорит Фредамбэр, — я ничего подобного не предлагал; пусть придет ко мне в 7 часов“. Обращаясь ко мне: „А я, конечно, в 7 часов дома не буду“.

Это называется „продвижением вперед французских воинских частей“.

Генерал д‘Ансельм уехал в Николаев заменить там греками уходящий на родину немецкий гарнизон. Немцы петлюровцев в город не пустили и поддерживали в городе полный порядок. Умнее всего было бы заплатить им, чтобы они и дальше остались, но говорить с французами о „boches“ еще нельзя.

Барон для составления списка административных лиц для зоны оккупации пригласил гр. Стенбока-Фермора, самого реакционного из российских председателей Губернских Земских Управ (того, что в ноябре 1904 года отказался подписаться под единогласным требованием конституции всех председателей Губернских Земских Управ). Получив этот список Фредамбэр сказал барону: „Я надеюсь, что он составлен по соглашению с левыми“.

Зашел ко мне Фундаминский; я укорял его, что он не поддержал меня вчера в требовании скорейшей выработки проекта организации Южно-русской власти. Говорит, что социалисты требуют прямой постановки вопроса о диктатуре Деникина и наше заявление, что этот вопрос второстепенный, так как он поглощается вопросом об организации власти на Юге-Западе России, который может решиться и вне всякой связи с Деникиным — считают уверткою с нашей стороны. Говорю, что социалистическая позиция — экзамен буржуазии на невыдвигаемые жизнью вопросы, стремление захватить в сферу обсуждения в десять раз больше, чем реально требует жизнь и решать вопросы в масштабе, который может осуществиться лишь через значительный промежуток времени—это все та же непрактичность, непонимание элементарных требований жизни, которое в эпоху Керенского достаточно нас наказало. Соглашается, как всегда, но...

22 января. Среда.

Заходил Фундаминский; Мякотин уехал из Одессы, а без него Фундаминский не пойдет к Фредамбэру, опасаясь нападок партии; поехал по моей просьбе приглашать Пешехонова.

В 12 приходит Родичев; закидывается, не о чем де разговаривать с Фредамбэром, а просто требовать невмешательства французов в дело организации порядка (а для

чего мы звали их сюда?). Потом предлагает мне (барон его поддерживает) пойти сперва без социалистов и высказать буржуазную точку зрения. Отказываюсь — указываю, что французов мы одни мало интересуем, что все свидание потому только и устраивается, что французы хотят выслушать социалистов.

Французы заняли ст. Раздельная без выстрела; о Колосовке нет еще сведений. Предлагаю Фредамбэру следующую тему для общей беседы: нужно теперь уже подготовлять организацию местной администрации до Киева и Харькова включительно, так как занятие этих городов и территорий может произойти быстро и без предупреждения, о декларации по аграрному вопросу нужно немедленно сговориться. Фредамбэр произносит тут же примерную речь, какую он скажет совещанию. Схватил правильно. Фредамбэр хвалит Пильца, я поддерживаю: пока что, надо ему предоставить при продвижении вперед организацию сельской и городской полиции, а до выборов органов сельского и городского самоуправления — и приглашение управ. Сажать сельскую полицию, для авторитетности ее, придется смешанным комиссиям из русских и французов.

Родичев за завтраком читает мне выдержки из письма Н. И. Астрова из Екатеринодара. Астров был в Крыму, старался наладить отношения Крымского правительства к Деникину — ничего не выходит. Кадеты в Крыму в руках социалистов, которые не хотят Деникина. С другой стороны в Екатеринодаре тоже неладно — правительственный аппарат слаб, а настроение в армии реакционное.

Замечаю Родичеву: любопытно, что кадеты, создавшие „Национальный Центр“ с военной диктатурой на знамени, легко забывают об этом, когда власть уже в их руках: С. С. Крым, В. Д. Набоков, М. М. Винавер, Н. И. Богданов и прочие кадеты Крымского правительства ведь и набор сорвали Деникину в Крыму, когда он его назначил без их предварительного согласия. Не есть ли это девиз кадетского „Национального Центра“ — „все через армию“ — лишь кратчайший путь к власти?

Вечером Пильц, Гришин-Алмазов и Энно обсуждали вопрос о своевременности отставки Энно — решили подождать приезда Бертело.

Гр. Ланжерон просит составить краткую характеристику русских политических партий. Он, Ланжерон, временно состоит начальником контр-разведки, а как только приедет заместитель — он будет шефом политического отдела при Фредамбэре. Энно говорил вчера, что для него единственный выход из теперешнего положения — это быть назначенным именно на этот пост. Для того, чтобы устроить это

назначение для Энно, вчера поехал в Букарест живущий в Одессе брат французского министра финансов Клоц. По мнению Энно, про-петлюровская политика Фредамбэра — последствие влияния на Бертело серба Петровича; а кто сей муж — так и не узнал. Не Попович ли, которого я встретил по дороге в Букарест?

23 января. Четверг.

Заезжал к Пильцу; просил распутать дело о газете. Пильц согласен дать еще 300 тысяч. Просит выяснить, как левые смотрят на последнего Херсонского Губернатора при царе — Пищевича, которого хочет теперь назначить на этот же пост.

Было заседание бюро С.Г.О.Р. Предлагаю внести в предстоящее заседание четырех организаций по вопросу о Южно-русской власти — мой проект, доложенный Совету; не соглашаются, будут ждать представления проекта Союзом Возрождения.

Фундаминский просит прибавить к списку лиц, приглашенных к Фредамбэру — Я. Л. Рубинштейна от Земско-Городского Объединения тем более, что он единственный с.-д. в наших совещаниях; Фредамбэр соглашается.

Заходил А. М. Масленников и предложил такой проект организации власти: Деникин назначает и увольняет министров, но кандидатов „подсказывают“ общественные организации. Чего только россияне не придумают!

Все более подтверждаются какие-то соглашения между французами и петлюровцами: Масленников привел адъютанта генерала кн. Долгорукова из Киева, который сообщил со слов полковника Святловского, приехавшего ночью из Киева, что между Раздельной и Дачною на станциях стоят французы вместе с петлюровцами, делающими при французах обыски, отбирающими письма. Доведем до сведения Фредамбэра — вот будет вилять!

В 9 часов промышленники: Бурышкин, Крестовников, Баханов и Оцуп делают предложение передать им издание газеты с тем, что они принимают на себя и пассив. Газета все равно уже загублена, большая сумма уплыла зря. — Соглашаемся.

Зашел А. Пильц; сегодня получена от Деникина телеграмма: так как первого января истек срок гласным, выбранным в Думы и Земства по закону Временного Правительства, то распустить существующие Думы и Земские Собрания, оставив одни лишь управы, которые будут посылать все свои постановления на утверждение губернаторов; в скором времени будет прислан разрабатываемый в Екатеринодаре закон о земских и городских самоуправлениях на принципе

всеобщего избирательного права. Пильц крайне смущен; не знает, что ему делать с телеграммой. И без того все держится на волоске, а тут еще распускать Одесскую Думу, без которой Управа, разумеется, откажется работать. Явная нелепость. И французы тоже неожиданно выкинули колено: сегодня в вечерней газете заметка, что новых периодических изданий нельзя разрешать без согласия французов. В 11 часов вечера Гришин звонит Пильцу, что в связи с этой заметкой д'Ансельм был у Гришина и между прочим сказал ему, что на Юго-Западе Деникин не может осуществлять власти. Пильц опять говорит об отставке; убеждаем остаться.

По словам Демченко хлеборобы, готовящие coup d'Etat по типу Гетманского, сговариваются с французами. Почва благоприятная — французы бродят как впотьмах между Добрармией, петлюровцами, хлеборобами, олицетворяющими для них пейзан, и нашими организациями, против которых их возбуждает и Добрармия, и петлюровцы. А Екатеринодар делает все, чтобы убедить и глухих и слепых в своей административной бездарности.

24 января. Пятница.

Утром зашел Е. П. Ковалевский; подтверждает, что хлеборобы всерьез замышляют нового гетмана; собираются завтра выбрать представителей по губерниям — для чего, не знает, или не хочет сказать; французы дали, якобы, полное согласие под условием, чтобы переворот был одобрен церковью, академической группой, торговопромышленниками, чтобы государственным языком оставался русский язык. С другой стороны полковник М. И. Новиков сообщил, что набирают офицеров в Гетманский полк; в гетманы прочат не то Сагайдачного, не то Кочубея.

У французов неблагополучно; на „Мирабо" был митинг матросов о невмешательстве в русские дела.

Городские служащие и рабочие объявляют забастовки не то протеста против убийства в Берлине Карла Либкнехта и Розы Люксембург, не то на экономической почве: требуют 15% прибавки. Брайкевич в ответ им угрожает отставкой всей управы и отказом от работы Городской Думы.

На совещании четырех организаций. Уныние среди социалистов. Я. Л. Рубинштейн говорит нам: „удалите из своей среды земельных собственников, на что они вам, ведь вы и без них скоро будете хозяевами положения". Что это — намек на Гетманский переворот? П. П. Юренев, председатель здешней группы „Национального Центра", долженствующего выяснить свою позицию в вопросе о диктатуре, заболел; от его имени П. А. Бурышкин просит отложить

заседание. Да и заседать не стоит; все трещит по всем швам, только решительные действия решительного человека могли бы отвратить катастрофу, а у нас: охолощенная власть Гришина и Пильца, не смеющих ничего предпринять без разрешения из Екатеринодара, злополучная фикция — Деникин со своим советом и социалистические лидеры, занятые неотложно-очередными мыслями о способе объединения в неведомое время и в неведомом месте Дона с Кубанью, Крыма с Кавказом и всех вместе с Одессой. Есть еще бог у большевиков!

Докладывают бюро С.Г.О.Р. написанную мною для французов краткую характеристику русских политических партий. Родичев просит прибавить к моей характеристике кадет, как партии конституционно-монархической, следующее: „...которая однако допускает демократическую республику“. Сам он очень хотел бы для России республики. Далее он и В. А. Бобринский протестуют против отнесения мною Пуришкевича к группе черной сотни с Марковым II. „Пуришкевич многому научился во время войны и вел себя не так, как Марков“, — объясняет свой протест Родичев.

25 января. Суббота.

В $2^1/_2$ часа беседа у Фредамбэра; барон Меллер-Закомельский, Ф. И. Родичев, В. А. Мякотин, И. И. Фундаминский, Я. Л. Рубинштейн и я. Фредамбэр говорит вступительное слово о невмешательстве французов во внутренние дела (путает, тянет). Инициативу в дальнейшей беседе берет на себя Рубинштейн и на хорошем французском языке (жил эмигрантом в Париже, где учился на юридическом факультете) начинает буквально допрашивать Фредамбэра. Родичев плохо слышит, держит руку резонатором у уха, Мякотин не знает французского языка, Фундаминский и я от времени до времени вмешиваемся в беседу и вставляем замечания. Рубинштейн говорит: необходима декларация союзников о неподдержке реакции, нужно успокоить крестьян заявлением, что не будет карательных отрядов.

Фредамбэр: Мы сделаем лучше, мы объявим, что в политику совсем не вмешиваемся.

Табло.

Фредамбэр: И о каких карательных экспедициях в деревнях вы говорите. Французам, разумеется, и в голову не придет карать за что бы то ни было крестьян.

Я объясняю, что речь идет о том, закрепить ли за крестьянами на праве собственности то, что они награбили, или отобрать награбленное.

Фредамбэр: Никогда мы не будем санкционировать грабежа. Это все ерунда, а вот неотложная задача: дайте мне

не позже завтрашнего дня списки сельских старост на весь Юг до Киева и Харькова.

Опять табло.

Р у б и н ш т е й н: Мы в ближайшие две-три недели сговоримся с Николаевым и Херсоном о городовом положении для всех городов Юга России.

Ф р е д а м б э р: Две — три недели! Ждать нельзя, время военное; а что это будет за городовое положение? Кто издал этот закон?

Р у б и н ш т е й н: Временное Правительство.

Ф р е д а м б э р: То, которого уже нет? Почему вы так дорожите этим законом?

Я: Мои коллеги не очень им дорожат, так как считают нужным изменить возраст избирателей, установить обязательное проживание в месте выборов в течение нескольких месяцев, устранить от участия в выборах солдат (о необходимости этих изменений в законе Временного Правительства мы условились с социалистическими группами в совещании четырех организаций, о чем я и предупредил Фредамбэра, относившегося с понятным недоумением к 18-летним избирателям, к праву выборов за случайным элементом, за казармами и т. д.).

Р у б и н ш т е й н (неожиданно): Да эти незначительные и маловажные изменения мы бы сделали, но кто уполномочен изменить закон?

Ф р е д а м б э р (с негодованием): Как незначительные изменения? По вашему, право голосовать, предоставленное малограмотным мальчишкам, бродягам, случайным прохожим — это мелочи? И вы, революционеры, не можете, когда революция еще продолжается, посягнуть на закон, изданный несуществующим правительством, раз вы его считаете вредным. Я не понимаю таких революционеров; скажите прямо, что этот закон вам выгоден.

Р у б и н ш т е й н: Он не страшен и для буржуазии. Вот в Евпатории переизбрали недавно Думу по этому закону — прошло 90% буржуазии.

Ф р е д а м б э р: Эти эксперименты недопустимы в полосе военных действий; но даже и вне ее — если сельская или городская коммуна неблагонадежна, то надо назначить над ней куратора.

Я обращаюсь по-русски с упреком к социалистам; говорю, что французы пришли в Одессу по нашему требованию (ведь Фундаминский был с нами в Яссах и подписывался под нашими требованиями помощи союзников); пришли сюда умирать за освобождение нашей родины; как же мы можем требовать от них серьезного к нам отношения, когда мы им подносим с серьезным видом незрелые плоды рево-

люционного угара, которые мы сами давно уж признали нужным выбросить в мусор истории. — Молчание.

Рубинштейн излагает проект совещания городов и земств Юга России о создании временной власти: созыв Государственного Совещания, избирающего Директорию из 3 лиц.

Фредамбэр: Значит будет так: безответственное собрание людей выбирает неответственных министров.

Фундаминский: Деникину надо собрать армию путем набора на местах. Демократия, без помощи которой Деникину никогда не удастся собрать армии, требует, чтобы гражданская власть была в руках лиц, избираемых при ее, демократии, участии.

Фредамбэр: Это ваше личное мнение?

Фундаминский: Нет, это мнение Союза Возрождения, объединяющего правых социалистов и лучших из к.-д., как, например, Астров.

Родичев и Мякотин молчат.

Беседа заканчивается, я ухожу последним, Фредамбэр говорит: „Je n'ai pas fait de gaffes?"

По словам Демченко, сегодня собирались представители 8-ми губерний, по три от каждой; выработали план объединения мелких хлеборобов в союз. С другой стороны, епископ Платон берется объединить городских мещан, чтобы их противопоставить социалистам из рабочей среды; из этих двух групп, при поддержке французов проектируется создание новой Гетманщины.

Заходил гр. А. С. Игнатьев; просит помочь прогнать Логвинского из контр-разведки; ведь, от отзыва этого субъекта зависят все назначения офицеров на ответственные посты. Говорю, что генерал Гришин-Алмазов предупрежден, но он не хочет расстаться с этой мразью.

ГЛАВА II.

ПОД ЗНАКОМ „ПРИНЦЕВЫХ ОСТРОВОВ“.

Первые вести о Принцевых Островах.—Делегация кубанцев.—Приказ Деникина о роспуске городских Дум и Земских Собраний. Среди промышленников.—Попытка украинцев сговориться с французами.—Опять Национальный Центр.—Митинг Радикальной Партии.—Доклад Андро.—Положительное отношение четырех организаций к Принцевым Островам.—Сообщения А. И. Пильца.

26 января. Воскресенье.

Утром заходил А. Пильц; очередная отставка, больше не может: д'Ансельм, повидимому, по настоянию украинцев, окончательно знать не хочет Деникина. Пильц опасается бесславной отставки. Барон его удерживает.

Гр. В. А. Бобринский сообщает новость: союзники зовут на „Принцевы Острова“ представителей всех партий для совещания о России; одновременно предлагают приостановку военных действий на фронтах гражданской войны. Гр. Бобринский проклинает союзников, но заявляет, что поедет во что бы то ни стало. Сведения о Принцевых Островах крайне сбивчивы: кто приглашает, кого приглашают—неизвестно. Иду за справками к Фредамбэру и заодно интервьюирую его по всем очередным вопросам. Ответы отчетливы: 1. О Принцевых Островах—„утка“. 2. О земствах в черте оккупации—„кураторы с согласия крестьян“ (?). 3. О реставрации Гетмана Скоропадского—„засажу в кутузку“. 4. О хлеборобах и мещанах, создающих новую власть — „стоит подумать“.

Выхожу в hall гостиницы—какая-то публика на чемоданах, в ожидании номера; среди них — старый знакомый по первому процессу Совета Рабочих Депутатов - С. Он выехал с Кубанской миссией; едут в Париж. Воспользовался случаем порасспросить о Кубанских делах, об отношении Кубани к Деникину.

Главные пункты разногласия между Радою и Добрармией.

1. Добрармия за диктатуру — Рада против нее; власть на Юго-Востоке России должна быть образована путем созыва представителей Грузии, Кубани, Дона и Крыма.

2. Лозунги Рады—земля народу и Учредительное Собрание. Добрармия — против.

Основное фактическое расхождение с Добрармией — на почве постоянных ее поползновений расшириться на Кубани, как в завоеванной стране, забывая, что четыре пятых армии, очистившей Кубань от большевиков, состояло из кубанцев.

Депутация, что сейчас приезжала в Одессу, состоит из делегатов Чрезвычайной Рады, Законодательной Рады и атамана. Едут в Париж для информирования и отстаивания республики и федерации.

27 января. Понедельник.

Д. Г. Балаховский видел датского курьера, привезшего вещи Н. С. Брасовой из Петрограда; у него будто бы письмо и кольцо Михаила Александровича.

Начальником политического отдела при генерале Гришине-Алмазове В. Шульгиным пристроен депутат-националист и антисемит Савенко. И это в городе с несколькими стами тысяч евреев!

Утром заседание С. Г. О. Р.—П. П. Менделеев от имени земской группы предлагает образование Комитета для сношений с французскими и русскими военными властями под председательством барона. Выбирают кн. Н. Б. Щербатова, кн. А. Д. Голицына, кн. М. А. Куракина и меня. Истинно демократический комитет с бароном во главе.

В 3 часа совещание четырех организаций.

Брайкевич требует решительного протеста против приказа Деникина о роспуске дум и земских собраний. Начинается полный кавардак. „Национальный Центр" в лице к.-д. Юренева и Родичева просит ничего не предпринимать, дабы не подорвать авторитета Деникина и престиж Добрармии; Мякотин и Рубинштейн негодуют; если и по такому вопросу нельзя принять единогласного решения, то незачем огород городить. Решаем рассмотреть вопрос в каждой организации отдельно и сойтись опять через четыре дня.

Вечером Пильц рассказывает о тяжелых условиях работы. Население не верит власти; все истолковывается против нее. Ночью находят на окраинах города трупы — это убитые полицией налетчики, а в населении говорят о политических расстрелах без суда. Я говорю—но ведь все знают, что конвой охотно стреляет в „пытающихся" бежать — это ведь условная форма бессудного расстрела; почему не устанавливают хотя бы военно-полевых судов? Оказывается до сих пор не могут добиться утверждения Екатеринодаром уже более 2 недель назад посланных туда списков судей, а 19 налетчиков уже давно ждут суда. Фредамбэр хвастал

ему, Пильцу, что он высмеял социалистов на нашем совещании. Я просил у Пильца денег на осуществление проекта Х...—об информации Парижа о том, что делается на Юге (сейчас никакой информации нет);—дело крайне важное, но дать нам денег сейчас после провала нашей газеты Пильцу трудно.

Зашевелились промышленники—хотят попасть заграницу, а как визы достать—не знают; пустили в ход легенду, что Сазонов просил прислать в Париж на помощь ему как можно больше промышленников; особенно Д. В. Сироткин ему де нужен. Наметили кому ехать: П. П. Рябушинскому, Н. Ф. фон-Дитмару, Д. В. Сироткину, Н. Д. Морозову. Суета отчаянная, всякий хочет попасть в список с семьею, знакомыми—а ведь все это ерунда. Меня поражает до какой степени торгово-промышленная группа, вошедшая в состав С. Г. О. Р. в числе других 9 групп, неорганизована и недисциплинирована. Чуть ли не каждые две недели группа переизбирает своих представителей в С. Г. О. Р. и свое бюро. Среди промышленников тут один только человек с большим политическим кругозором, с темпераментом, волей и умом, несомненно занимавший бы и на Западе крупное положение в любом правительстве—П. П. Рябушинский.

К нам в С. Г. О. Р. предлагают С. М. Гутника б. гетманского министра. По словам М. В. Брайкевича, Гутник был предложен в правительство гетмана немцами. Гутник показывал письмо за подписью двух немцев кадетам, спрашивая их благословения на вступление в правительство... Собственно, немцы наметили своего человека—некоего Доброго, но Добрый волею Директории сидел в кутузке, как искупительная жертва за братьев своих по профессии; назначили его ближайшего сотрудника—Гутника.

28 января. Вторник.

Был вчера в Доме артистов; герой Дома—офицерик Л. из контр-разведки; он протанцовал танго с молодой актрисою—оркестр сдуру дернул марсельезу. А тут еще появился в ложе Энно—публика устроила овацию французам.

Барон был с Родичевым у Фредамбэра; этот последний предложил им обдумать, приемлема ли Директория, опирающаяся на польские и галицийские войска и лишь номинально признающая Деникина? Не новая ли комбинация украинских агентов, начавших здесь работать: Остапенко, петлюровского министра торговли и А. Д. Марголина—тов. министра иностранных дел. Отрицает митинги во французской армии, но признает, что агитаторов поймали уже много.

Сегодня у епископа Платона была депутация человек в 30—40; решили, в виду полной непригодности доброволь-

ческого метода управления краем по телеграфу, отправить к Деникину Е. П. Ковалевского и кн. Б. Н. Щербатова убеждать Деникина согласиться на децентрализацию. Потерянное время.

Гришин-Алмазов согласился с Брайкевичем о необходимости настаивать перед Деникиным на неприменении к Одессе приказа о роспуске думы; просит С. Г. О. Р. поддержать его.

Бюро С. Г. О. Р. сегодня решило поддержать требование социалистических групп о замене диктатуры Директорией, то-есть единоличной диктатуры триипостасной; даже В. А. Бобринский не возражал—наглядный урок добровольческой диктатуры вербует адептов Директории там, где социалистам и не снилось найти их.

На совещании у Гришина-Алмазова В. В. Шульгин предложил просить Деникина распространить на всю оккупированную территорию деятельность восьми гражданских отделов при Пильце. Любопытно, что Шульгин до сих пор не может понять, что французы, очищая территорию от петлюровцев при содействии греков и поляков, а не добровольцев, меньше всего способны интересоваться распространением на эти территории власти представителей фикции.

29 января. Среда.

Гр. Ланжерон едет по поручению французов с Остапенко в Киев посмотреть, что там делается. Лучшего эксперта украинцы не могли и найти!

Мадам Энно в отчаянии; мужу ее больше нечего делать; ориентации на „Великую Россию" проваливаются у французов.

В 4 часа заседание местной группы радикалов; из приезжих — А. М. Масленников, И. В. Титов, Д. Г. Балаховский, Е. М. Кулишер и я. Решаем устроить митинг для объединения местных республиканцев-федералистов.

В 6 часов у меня А. Д. Марголин. Упрекаю его, всегда боровшегося за обще-русское дело, в том, что примкнул к самостийному течению. Объясняет, что, как еврей-территориалист, следовательно националист, он не может не сочувствовать националистическим стремлениям украинцев. Имеет письмо от генерала Грекова к Энно и Фредамбэру, но пока еще не был принят. Украинцы предложили французам союз. (А ведь Энно два месяца тому назад именем союзников объявил „банды Петлюры и Винниченко" большевиками). Готовы на составление министерства пополам с великороссами, но с условием отстранить всякое участие Добрармии. Я сказал ему, что предложение его нереально, так как у Грекова никакой армии нет.

30 января. Четверг.

Собрание пленума С.Г.О.Р. (тридцать человек). Постановили требовать от Гришина-Алмазова денег на широкую постановку дела борьбы с большевизмом путем печати, устройства собраний и т. д. (Шульгин присвоил себе эти функции, но ничего не может сделать — нет ни сотрудников, ни опыта, ни времени), требовать от Гришина удаления собравшихся вокруг него грязных элементов (начиная с Логвинского), согласиться с социалистическими группами на директорию (замечание В. А. Бобринского — „это ведь не Директория, а консулат — право высшего командования будет принадлежать одному Деникину“).

На „Мирабо“ все еще неблагополучно. Приходится отправить его в Мальту. У Пильца был Карл Ярошинский и убеждал его итти с петлюровцами.

31 января. Пятница.

В 3 часа объединенное заседание четырех организаций. Я. Л. Рубинштейн всегда спокойный, дельный и разумный, на этот раз чуть было не срывает переговоров из-за нашего отказа заняться одесскими делами — Городскою Думою, рабочими организациями и т. д. Наше согласие на Директорию производят меньшее впечатление, чем мы ожидали — как будто бы жалеют, что мы согласились и, таким образом, вынуждаем перейти от теоретических пререканий к реальной деятельности. „Национальный Центр“ отказывается дать ответ, за или против Директории, — должен получить указание из Екатеринодара, где заседают руководители Центра. И на этот раз кадеты срывают соглашение, которое могло бы содействовать укреплению хотя бы на Юго-Западе какой-нибудь реальной силы для борьбы с большевиками.

Утром собирались опять хлеборобы — организуются: кто-нибудь да использует их.

Киев все еще держится против большевиков. Барон, как и большинство, охладел к Деникину и добровольцам; если Ланжерон привезет хорошие сведения о силах Петлюры, — пойдем с ним.

1 февраля. Суббота.

В 5 часов у Фредамбэра. Застал там инженера Рутенберга (с.-р., организовавший убийство Гапона); познакомили его с ожидавшим там же приема генералом Раухом; оказалось — оба сидели на Гороховой. С Фредамбэром беседовали: барон, Родичев, Д. Н. Григорович-Барский и я. Говорили о притязаниях петлюровцев, о позиции французов по этому вопросу, о возможности совместной с петлюровцами

работы. Фредамбэр заявил: „формулу петлюровцев — через самостийность к федерации понимаю так: самостийность развивает национальные чувства, укрепляет самосознание, столь необходимое для поддержания равновесия в федерации. Но не в этом дело; надо спасать Киев от большевиков, если войска Петлюры могут это сделать — я им помогу. Имей я две дивизии, я бы обошелся без петлюровцев, но у меня их нет; да и будут ли они когда-нибудь? Я не боюсь претензий Петлюры, я ему поставлю такой ультиматум: я помогу украинцам, но за это они обязываются подчиниться мне безусловно". — Григорович-Барский не говорит по-французски; Родичев плохо слышит, барон, как всегда, молчит, приходится говорить мне. Говорю, что у Петлюры войска нет, что по словам генерала Грекова в рядах его армии 80% большевиков, что украинцы и галичане, когда дойдет до серьезного столкновения, предоставят драться с большевиками самим французам, что формула „через самостийность к федерации" даст, при содействии французов, только самостийность без всякой федерации. Фредамбэр слушает из любезности, понимает, что и я говорю без убеждения: ведь из ежедневных бесед с французами я знаю, что их задача — помочь нам в борьбе с большевиками, не жертвуя ни одним французским солдатом; а так как победить большевиков без жертв нельзя, то жертв надо где-нибудь искать; добровольческой армии в Одессе нет, если не считать нескольких сотен недисциплинированных офицеров, проклинающих свою судьбу; значит, надо брать нечто более реальное — силы Петлюры, если такие имеются. Знаю это настолько хорошо, что объяви Петлюра только федерацию без самостийности — мы все, кроме к.-д. из „Национального Центра" и Шульгина содействовали бы выработке modus'а работы с ним.

2 февраля. Воскресенье.

В 3 часа митинг радикальной партии. Председательствует Ю. Н. Глебов (б. петроградский городской голова). Народу очень много, слушают внимательно, встречают тепло. Большой и заслуженный успех имеет А. М. Масленников.

Из Екатеринодара приехал контр-адмирал Герасимов; говорит, что в ставке вся надежда на Колчака и англичан; на себя мало надеются.

А. М. Масленников вечером рассказывал, что на-днях в компании монархистов, где обсуждали кандидатов на престол, Михаила Александровича провалили из-за морганатического брака; Дмитрия Павловича из-за личных качеств и образа жизни, остановились на Николае Михайловиче (историке).

А, республиканец наш Масленников заглядывает к монархистам!

Заходил кн. Н. Б. Щербатов, говорит, что Савенко и Шульгин смещены Деникиным с политико-полицейских должностей. Наконец-то Екатеринодар начинает проявлять организаторский такт.

Пильц сообщает, что сюда едет из Екатеринодара генерал-лейтенант Санников с широкими полномочиями от Деникина. Выбор пал на Санникова в виду того, что его знают в Одессе — он был городским головою в 1917 году и, кажется, к нему хорошо здесь относились.

Пильц просит дать ему командировку от С. Г. О. Р. или Ясского Совещания за-границу. Гришину-Алмазову генерал д'Ансельм пишет в письме: „j'ordonne“ (я приказываю). Как он будет писать Санникову?

3 февраля. Понедельник.

Наша комиссия сношений обедала с Фредамбэром. Фредамбэр забавно болтал, ругал Энно, которого уже окончательно выжил. Энно уезжает в Париж якобы из-за смерти отца, жаловался на медленную присылку правительством войск — в феврале начнут приходить дивизии (?) из Франции. У Петлюры двадцать одна тысяча хорошего галицийского войска. Отказывается принять помощь немцев колонистов для ускорения железнодорожного движения между Елисаветградом и Одессой. Я протестую против отказа, говорю, что это единственная дисциплированная, надежная сила, что их можно набрать в больших колониях в окрестностях Одессы тысяч 10—15, что они могут дать и хорошую конницу, имея прекрасных лошадей. Полковник упрямо твердил: „боши — Ваши худшие враги“. Наши из любезности поддакивали. Хоть брось все?

Сегодня электричества в городе нет — последний уголь израсходован.

Гришин-Алмазов из-за приезда генерала Санникова уходит в отставку. Смена лиц, борьба честолюбий — на пустом месте.

4 февраля. Вторник.

Союз Возрождения прислал нам проект организации Государственного Совещания; серьезное количество мест дается с.-д., с.-р., н.-с. и к.-д.; всем другим — почти ничего, значит, опять те же политические группы, что так „удачно“ строили власть при Керенском; земству и городам в его деловых элементах, имеющих за собой многие десятилетия созидания либеральных земств и городов, торгово-промышленному классу, без которого, как бы он ни был теперь государ-

ственно-ничтожен, нельзя строить России (Минина забыли), академии, церквам, армии—почти ни одного голоса не дано. И ведь так еще долго будет.

В бюро С.Г.О.Р. доклад некоего Андро (б. депутат 1-ой Думы, б. Волынский Губ. Староста) об его беседах с генералом Бертело в Букаресте. Андро попал туда, отступая от большевиков; он собрал крестьянскую дружину (он — б. офицер атаманских казаков) и с нею пробрался по железной дороге почти до Киева. Бертело обещал прислать войска к весне. Пробовали создать французские вольные дружины; офицеры записываются, солдаты — нет, придется послать два последних возраста, а это встречает серьезные препятствия в Париже. Надо, поэтому, действовать крайне осторожно, малейшая неудача, малейшие потери — вызовут бурю негодования в Париже, и войска будут отозваны. Бертело готов сговориться с петлюровцами об использовании их силы, хотя хотел бы не затрагивать вопросов общей политики.

По сведениям кн. Щербатова англичане недовольны бездействием французов и будут требовать активных операций. А сами то...

Давали обед французским офицерам. Со мной рядом сидит начальник контр-разведки, комендант Порталь; жалуется, что уже два года без отпуска живет на Востоке, хотел бы поскорее вернуться во Францию. Ничего не разбирает в русской политике (если бы мы сами разобрались?). Раньше весны не будет новых французских сил. Если петлюровцы уйдут в Галицию — за Одессу нельзя поручиться, большевики пойдут из Киева на нее. Идут на-днях с поляками на Тирасполь, чрез Раздельную, займут эту линию. Полковник Фредамбэр поехал в Винницу, где сейчас находится и Директория; Ланжерон там же. За четыре дня, что Порталь здесь, ему не могли еще устроить комнаты и он ночует у знакомых офицеров.

Заведующий морскою контр-разведкой лейтенант дела-Карсалад подтвердил, что пришло радио из Парижа о „Принцевых Островах“; точного содержания его не знает.

5 февраля. Среда.

Составляем в бюро С.Г.О.Р. телеграмму Маклакову о „Принцевых островах“; просим подробностей, сообщаем, что идея встречает сочувствие и в буржуазных и в социалистических кругах, просим принять меры, чтобы там были представлены все течения политической мысли, представленные и в С.Г.О.Р.

В 3 часа заседание четырех организаций. Все вопросы отодвинуты на второй план предполагаемой конференцией на „Принцевых островах“. Никто не знает кто приглашается, кто приглашает, но все боятся, что та или иная группа не попадет; социалисты боятся, что много будет буржуа, буржуа — что много социалистов. Ясно одно, что мысль инициаторов конференции правильна и надо пред всей Европой высказаться ясно (ведь вся мировая пресса будет на состязании), что думают две России — про - и контр-большевистская; эти открытые прения сбросят с большевизма то очарование таинственности, которое является главной причиной его успеха на Западе — ведь сейчас многие благородные мечтатели за большевиков, вкладывая в их галиматью содержание своего ума и своей души.

В Бессарабии беспорядки — частью большевистского, частью антирумынского характера. Говорят, что отряд французов, человек в 40, посланный в Тирасполь против большевиков, бросил ружья и бежал. Конец французскому престижу (их считали непобедимыми после поражения немцев), конец защите Одессы!

Был вечером в Биржевом зале на празднике москвичей. Вяло, скучно, холодно. Хор московских студентов пел, разумеется, „Гаудеамус“, при чем втащили на эстраду М. В. Челнокова, как символ Москвы.

6 февраля. Четверг.

Фредамбэр вернулся из Бирзулы (до Винницы не удалось доехать). Бывший с ним Виллем — француз, родившийся и воспитавшийся в России, говорит мне: „Пусть нам верит русское общество, мы работаем для России — ошибки ведь неизбежны“. Я замечаю, что французам все же не верят и вновь начинает становиться популярной немецкая ориентация. Тот же Виллем сказал Куракину: „Когда петлюровцы говорят нам о самостийности, мы отвечаем „никогда“; когда о федерации — „нет“, об автономии — „посмотрим“.

По словам французов, большевики нанесли им серьезный урон под Тирасполем — бегство солдат отрицают. Сегодня пошли туда танки, французский и польский отряды. Говорят, что у большевиков до 3-х полков. Конечно, ерунда — у страха глаза велики; сунулись без серьезной разведки, убежденные не без нашего воздействия, что с „бандами“ справятся, как захотят, и попались.

Комендант Порталь пришел просить устроить ему комнату в Лондонской гостинице; пошли к заведующему ею полковнику Писареву; показал в списке, что две комнаты — под кокотками, по особой рекомендации Ланжерона; при

всей своей галантности Порталь возмутился и приказал очистить ему одну из них.

7 февраля. Пятница.

Завтракал с Виллемом. Прислан сюда, как уроженец Юга (Подолии) генералом Бертело, чтобы осведомлять его, помимо штаба д'Ансельма, о положении вещей на Юге, (очевидно, Бертело запутался во взаимноуничтожающих сообщениях Энно и Фредамбэра). Толковый молодой человек. Под Тирасполем убит один француз и ранено 6. Думали, что большевиков 400 человек, оказалось — 1500. Сейчас вокзал уже занят французами и поляками. Бертело приедет во вторник. Очень сожалеет, что Энно уезжает, надеется еще сохранить его.

В 2 часа совещание земской и городской группы С.Г.О.Р. Решаем выбрать по три человека от каждой группы на „Принцевы острова“ и войти в соглашение с 6 лицами, выбранными Симферопольским Совещанием, которое склонно считать себя единственным органом, уполномоченным представлять земства и города Юга России, а то и всей России.

Обедаю с А. Д. Марголиным; чувствую, что наша ориентация должна будет итти на петлюровцев. Он сообщил, что французы подписали в Бирзуле соглашение с петлюровцами о вводе сечевиков в Одессу (так ли?). Читает договор, подписанный в Одессе представителями Кубани, Дона, Белоруссии и Украины об экономическом единении; требуют возврата Одессы, Херсона и Николаева украинцам. На мое замечание, что требование украинцами самостийности есть требование небольшой группы интеллигенции, серьезного ответа не получил. Я указывал, что прожил свою юность на Юге, окончил гимназию и университет в Одессе, которую украинцы считают своею, и никогда не слыхал здесь об Украине (знал только Малороссию, которую люблю и к которой и сейчас отношусь, как к родной). Говорил, также, что никогда не видел и тайной литературы об Украине, в то время, как у всех нас, гимназистов и студентов, постоянно были на руках брошюры с.-д. и с.-р., гораздо более рискованного содержания, чем украинский вопрос, что, следовательно, нельзя объяснить отсутствие этой украинской тайной литературы правительственным гонением на Малороссию. Даже самый язык, которым теперь стараются говорить на Украине — галицийский, а движение украинское поднято и поддерживается немцами и т. д. И на это все удовлетворительного ответа от Марголина не получилось.

Вечером кн. Щербатов сообщил, что французские солдаты не хотели итти на помощь своим в Тирасполь; им

в Салониках, когда посылали в Одессу, сказали, что они будут распределаны по городам в казармах и никаких походов делать не будут.

Греческая дивизия, шедшая в Одессу, застряла в Константинополе, где были беспорядки, и турки потрепали французов и англичан.

Генерал Санников сидит в Севастополе из-за отсутствия угля для парохода. В городе — второй день темнота — по той же причине. А в Мариуполе есть уголь, но его распределение, так же как и весь коммерческий флот, на руках Екатеринодара.

Пришло радио, будто Питер взят англичанами. Вспоминаю земского сторожа в „Трех сестрах“ на докладе у председателя земской управы Андрея: „А говорят, что через Москву веревку протянули“.

8 февраля. Суббота.

Заседание бюро С.Г.О.Р. Ассигновали кн. Щербатову и присяжному поверенному Капацинскому 30.000 рублей на осведомительную работу; источники сведений у них тех же, что у французов и Гришина-Алмазова, но получать будем раньше их.

В 3 часа заседание объединенных организаций. Опять председательствую. Все организации отвергли проект земского и городского Объединения о признании за Симферопольским Совещанием права на посылку делегатов на „Принцевы острова“.

Французы запретили „Россию“ Шульгина на 7 дней, приказ подписан комендантом Порталем; кто свинью подложил?

Граф Игнатьев сообщил, что французские солдаты вчера разбили погреб, перепились и кричали: „да здравствуют большевики“. Пошли слухи, что сто французских офицеров и солдат арестовано — ерунда, конечно.

Город глухо волнуется; помощи ниоткуда, верить некому.

Приехал генерал Санников.

Вечером барон, Менделеев, Масленников, Лурье и я обсуждаем кандидатуры на „Принцевы острова“. Лурье заявил, что торгово-промышленники требуют специально для своей группы одно из 3-х мест, на которые может рассчитывать С.Г.О.Р. (да может ли он вообще на что-либо рассчитывать, ведь это не партия?) и что на это место намечен он, Лурье. Намечаем пока заместителей — Менделеева, Масленникова и Нарожницкого.

В 11½ часов пришел кн. Щербатов и сообщил сводку разведки. Настроение у французских солдат определенно

пассивное и только в Тирасполе, где расстреляно 89 большевиков, воинственно настроены. Англичане, стоящие на судах недалеко от Маяков, отказались во время боя с петлюровцами от вмешательства и даже разрешили петлюровцам поставить подле английской канонерки пушку против добровольцев. Точное разграничение зон влияния.

Петлюровцы разбегаются из Винницы; солдаты бегут, офицеров арестовывают большевики.

9 февраля. Воскресенье.

Приехал из Тирасполя Я. Исаков (женат на дочери барона); он шел туда при французских танках. Настроение французских солдат и офицеров было хорошее. Французы не пострадали совсем; поляки потеряли четырех убитыми (один офицер и три солдата) и семь ранеными. Обхват большевиков не удался, так как тот французский полк, который должен был итти из Румынии, во время не подошел (задержала телеграфная переписка с Бертело).

В 3 часа — доклад В. Н. Литвинова-Фалинского о топливе в Одессе. Паровозы не идут, электричество не действует, пароходы не ходят. Правда, грузины прислали нефть из Батума, но требуют за нее хлеба, — а хлеба у нас нет. Французы объявили, что на Черном море устраивается отдел международной комиссии Гувера по прокормлению Европы, — вот когда эта комиссия будет функционировать, тогда авось получим и хлеб для обмена на топливо. Утешили.

Говорил вечером с Виллемом, сказал ему, что кончится тем, что русские организации поставят Бертело ультиматум: либо помогать нам, либо увести войска. Виллем нас понимает, рекомендует терпение: войска придут в марте.

Вечером совещание по поводу полученного А. Пильцем приглашения от Деникинского министра внутренних дел Чебышева занять должность товарища министра внутренних дел. Пильц думает, что быть помощником человека, который неосведомлен в делах управления (Чебышев — судья), и не иметь при этом права на участие в Совете Министров — не стоит. Соглашаемся с этими доводами. Пильц сообщает, что генерал Санников, приехавший ночью, провел более трех часов у генерала д'Ансельма, который советовал ему сохранить Гришина-Алмазова. Санников был с визитом у Гришина-Алмазова и Энно (оба недавно жаловались Деникину на Санникова, бывшего в Одессе недели три назад и не посетившего их); два месяца работы Пильца в Одессе дали нулевые результаты: Екатеринодар все мертвит. Пильц думает, что мы зря связали себя, приняв в Яссах решение поддержать Добровольческую Армию; Гришин скверно

окружен и боится прогнать Логвинского, опасаясь его мести; Логвинский сидит в паспортном отделе, и французы без него не разрешают виз; вокруг виз началась бешенная спекуляция, в которой участвуют и французы и русские. А. С. Хрипунов рассказывает со слов приехавшего сегодня из Екатеринослава кн. Е. Н. Трубецкого, что ехал он из Новороссийска 8 дней, — угля не было; по выезде из Новороссийска вернулись через несколько часов обратно, так как уголь был отвратительного качества; Санников в Севастополе реквизировал брикеты, предназначенные для железной дороги, иначе пароход не мог отойти. О Деникине Трубецкой говорил с почтением, но прибавлял, что лучше ему в Одессу не приезжать, так как он выигрывает, оставаясь Prinsesse lointaine. Проведя в продолжение пути в Одессу 8 дней на пароходе с Санниковым, Трубецкой ни разу с ним не говорил и даже не познакомился. (А ему нами дана была инструкция установить прочную связь с Добрармией). Другой наш делегат С. Н. Маслов остался в Екатеринодаре министром продовольствия и телеграммою вызывает к себе помощником Ф. Д. Свербеева.

ГЛАВА III.

ДЕЛЕГАЦИЯ С.Г.О.Р. В ЕКАТЕРИНОДАРЕ.

Доклад кн. Е. Н. Трубецкого. — Встреча с С. С. Крымом. — Вопрос об организации власти на Юго-Западе. — Телеграмма В. Я. Демченко. — Характеристика ген. Деникина. — Первые впечатления в Екатеринодаре. — С.Г.О.Р. — Роль ка-дэ в Совещании при ген. Деникине. — Кое-что о Троцком. — Центральный Военно-Промышленный Комитет.

10 февраля. Понедельник.

Фредамбэр сообщил Пильцу, что французы решили ликвидировать Директорию Винниченко-Петлюры; вместо них будут руководители украинских хлеборобов и генерал Греков; если эта комбинация не пройдет, то предполагается национальное представительство из всех населяющих народностей в виде органа управления при французском командовании, как это сделали англичане в Батуме.

В бюро С.Г.О.Р. кн. Е. Н. Трубецкой делает доклад о своей поездке к Деникину по нашему поручению. На Кавказе большевики прикончены — 31 тысяча человек взята в плен с 95 орудиями и 7 бронированными поездами. Трубецкой не телеграфировал нам ни разу, так как первое впечатление из беседы с Деникиным было столь неблагоприятным, что он с Масловым решили подождать пока рассеются все недоразумения, кроме того и прямой провод не действовал. По пути в Новороссийск, в Феодосии, наши делегаты встретили главу крымского правительства С. С. Крыма, который жаловался на недоразумения между добровольцами и Крымским правительством. Добровольцы утверждают, что Крымское правительство выпускает большевиков, арестованных добровольцами, что оно не желает вводить военного положения. Все это не верно. Крымское правительство готово ввести военное положение, нужное для активной борьбы с растущим большевизмом, до прихода добровольцев, и взять, таким образом, весь одиум этой меры на себя; с другой стороны добровольческие офицеры в Крыму хватают правого и виноватого, расстреливают

без суда, вследствие чего были несомненные расстрелы невиновных. Это так возбудило население против добровольцев, что в офицеров стреляют из-за угла, и офицеры не решаются по одиночке итти из Ялты в Ливадию, идут группами. Отвратительное впечатление произвело убийство в Ялте на собственной даче, на глазах жены, известного московского фабриканта, председателя московского О-ва Фабрикантов и Заводчиков И. Гужона; в убийстве этом все обвиняют добровольцев. На социалистов С. Крым не жалуется; они поддерживают правительство, не вмешиваются в его дела, так как пуще огня боятся прихода добровольцев. В Новороссийск С. Крым ехал, чтобы заявить, что Крымское правительство готово отказаться от власти, как только Деникин сочтет это необходимым. Из Екатеринодара С. Крым уехал довольным, говоря, что с добровольцами достигнуто полное соглашение по всем пунктам.

В Новороссийске ожидал экстренный поезд из Екатеринодара, забравший крымское правительство и наших делегатов; всем было отведено полное помещение в Кубанском Общественном Собрании. В первый же день наших делегатов принял генерал Драгомиров, а затем они были приняты Деникиным в присутствии генералов Лукомского, Драгомирова и Романовского. Сперва говорили о Колчаке. Его предприятие считают в Екатеринодаре очень солидным: Деникин сообщил Колчаку, что признает переворот; но Колчака считает пока только правителем Востока; когда съедутся — уверен, что быстро сговорятся обо всем, теперь съехаться никак нельзя. Все генералы подтверждают, что у Деникина нет никакого честолюбия („пресимпатичный носорог“ по определению С. Н. Маслова). Вторым вопросом при приеме наших делегатом было настроение на Украине. Наши указали на политическую опасность для Добрармии итти при походе на Москву через Украину; проще итти вдоль Волги. Деникин и Драгомиров объяснили, что надо принимать во внимание не только стратегию, но и политику; по стратегическим соображениям может быть и лучше итти через волжский район, но по политическим нужно помнить, что без хлеба нельзя будет закрепить за собой пройденных территорий; а одного кубанского хлеба не хватит для всего населения южнее Москвы, нужен обязательно украинский хлеб; придется итти фронтом с перерывами и неодинаковой плотности. Подтверждается перенесение штаба Добрармии в Крым — в конце января или в начале февраля старого стиля (Екатеринодар не признает нового стиля — не раскачались еще, да, вероятно, и не раскачаются никогда). В антураже Деникина, однако, не верят этому перенесению

из-за стратегических причин. Дело в том, что Краснову сейчас очень скверно. Краснов, положившись на заверения какого-то французского офицера Фукэ, обещал казакам быструю и щедрую помощь союзников для того, чтобы двинуться вперед; помощи никакой не пришло и среди донских казаков идет быстрое разложение; Краснов молит о помощи; добровольцы благодаря победе над большевиками на Кавказе, могут ее оказать. Деникину собственно надо было бы переехать в Ростов, но добровольцы опасаются интриг Краснова, с которым сговориться прочно никак не удается. Успех на Кавказе развивается в разных направлениях; добровольцы, боясь, что англичане захватят Грозненский район и его не выпустят, торопятся захватить Грозный до прихода англичан. Но в общем, по словам Деникина, если бы не удача на Кавказе, то из-за разгрома Краснова, положение и на Кавказе было бы отчаянное. У Краснова три казачьих полка перешли на сторону большевиков; эти же полки окружили бригаду полковника Моллера (?) и разоружили ее. Добровольческий тыл, по словам Деникина, отвратителен, как и везде: даже в Екатеринодаре офицеры бездельничают, пьянствуют, картежничают. А на фронте герои. „Прут вперед и забывают даже меня извещать, узнаю о продвижении, когда проскочили на 50 верст", говорит Деникин.

Взяв в плен на Терском фронте 31 тысячу человек, добровольцы включили из них 15 тысяч в свою армию; все это терцы, насильственно мобилизованные большевиками.

Наконец беседа подошла к самому важному пункту — вопросу власти на Юго-Западе. Наши делегаты сообщили, что если добровольцы будут медлить созданием значительной военной силы на Юго-Западе, то власть перейдет к союзникам, оккупирующим край. На это неожиданно последовала угроза со стороны Деникина, заявляющего резким тоном: „Оккупации не допускаю, ни в коем случае я не могу раздаривать России; если Вы отдадите юг французам, я вас объявлю государственными преступниками... и поступлю соответственно", прибавляет он со смягчающей улыбкой, но твердо. Тогда Трубецкой и Маслов указывают на необходимость местной власти с широкими полномочиями. Второй взрыв гнева: „Я знаю, мне телеграфируют из Одессы, что власть организовалась без Добровольческой Армии". Генералы поправляют Деникина: „Совет Государственного Объединения России не стоит на этой точке зрения". — „Нет", говорит Деникин, „тут от имени С.Г.О.Р. говорил по прямому проводу Демченко, требуя создания власти по типу Крымского правительства, восстановления

Гетманской власти, самостийности". Маслов и Трубецкой ничего не знают о сообщениях Демченко, категорически опровергают их, настаивают на децентрализации. „А чем же теперешняя губернаторская власть не хороша"?, спрашивает Деникин. „Ведь вы не можете оспаривать того, что в общих интересах нужно ограничивать местного представителя в распоряжении финансами и пароходами? Гришин-Алмазов расточает зря местные финансы и отдает союзникам нужные нам пароходы". Впечатление такое, что в Екатеринодаре чувствуют, что нужно стать на путь децентрализации, но боятся ее и готовы отпускать в час по столовой ложке. А теперь рады, что могут свалить все на телеграмму Демченко, обвиняя нас в стремлении к самостийности. „Демченко следовало бы отдать под суд, если бы это не было сплошным балаганом", говорит Деникин. Гришину-Алмазову мало доверяют — случайный, временный генерал. Вообще очень мало отдают себе отчет о безнадежности положения на Юго-Западе. Приезд самого Деникина в Одессу для решения всех вопросов, в том числе и вопроса об организации власти, предрешен, но временно приходится отложить поездку из-за затруднений с Красновым; да теперь, благодаря приезду генерала Санникова в Одессу, и спешки ведь никакой нет. Наши делегаты и не настаивают. Трубецкой поясняет: „Деникин — безукоризненно честный человек, великолепный военный, но лучше, чтобы не входил в непосредственный контакт с общественными кругами — совсем не дипломат, не гибок. Кругом Деникина говорят: „Вождь — чудный человек, но диктатором будет Колчак". К организованной Шульгиным в Одессе администрации: Гришин, Пильц, Литвинов-Фалинский и др. относятся с недоверием: „Они там в Одессе хлопочут из-за коммерческих интересов; у власти ведь там стоят лица, незаслуживающие доверия".

Несмотря на предупреждение Гришина, что не стоит говорить о Екатеринодаре, о замене набора вербовкою за плату, Маслов доложил наш проект. Генералы снисходительно улыбались — нельзя; ведь, при вербовке за плату надо будет уравнять в плате набранных по набору с набранными за плату; а это ведь будет безумно дорого стоить. Нет, уж лучше принудительный набор, хотя бы пришлось пройти по стране огнем и мечом. При беседе нашей делегации с Деникиным часто вмешивается Лукомский; Романовский и Драгомиров молчат; только, когда Деникин стал возмущаться предложениями Демченко, Драгомиров просил наших делегатов зайти к нему, чтобы ознакомить их с телеграммой Демченко.

Пресловутая телеграмма Демченко или, точнее, разговор его по прямому проводу с управляющим отделом путей

сообщения при Добрармии, инженером Э. Н. Шуберским, заключает в себе главным образом информацию о положении в Одессе и доказательства невозможности управления Юго-Западом из Екатеринодара. Между прочим, Демченко отметил, что адмирал Канин указал на намерение новой милитаризации всего коммерческого флота и передачи распоряжения им — военно-морским властям, что уже привело в свое время к весьма скверным последствиям. Екатеринодарский Торговый Отдел делал ряд указаний и распоряжений о ввозе и вывозе товаров, с которыми не согласны представители англичан и французов и которые показывали, что отдел торговли не совсем в курсе дела; таково, например, требование отправки парохода „Владимир“ во Владивосток за грузом, о котором в Одессе у англичан нет известий, и который на этом самом пароходе мог итти обратно только через пять месяцев. Между тем во Владивостоке имеются пароходы Добровольного Флота, которые можно использовать для рейсов оттуда; „Владимир“ же нужно послать на Цейлон, чтобы привезти нужные товары через полтора месяца. По Финансовому Отделу подчинение Одесской конторы государственного банка Екатеринодарской конторе, по местным условиям также невозможно. Когда морской отдел Екатеринодара разрабатывал вопрос об использовании торгового флота и составлял проекты новых перевозок грузов, представители коммерческого флота даже не были спрошены и не были вызваны. Далее, из Екатеринодара последние два месяца делались распоряжения Мариуполю, относительно угля. Высылаемые из Одессы пароходы, то задерживались в Мариуполе, то перехватывались в Керчи представителями Добрармии. Результатом этого вышло полное отсутствие угля в Одессе. Угля хватает на половину освещения и частичное трамвайное движение. Пароходы по Черному морю из-за отсутствия угля на две трети сократили свои рейсы. Все фабрики и заводы уже целый месяц бездействуют, чем обостряется рабочий вопрос в Одессе. Отсутствие топлива для населения, также невероятная дороговизна жизни и продуктов в Одессе, в связи с окружением города петлюровскими бандами, создает в Одессе атмосферу очень тяжелую.

Демченко сообщал также, что последние дни в Одессе было соединенное совещание представителей умеренных и левых групп, то-есть, Совета Государственного Объединения, Национального Центра и Союза Возрождения России, которые пришли к единогласному решению о необходимости немедленного создания правительства, которое охватит весь Юг России, где раньше была власть гетмана; при этом полагали, что правительство, которое есть при Добровольче-

ской Армии, должно считаться обще-Российской властью (?!) В новом правительстве министр иностранных дел и военный должны назначаться генералом Деникиным, а остальные министры намечаются соглашением между Советом Государственного Объединения и Национальным Центром с одной стороны и Союзом Возрождения и Земским и Городским Союзом с другой стороны. Для более подробных изложений этих вопросов выезжают в Екатеринодар кн. Трубецкой, Маслов и Хрипунов. Впредь, пока все эти вопросы выяснятся, необходима немедленная децентрализация по вопросам торговопромышленным, экономическим и финансовым.

Все это Шуберский должен был передать Особому Совещанию при генерале Деникине и на следующий день сообщить ответ Демченке по прямому проводу. Разумеется, целый ряд неточностей, галиматья в вопросе об организации власти — остаются на совести Демченко; но основные мотивы требования реформы и данные, изображающие положение дел в Одессе, вполне соответствовали и действительности и нашему убеждению; досадно только то, что в своей стремительности Демченко не взял предварительного согласия на этот разговор от барона, который разумеется дал бы его.

Первый вопрос, заданный генералом А. Драгомировым при посещении его нашими делегатами был: „Идет ли Маслов в министры продовольствия?“. — „Нет“, ответил Маслов, „после вчерашнего приема у Деникина, я не согласен“. — „Это все телеграмма Демченко напутала“, — объясняет Драгомиров. „Вы ведь теперь от него отмежевались и все улажено; Вас вторично примет Деникин, все будет в порядке“. Из дальнейшей беседы выяснилось, что здесь признают даже принцип общественного сговора, но лишь для выбора совета при генерал-губернаторе из представителей разных групп общественных деятелей, с совещательным голосом. О генерале Санникове здесь высокого мнения.

Затем разговор переходит на „Национальный Центр“ Оказывается, что Н. И. Астров, и М. М. Федоров знали о настроении против С.Г.О.Р и о телеграмме Демченко, но ничего не сообщили нашим делегатам, хотя были осведомлены об их приезде.

Вторая аудиенция у Деникина была кратка. Деникин принял один, без своих генералов; не будучи красноречив, старался улыбками приласкать наших и объяснить, что он дорожит общественной помощью: „Я удручен тем, что мог произвести на вас такое тяжелое впечатление“, сказал он. Дал понять, что сотрудничество С.Г.О.Р. считает крайне ценным, просил Маслова войти немедленно в состав его Осо-

бого Совещания. Отношение к Украинской Директории — обсолютно непримиримое.

Вся власть в Екатеринодаре теперь у кадетского „Национального Центра.“ — „Кадетское засилие у нас“, говорит Драгомиров. Правда, кадеты уже не те, по словам Трубецкого: Н. И. Астров и В. А. Степанов правеют не по дням, а по часам. На пост министра Народного Просвещения, по рекомендации Маслова и Трубецкого, приглашается проф. П. И. Новгородцев.

Дальше выяснилось, что первая встреча в Екатеринодаре с В. И. Гурко, которому после нашего отъезда из Киева в Яссы оставшиеся члены С.Г.О.Р. поручили заявить Деникину о создании новой организации, — произвело неважное впечатление. Гурко уже тогда заявил, что желательно, чтобы все гражданское управление на Юго-Западе России осуществилось через С.Г.О.Р. — разумеется, генералы и ка-дэ сразу насторожились. Влияло отрицательно, по словам Н. Н. Львова и то, что С.Г.О.Р. создался в Киеве — это наложило на него отпечаток самостийности. Для характеристики поправения к.-д. из „Национального Центра“ любопытно замечание, сделанное Н. А. Астровым кн. Е. М. Трубецкому, сообщавшему о постоянных наших совещаниях в Одессе с социалистическими группами: „Как, вы разговариваете с левыми? А тут у нас и надобности никакой в этом нет“.

Любопытны дополнительные замечания Е. Трубецкого. Россия делится по политическим настроениям по меридиану: от Кубани до Крыма — правое настроение, западнее Крыма — левое. Настроение в Кубани, где масса продуктов (чудный, дешевый, белый хлеб, сытный обед за 4 рубля) — консервативное, казаки — крепкие буржуи; в оппозиции одни иногородные — поселенцы из Великороссии; они из-за своего бесправия на стороне большевиков. Говорить у Деникина о директории вместо диктатуры — потерянное время. И надо решить вопрос о Деникине определенно — либо с ним и тогда надо забыть о директории, или с директорией — тогда без Деникина. Помощь союзников Деникину до сих пор позорная: пришел лишь один пароход с английским снабжением — сапогами и одеждою; все гниль, ни танков, ни снарядов, ни пулеметов, все, что доставлено с Запада до сих пор — это наше же снаряжение из Румынии. На союзников, повидимому, надо поставить крест. От французов можно ожидать меньше, чем от кого бы то ни было; а, связавшись с ними, только покатимся по левой плоскости. На „Принцевы Острова“ надо ехать для очистки совести — результатов не будет никаких, но тогда, по крайней мере, союзники будут пенять на себя, а не на нас. „На директорию я категорически не иду, заявляет Е. Н. Трубецкой, считаю,

что после Уфимского опыта ее песенка спета; я убежден, что социалисты не порвут с нами, даже если бы мы не пошли в директорию. В общем я смотрю с верою на будущее: есть еще русские силы, которые могут воссоздать Россию — силы эти, главным образом, у Колчака. Скоро работе в Одессе настанет конец, лучше, не ожидая его, начать нам переезжать к Деникину и Колчаку". Задаем Трубецкому вопрос: „Пойдут ли кубанцы за пределы своей области?". — Разные мнения: и да и нет. — „Держится ли на Урале атаман Дутов?". — В Оренбургском крае у большевиков большие успехи: взяли Уральск, Оренбург. Колчак помочь не мог — силы его неравномерно распределены. Уфа, говорят, сдана без боя, чтобы поскорее ликвидировать злополучную Уфимскую Директорию и армию Учредительного Собрания.— „Много ли добровольцев в Кубанской армии?" — Говорят, от двадцати до тридцати тысяч. Традиции офицеров (полки сплошь офицерские, солдат не хотят принимать в полки) безумные: потери огромные. — „Как идет набор в Крыму?". — В самом Крыму очень плохо, но надеются на немцев-колонистов в Мелитопольском уезде.

А. С. Хрипунов сообщает, что вчера после доклада Литвинова-Фалинского, пришли к единогласному выводу: Россию могут спасти только союзники; а для союзников необходимо соглашение с „ручными" социалистами.

Курьезы прошлого: приват-доцент Б. Е. Шацкий, бывший в Америке во время Керенского, рассказывает, что когда Троцкий выехал из Соединенных Штатов в Европу, англичане арестовали его на Галифаксе; по требованию министра Иностранных Дел П. Н. Милюкова он был освобожден. Присутствовавший при беседе Б. А. Гуревич (носившийся по Питеру в 1917 г. с проектом организации партии Эволюционного Социализма), рассказал со слов О. О. Грузенберга, как Грузенберг встретил Троцкого на Демократическом Совещании осенью 1917 года. „Как вы находите мою речь?"— спросил Троцкий. — Я послал бы за нее вас на каторгу. — „Вы очевидно, хотите дополнить, как прокурор то, чему начало Вы положили, как защитник", сказал Троцкий, намекая то, что по делу первого Совета Рабочих Депутатов он, Троцкий, был в 1906 году приговорен к ссылке на поселение.

В 2 часа дня — заседание П. В. П. К-та; Канин передает нам для разборки три дредноута и семь миноносок. Для правильной постановки работ необходим сговор с Одесским В. П. К-том, организация которого еще прочна. Пошли с Ю. Н. Глебовым, П. Н. Переверзевым — я привлек обоих к работе в В. П. К-те — поговорить с председателем Одесского Комитета М. В. Брайкевичем. Он стоит за немедленную ликвидацию Военно-Пр. К-тов и создание новой орга-

низации вроде „Экономического Совещания“ при Временном Правительстве с правом издавать обязательные постановления. Что сей сон означает?

В $8^1/_2$ часов в бюро С.Г.О.Р. делает доклад капитан Щербаков, приехавший в ноябре из Сибири к генералу Деникину. Щербаков просит С.Г.О.Р. послать Колчаку приветствие.

Вечером в общем зале Лондонской гостиницы характерная картина, свидетельствующая, насколько жизнь сильнее теории: за столом, уставленным бутылками, петлюровский полковник Матвеев (б. полковник русского генерального штаба), начальник штаба войск, окружающих Одессу, кутит с полковником Добровольческой Армии. Матвеев пьян, лезет целовать какого-то артиллерийского генерала, шатаясь шляется между столиками.

В 10 часов вечера сообщают нам из данных контрразведки: петлюровцы распадаются, офицеры уходят в Добровольческую Армию, солдаты разбегаются, французы их разоружают. Лейтенант Б. из французской контр-разведки уволен за плохое осведомление своего штаба. Бертело с генералом Геруа приезжают на-днях в Одессу.

Директор банка Рябушинских П. О. Жаба передает отказ пребывающих в Одессе директоров банков от участия в финансовом совещании при здешнем финансовом управлении; написал Пильцу письмо, что банкиры не желают работать под председательством Демченко.

В $10^1/_2$ часов вечера приходит за интервью английский коммерческий агент Райлей. Он опасается большевизма в Европе и Англии, смеется над безумием французов, уверен, что англичане не будут оккупировать России. Удивляется, что Деникин не получил снабжения, когда уже больше месяца тому назад ему было выслано англичанами из Египта полное снаряжение на армию в 100.000 человек; 15 — 20 тысяч англичан, что сейчас на Кавказе, отправляются на Дон, на помощь Краснову.

ГЛАВА IV.

ПРИНЦЕВЫ ОСТРОВА.

Барон Меллер-Закомельский у ген. Бертело. — Проект организации противобольшевистской агитации. — Генерал А. В. Шварц. — Отъезд Пильца. — У ген. Санникова. — Борьба генерала Бертело с генералом Деникиным. — Андро де Ланжерон. — Сведения из Парижа. — Телеграмма из Парижа о „Принцевых Островах“. — Энно у д'Ансельма. — Настроение у французов. — Свадьба Энно.

11 февраля. Вторник.

В $11^1/_2$ часов утра заседание пленума С.Г.О.Р. После доклада о правом настроении в Екатеринодаре, наша публика сразу и решительно шарахнулась вправо. Вопрос о выборах на „Принцевы острова“ решили отложить до более точного выяснения, что это за затея — ведь до сих пор, собственно, никому ничего о ней не известно, кроме того, что союзники зовут русских на „Принцевы острова“.

В городе панические слухи; Бертело приезжает будто для того, чтобы забрать французские войска обратно, так как ни с кем путем сговориться нельзя; французские матросы будто бы арестовали своих офицеров (один дредноут ушел снимать с мели „Мирабо“, который умудрился сесть на камень на внешнем рейде Севастополя — отсюда слухи).

Составил с И. Н. Балабиным и Д. Г. Балаховским меморандум для Бертело. С трудом убедил Балабина не включать ходатайства о содействии французов для восстановления помещикам их усадеб и отобрания награбленного крестьянами добра. Ничему не научились. Включили заявление, что будем всячески бороться с договорами, которые французы будут заключать с врагами России (украинскими самостийниками).

12 февраля. Среда.

Провал „Принцевых островов“: пришло радио о беседе Пишона с журналистами, что конференция на островах теперь уже не нужна; мотивировка ненужности — идиотская:

большевики де уже высказались, не о чем, значит, больше разговаривать. Наши в С.Г.О.Р. радуются, что еще не выбрали делегатов на острова, в то время, как социалистические группы уже выбрали и даже распубликовали имена своих делегатов: Мякотин, Пешехонов, С. Я. Елпатьевский, И. И. Фундаминский, Я. Л. Рубинштейн и т. д.

Хлеба в Одессе на три дня; яйца вскочили с 9 рублей за штуку на 29. Среди обывателей паническое настроение.

Вечером совещание в бюро С.Г.О.Р. о завтрашнем визите к приехавшему вчера в Одессу генералу Бертело. Принимается наш меморандум с небольшими поправками. Барон предлагает отправить его одного к Бертело.

Станция Казатин взята большевиками.

Подвезено немного угля — для электрической станции недели на две, для пароходов и паровозов — дней на 10. Хлеба на 5 дней. (Населения в Одессе около 800.000 человек).

Французы сообщают, что переговоры с петлюровцами прерваны; сегодня Фредамбэр не принял их депутации.

Расспрашивал местного банкира В. Ф. Кусиса, грека, состоящего офицером для связи с греческой оккупационной армией. Говорит, что настроение греков — прекрасное; хотят заплатить России за 1827 год. (Могу себе представить, что об этом знают солдаты-греки!). Большевики не находят последователей в греческой армии. На-днях придет дивизия, которая вышла 10 дней назад из Салоник и неизвестно где застряла.

Ясно, что большевикам труден доступ в греческую армию только из-за языка.

Сегодня солдаты-добровольцы поймали в казарме рабочего, кравшего дрова — истязали, потом убили его.

13 февраля. Четверг.

Ц. В.-П. К. получил телеграмму от Лебедева — министра торговли и промышленности у Деникина — с приглашением на 11/24 февраля в Севастополь на совещание по транспортному вопросу.

Барон был в 11 часов у Бертело; Бертело выразил сожаление, что не был на Ясском совещании; спросил, как барон смотрит на положение вещей на Юго-Западе. Барон отметил, что когда три месяца тому назад мы просили военной помощи у союзников в Яссах, мы надеялись, что Украина будет плацдармом для создания русской армии. Союзники опоздали — Украина утеряна; престиж Франции с каждым днем падает, тем более, что Франция в начале интервенции объявила Петлюру врагом России и, тем не менее, вместо борьбы с ним, начала переговоры. Генерал Бертело, вол-

нуясь, перебивает барона и горячо доказывает, что это не верно. „Vous autres russes vous-êtes des enfants“. Когда д'Ансельм отправлялся в Одессу, Бертело получил от Деникина телеграмму с требованием освободить митрополита Антония и офицеров, захваченных в плен петлюровцами. Бертело решил это сделать; в Киев итти он не мог — он приказал д'Ансельму вызвать генерала Грекова и потребовать освобождения. Ничего иного он сделать не мог, а, благодаря беседе с Грековым, спасен и Антоний, отправленный в Галицию, откуда он едет в Одессу, и большинство офицеров, едущих также через Германию на Юг.

Д'Ансельму было приказано ничем себя не связывать; твердых обещаний петлюровцы от французов не получили. Нужно относиться с доверием к французам, поставившим себе задачу возродить великую Россию.

„Но все же“, говорит барон, „Энно, который вел до сих пор антипетлюровскую политику — не у дел, а ведь у вас договор с петлюровцами почти подписан?“. „Hennо est un brave garçon“, отвечает барон, „и к тому же отлично осведомлен; остальное, что говорят — ерунда“. Далее дважды подчеркивает, что по политическим вопросам надо обращаться к д'Ансельму (который не принимает), а не к Фредамбэру (который не пускает к д'Ансельму). В субботу возвращается в Бухарест; через 2 — 3 недели покончит с трансильванскими делами и тогда поселится окончательно в Одессе.

Барон: „Все боятся здесь, что большевики заберут Одессу в виду полного бездействия французов“.

Бертело: „Мы завалены просьбами двинуться вперед“. Хватается за голову и кричит: „mais je n'ai rien, rien!“

Потом спохватывается: с конца февраля начнется прилив сил; через три недели сам приедет в Одессу и тогда начнется наступление.

Барон: „Нельзя ждать 3-х недель; иначе большевики захватят хлебородный район к востоку от Херсона, а без него нельзя прокормить города“.

Бертело ничего обещать не может; рисковать не смеет— сил мало. Французы все делают для доставки из Румынии снабжения (русского) — да вот два транспорта, отправленные Краснову, замерзли в устье Дуная.

Барон: „А почему вы не поддерживаете Добровольческой Армии?“.

Бертело: „Я — горячий поклонник Добровольческой Армии. Телеграмма Деникина с отказом приехать на свидание со мною в Одессу меня нисколько не оскорбила (а телеграмма составлена неуклюже и нелепо). Деникин—рыцарь, я жалею, что до сих пор с ним не познакомился“. Что же

касается до непопулярности добровольцев на Юге, то он считает, что отношение Одессы нельзя считать показательным, в виду ее интернационального характера.

Барон жалуется на отсутствие возможности сношений с Парижем и Лондоном. Сперва совсем их не было — а теперь военная цензура ничего не пропускает.

Бертело советует и не телеграфировать. После его возвращения в Букарест пойдет первый прямой поезд из Бухареста в Париж. Мы можем посылать к Бертело курьеров, которых он и будет направлять прямым сообщением в Париж. Спросил, кого мы считаем своим представителем в Париже. „Сазонова“. — А генерала Щербачева? — „Мы не знали, что он в Париже, но, разумеется, и его“. — А делегаты Ясской конференции? — „Они посланы для совместной с первыми работы“. — Вы думаете там трений нет? — „Уверен, что нет, тем более, что генерал Щербачев — член Ясской конференции“. — Ну, я очень-очень рад, а то до сих пор одни недоразумения, все друг друга опорочивают. — „А «Принцевы острова?»—Sale blague (это скверная штука)“ — „Одесса не может быть покинута?“ — Бертело, улыбаясь: — абсолютно исключено. Правда, все французы, здесь находящиеся, от мала до велика, устали и мечтают вернуться домой, но будут заменены свежими войсками, иначе настроенными. — „Почему же не делаются до сих пор воинские формирования на Юге?“ — Этот вопрос, действительно, нужно урегулировать, но при этом надо иметь в виду, что зона, оккупированная французами, — западный фланг антибольшевистского фронта, который должен самостоятельно защищаться французами.

Итак: Деникин — рыцарь, но работать с Добрармией Бертело не хочет, ибо Юго-западный фронт — самостоятельный французский фронт; с петлюровцами ничего общего французы не желают иметь, но просят у них освобождения Антония и русских офицеров. Одессы не покинут, но войск для защиты ее нет, а имеющиеся рвутся домой. Чего уж яснее!

По сообщению кн. Щербатова, Бертело выразил желание поговорить с крестьянами, которые завтра у него будут. В Одессе много теперь большевиков, вербуют офицеров, предлагая им по 30.000 тысяч подъемных. Слух есть, что Коллонтай (!!) здесь выступает на митингах.

Брат Блюмкина, убийцы Мирбаха, работает в „Южной Почте“ и на днях уехал из Одессы в Совдепию с письмами.

Челноков сообщает, что знакомые черниговцы по объявлению пришли на заседание какого-то профессионального союза. На стенах надпись „Вся власть советам“. К ним

подошел юноша и, когда узнал, что они беженцы из Чернигова, заявил: „Трудовая интеллигенция не бежит от большевиков, уходите отсюда".

Я настаиваю на том, чтобы потребовать от Бернацкого 25 миллионов рублей на агитацию против большевиков на Юго-Западе, отвезти их на французский дредноут для безопасности, а в случае взятия Одессы большевиками перевезти их в Париж для продолжения работы там.

Челноков возражает на том основании, что в Ялте Пуришкевич говорил в своем докладе о нем, Челнокове, онде взял 10 миллионов для снабжения армии и в них не отчитался. Тоже мотив!

Меня поддерживает В. В. Пржевальский, кн. Щербатов и гр. Стенбок-Фермор. Челноков предлагает лишь ограничиться объявлением Санникову, что нужно осуществить мое предложение, и тут же вспоминает слова Деникина: „Я предпочитаю не иметь двух корпусов, а иметь хорошо поставленную пропаганду".

В 7 часов обедаем с офицерами Колчака: капитаном Щербаковым, штабс-ротмистром Толстым - Милославским и мичманом Холмским. Говорят речи — Челноков, кн. Щербатов, барон; вяло, скучно.

Кн. Щербатов был у Бертело хлопотать об арестованных петлюровцами министрах — Гербеле, Риттихе, Варун-Секрете. Бертело, узнав, что они еще не освобождены, рассердился на бездействие Ланжерона.

В английском клубе среди обедающих — начальник штаба петлюровцев, полковник (а ныне генерал) Матвеев, которого ввел в клуб полковник Святловский, специалист по перевозке из Киева багажа и писем. Кн. Куракин устраивает скандал.

Днем у меня Н. В. Тесленко. Он организовал в Ялте, вместе со своими доверителями Рябушинскими „О-во для пропаганды и защиты перед русским обществом добровольцев"; читают доклады, печатают плакаты, имеют успех. Приглашаю Тесленко и С.Г.О.Р. по городской группе. Охотно принимает приглашение.

14 февраля. Пятница.

Разговор Бертело стал известным в городе: отовсюду очень тревожные известия — все уверены, что если бы большевики пришли — сопротивление было бы нулевое.

Зашел Демченко — сообщает, что в беседе с некоторыми лицами Бертело назначил сроком своего возвращения в Одессу не 2 — 3 недели, а 4 — 5.

Демченко хлопотал о визе в Париж — паспорт его от французов попал к Логвинскому, который его будто бы потерял. Шантажирует.

По сведениям кн. Щербатова, за последнее время усилилась немецкая контр-разведка в Одессе; в Лондонской гостинице — два немецких шпиона; немцы хотят использовать быстрое падение популярности французов и предложить свои услуги. Было бы не скверно.

Черногорчевич виделся с Бертело; его впечатление, что Фредамбэр будет смещен, д'Ансельма заменит генерал Ниссель, Энно же будет восстановлен в своем положении. Генерала Санникова французы не хотят; предпочитают менее притязательного и подчиняющегося им Гришина-Алмазова.

Обедаю с генерал-лейтенантом А. В. Шварцем, с которым работал весной 1918 года в Петрограде, когда, после взятия Риги, немцы угрожали походом на Петроград; общественные организации тогда сгруппировались вокруг Ц.В.-П. К-та под моим председательством и пришли на помощь генералу Шварцу, который принял на себя поручение местного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов защищать подступы к Петрограду. Рассказал, что он задумал с А. И. Гучковым образовать армию из русских военнопленных в Германии, где их больше миллиона. Гучков поехал говорить об этом с Деникиным; думает, однако, что Деникин своего благословения не даст, тем более, что и Санников, которого он, Шварц, давно и близко знает, принял его холодно (за работу в Питере при большевиках). Просит дать ему и 10 его ближайшим сотрудникам — военным инженерам денег для поездки к Колчаку. Ему армяне предлагали заняться их армиею, а поляки — крепостями, но он хочет работать для русской армии. На Украине, где он жил с августа 1918 года, он работал у К. Ярошинского по шлюзованию Днепра; теперь без работы, Жалуется на ригоризм Деникина, предлагающего всем офицерам в положении Шварца, реалибитироваться судом; считает это ниже своего достоинства, хотя один из его сотрудников по Петроградской обороне 1918 года это уже сделал и принят в Добрармию.

Говорят, что заявление Троцкого о помиловании всех офицеров, которые к нему пойдут, уже оказывает свое действие — офицеры идут.

Я спросил Райлея, как относятся англичане к возможности использования русских военнопленных в Германии для образования армии на Северо-Западе. Он ответил, что скептически: англичане думают, что большинство военнопленных настроено большевистски.

По сведениям, сообщенным мне польским поручиком Боровским, — поляков в Одессе 3.500 человек пехоты и 500 человек кавалерии. Жалованье они получают от французов, но неаккуратно. В последние дни вербуют польских партизанов.

Греков здесь — 2.000, французов — три полка, тысяч 6; всего с поляками 12.000 штыков союзнических. Поляки на Днестре теснят большевиков.

Передают со слов Ланжерона, вернувшегося сегодня в Одессу, что петлюровцы несомненно возьмут обратно Киев у большевиков. Сопоставляя это с тем, что Бертело принял сегодня А. Д. Марголина (который, как оказывается, не уехал в Винницу) и Мациевича, надо думать, что Бертело сказал барону неправду об отсутствии переговоров с украинцами.

Встретился с генералом Горбатским (был в Яссах по поручению гетмана); сказал ему с упреком — „Что же это, петлюровская армия спасовала перед горстью большевиков в Киев?“. — „А генерал Клембовский разве не в Киеве? А вы знаете, сколько у него настоящих русских кадровых и штабных офицеров. Ведь офицеры у большевиков получают 2 — 2½ тысячи рублей в месяц. Здесь они голодают, получая по несколько сот рублей.“

Повидимому, Кромвелевский дух, которого Деникин ждет от своих офицеров, не по времени.

15 февраля. Суббота.

В 11 часов зашел Пильц. Он едет в Екатеринодар товарищем министра внутренних дел. Французы окончательно остановились на идее оккупации Юго-Запада, причем, однако, управлять краем будет генерал-губернатор, назначенный Деникиным с благословления французов. Завтра от Бертело едут в Екатеринодар комендант Порталь и капитан Бертело с письмом к Деникину, в котором излагается решение французов и предлагается назначить таким генерал-губернатором А. И. Пильца. Далее, Бертело приглашает Деникина на свидание с ним через две-три недели, где угодно на побережьи Черного моря — лучше в Констанце. С французскими офицерами едет и Андро просить у Деникина разрешения набирать партизанские отряды крестьян. Андро везет рекомендательное письмо от генерала Бертело, в котором генерал называет его своим „другом“ (на французском языке „друг“ — дешевая монета, но все же!).

Пильц попутно сообщил забавную новость. На днях ему телеграфируют из Одесского казначейства: явился какой-то субъект в казначейство и обратился к заведующему с заявлением, что он представитель украинской Директории и пришел получить те несколько сот украинских миллионов, которыми неправомерно владеют добровольцы. Управляющий обратился к офицерской добровольческой охране, несшей караульную службу у казначейства, с просьбой задержать посетителя; офицеры запросили Пильца, что с этим субъектом сделать. — „Арестуйте его“, — сказал Пильц. И что же

оказывается? — „Субъект“, требовавший от имени Винниченко и Петлюры миллионы от добровольцев — не более не менее, как действительный статский советник и вице-директор Департамента Торговли при Тимашеве Б. — „А я“, говорит Пильц, „арестовал его, как психопата“. — „Ну, а дальше, что Вы с ним сделаете?“ — „Пусть посидит и размышляет, уместно ли российским действительным статским советникам делать такие фокусы!“

В 12 часов дня пошел с Ю. Н. Глебовым и П. Н. Переверзевым к Санникову говорить о работе Ц.В.П. К-та для нужд Добровольческой Армии. Прождали два часа и после этого нас записали в девятую очередь. Раньше все приходили офицеры, просящиеся на службу. Просим доложить, кто мы и что предлагаем; офицер отказался пустить нас вне общей очереди. Я ушел. О Санникове Пильц вчера сказал: „он уже успел собрать всех заведующих гражданскими отделами управления, сообщил им о необходимости крайней централизации, в виду разрухи; для сношений с центром в Екатеринодаре есть-де телеграф, а при перерывах в его работе надо начальникам отделов периодически ездить в Новороссийск (забыл, что сам с трудом добрался до Одессы в 8 дней и то, потому что реквизировал уголь в Севастополе).

В приемной офицер Апухтин рассказывает П. Н. Переверзеву, что ему поручена добровольцами организация противобольшевистской агитации и пропаганды. Денег ассигновано на отдел 2 миллиона рублей. Но сотрудников нет, некому писать прокламаций и вообще не знает, как взяться за дело. А по их сведениям большевики устраивают в Одессе митинги, обеды, появились уже комиссары.

Встретил сына Варун-Секрета: отец его все еще сидит у петлюровцев; винит всех нас в бездействии; Петлюра оправдывается перед французами тем, что гетманские министры преданы суду, до которого и не могут быть выпущены; французы же объявили, что Петлюра и Винниченко лично ответят, если суд их не оправдает и их не выпустят. Пустая болтовня.

Переверзев был на-днях на заседании профессионального союза портных. Какой-то большевистский оратор развивал платформу союза. Один портной при бурных аплодисментах присутствующих заявил: „Дайте работу, плевать на платформу“.

Промышленники были вчера у Бертело, который заявил, что 4 — 5 транспортов греков предназначенных для Одессы, готовы для посадки в Салониках, но русские в Екатеринодаре не дают транспортов.

Завтракаю с Энно; едет в Париж, не верит Бертело — песенка его, Энно, спета.

Письмо от Шварца; просит устроить ему прием у Бертело, уехавшего сегодня в 3 часа обратно в Букарест. Приходит ко мне, рассказывает как Троцкий с пеной у рта, стуча кулаками по столу, требовал от него перехода на службу к большевикам. Шварц отказался. О Пильце Шварц рассказывал любопытный факт. Пильц был Витебским губернатором в течение нескольких лет; был им и тогда, когда в Витебске находилась ставка верховного Главнокомандующего. Когда Николай Николаевич был сменен государем, Пильц настоял на том, чтобы Николай II пошел на вокзал провожать Николая Николаевича. Куракин подтвердил правильность этого рассказа.

Внес сегодня предложение в бюро С.Г.О.Р. дать генералу Шварцу и его офицерам 50.000 рублей на поездку к Колчаку. Бюро согласилось.

Вечером в 11 часов разговор с X....., бывшим с Фредамбэром у украинцев. Французы заключили условие с петлюровцами. Весь финансовый, железнодорожный и административный аппарат переходит к французам. Из Директории удаляются Винниченко и Швец — входят на их место великороссы: галицийские войска поступают в непосредственное командование французов; за это французы разрешают украинцам послать представителей на Конференцию Мира для того, чтобы поставить на обсуждение конференции вопрос об Украине. Украинцы будто бы двинулись к Киеву и имеют успех. Далее X. сообщает, что генерал Бертело вовсе не собирается жить в Одессе, но приедет опять через дней 10—15; что англичане не хотят посылать людей в Россию, что американцы признали Грузинскую республику и готовы признать и большевиков; приводит характерный для Бертело факт — Деникину предлагается впредь не назначать командующих частями на Юге без согласия французов, а, буде Деникин не согласится на это, то французы оккупируют Юг. Три недели тому назад он видел в Букаресте проект организации легких бригад, приспособленных к условиям гражданской войны: два полка по 2.000 человек, полполка конницы — 250 человек, несколько батарей, танков и аэропланов. Таких бригад для Юга предполагается 6. Думает, что их уже начали формировать.

Кн. Щербатов едет завтра на миноноске с французскими офицерами и получил от барона инструкции настаивать пред Деникиным о немедленном назначении на Юге генерал-губернатора с почти неограниченными полномочиями, с правом расходования сумм вне сметы, с правом назначения и увольнения должностных лиц всех степеней. Делаем последнюю попытку сохранить за Добровольческой Армией хотя бы формальную связь с Юго-Западом.

Завтра уезжает и Н. А. Ростовцев. Его третьего дня забаллотировали в должности секретаря законодательной группы С.Г.О.Р., как слишком левого; выбран на эту должность член Государственной Думы Скоропадский — крайний правый.

16 февраля. Воскресенье.

Генерал Бертело сказал Даниилу Балаховскому: англичане стараются убедить Европу, что французы не справятся с Россией, которую де всю следует предоставить англичанам, а французы уже сговорились с Венизелосом, который за какие-то компенсации предоставил французам греческие войска.

Андро ходит по влиятельным лицам и просит поддержать перед французами его кандидатуру на пост генерал-губернатора. Был у архиепископа Платона, ссылаясь якобы на согласие на его кандидатуру С.Г.О.Р., но Платон его отшил. Пильц просит предупредить Фредамбэра об авантюризме д'Андро. Биография его по словам Пильца и кн. Куракина такая: лейб-казак, вращался в Петроградской аристократии, уездный предводитель дворянства по назначению на Волыни, депутат 1-ой Думы; во время войны — поставщик хлеба правительству, заплатил тогда долги и поправил запущенные дела. Выдает себя за потомка Одесского Ланжерона, называет себя д'Андро де Ланжерон (второй уже за короткое время — везет гр. Ланжерону).

Сегодня пришел французский полк, греческий — вчера.

17 февраля. Понедельник.

В 10 часов вечера зашел генерал Шварц. Вчера приехал генерал Альфатер, бывший командир Московского полка, приглашенный гр. Келлером командовать Северной армией. Он получил от Деникина благословение на организацию армии из военнопленных. Едет в Париж хлопотать о деньгах, берет из Одессы 21 офицера. А. И. Гучков, таким образом, опоздал.

В 11 часов пришел лейтенант Z... Приехал из Парижа, привозит последние парижские новости. В Париже образовался русский Комитет из кн. Г. Е. Львова, А. И. Коновалова, В. А. Маклакова, И. Н. Ефремова, М. А. Стаховича, К. Д. Набокова (б. советника нашего посольства в Лондоне), Извольского; ждут Сазонова. Этот Комитет будет работать на Мирной Конференции. Коновалов предложил подпереть Комитет в интересах его популярности в глазах европейской демократии — представителями левых партий и общественными деятелями, популярными в России и за-границей — не согласились. Приехал в Париж Н. В. Чайковский, Б. В. Са-

винков и Н. Д. Авксентьев. Авксентьев заявляет, что армия во главе которой теперь стоит Колчак, создалась только благодаря тому, что Директория возглавлялась левым. Милюков живет в Англии, изредка приезжает во Францию, но Пишон — Министр Иностранных Дел — его не принимает. О левых наших ничего не слышно. Русская эмиграция устроила в Париже блок левых групп; председательствует в нем б. шлиссельбуржец С. А. Иванов. Большевики выступают более активно на митингах Лиги Прав Человека и др. Приезжал с.-р. Русанов, выступал против интервенции. Идея вооруженного вмешательства в дела России крайне непопулярна во Франции, Англии и Америке. Французы думают пустить в дело б. русских военнопленных, просачивающихся из Германии. Их собирают в Бретани, в Лавали, где им и ведает наш б. военный агент во Франции генерал гр. Игнатьев. Большевики и там работают, и на этих солдат слабая надежда. Французы признают главнокомандующим генерала Деникина, но требуют от него подчинения генералу Бертело. Он же назначает своих представителей без согласия Бертело, отменяет посылки транспортов, делаемые французами (в частности, в Екатеринодаре остановили транспорты, посланные в Салоники за войсками). Z. едет сотрудником полковника X..., чтобы убедить Деникина подчиниться Бертело. Французы задерживают отправку снабжения Деникину только из-за этих трений.

Вчера получена на имя Брайкевича телеграмма от кн. Львова из Парижа о Принцевых островах. Туда приглашают для обсуждения условий гражданского перемирия, при чем, говорится дальше, „если большевики примут настоящее приглашение — мы пошлем его Совнаркому, коим предположено делегировать Чичерина, Луначарского и Фриче или Троцкого". Чайковский и Сазонов уже отказались от имени Архангельского, Омского и Екатеринодарского правительств. Русский Комитет все это решил единогласно. Другая телеграмма Мякотину, подписанная Чайковским: Чайковский против участия партии народных социалистов.

18 февраля. Вторник.

Сегодня Энно был у д'Ансельма, чтобы сообщить ему, что завтра будет его свадьба (развод будущею женой Энно получен и разрешение на брак ее с консулом выдано в срочном порядке митрополитом Антонием). Д'Ансельм был крайне любезен и долго с ним беседовал. Энно воспользовался случаем и сказал д'Ансельму: сил у Франции, чтобы помочь России, нет; не имея возможности дать нужного количества войск, она могла бы помочь России только правильною политикою в русском вопросе; что же она делает на самом

деле? Входит в соглашение с петлюровцами, рассчитывая получить от них 178.000 человек (это, очевидно, Ланжерон насчитал). Это — чистейший самообман, а тем временем французы ничего не предпринимают для экономического завоевания страны. Немцы же не дремлют: на днях выходит газета, субсидируемая немцами (?); гр. Берхгейм разослал 23 декабря 1918 года циркуляр всем немецким консулам, предписывая им остаться на местах и работать для Германии (а французские консулы все уже разбежались, в то время как англичане давно уже пытаются установить товарообмен, и даже какой-то японец явился в Одессу для торговых сношений). Когда можно было двумя дивизиями и несколькими вагонами сапог и тканей получить поддержку крестьян — французы ничего не делали и теряли город за городом, губернию за губернией. Престиж Франции сведен теперь к нулю; Россия будет завоевана в Европе Германией, в Сибири — Японией.

Д'Ансельм на это ответил, что он не знает, что и как делать, что он лично и охотно уступил бы командование армией здесь в Одессе за командование одною дивизией на Рейне.

Я. — Ведь, французы уйдут от большевиков, если эти последние приблизятся к Одессе.

Энно. — Вы читали последнее радио Троцкого? Он предлагает прекратить пропаганду большевиков среди союзников и уплатить 17 миллиардов долга, если союзники откажутся от интервенции. При этих условиях для французов большой соблазн уйти.

Я. — Тогда что же с нами всеми будет? Ложиться под ножи?

Энно. — Большевики этого не потребуют, ведь в Киеве нет при большевиках ни анархии, ни резни. Там было предложено всем офицерам либо итти на службу к большевикам, либо ехать в Одессу; а приехало ведь очень мало. (Полковник С. В. Зверев сообщил, что генерал Клембовский выслал сюда из Киева к товарищам их 46 офицеров с полковником во главе и с сообщением, что каждый желающий может смело приехать в Киев и поступить на службу).

Я. — Две недели тому назад я, докладывая в С. Г. О. Р. о французской политике, сказал: раз французы строят все на положении — pas un goutte de sang français (ни одной капли французской крови), то они логически докатятся сперва до соглашения с петлюровцами, а потом и с большевиками — заявляя: il y a des Bolcheviques et des Bolcheviques (есть большевики и большевики).

Энно. — А что Вы думаете? Ведь все прибывающие сюда большевистские комиссары не коммунисты, а чистые с.-р.

Наконец, ведь в соглашении с большевиками можно поставить условием и временную оккупацию Юга французскими войсками (!!).

Я.—Да, вы будете отдыхать под южным солнцем, а за вашею спиною большевики будут добивать интеллигенцию и буржуазию.

Энно пожимает плечами.

А ведь эти психологические фазисы уже пройдены — французы потенциально одною ногою вне Одессы.

Завтракал с Z... Французы наметили генерал-губернатором Юга—Пильца. Капитан Бертело, поехавший в Новороссийск, сообщит об этом Деникину, потом поедет прямо из Новороссийска в Букарест за формальным благословением генерала Бертело, и через 2 недели А. Пильц будет здесь генерал-губернатором. Завтракал с нами И. И. Фундаминский. Он был поражен мрачною картиною, нарисованной Z... Сказал—пусть Z... никому не говорит о тенденциях невмешательства, господствующих у французов, иначе все с.-р. теперь в Одессе махнут рукой на союзников.

Я.—Что же и пойдут с большевиками?

Неопределенный жест (повидимому, политика черновцев начинает сбивать с толку всех с.-р.). Фундаминский и Я. Рубинштейн посылаются своими партиями во Францию для усиления агитации за интервенцию. Выбор очень удачен. Деньги рассчитывают получить от капиталистов. Сегодня я проконсультировал двух многомилионных киевлян, дадут ли они деньги для поездки социалистов в Париж для агитации за интервенцию? Вряд ли — капиталисты требуют, чтобы их спасали бесплатно.

В вечерней сводке сведения о прибывшем в Одессу французском добровольческом дивизионе, направляющемся в Область Войска Донского. Солдаты будут получать по 1000 рублей в месяц, офицеры — от 3 до 5 тысяч; если бы Деникин додумался до таких жалований? А то не миновать в его армии самых диких грабежей. Офицеры Колчака, приехавшие от него к Деникину, просили у него денег на обратный путь через всю Европу, Атлантический океан, Америку, Тихий океан и Сибирь. После долгих колебаний он им выдал 15.000 рублей. Любопытно, впрочем, что и французы не очень-то широки. Офицеры, едущие по особым поручениям, получают 300 франков жалования в месяц и 10 франков суточных, то-есть, 600 франков в месяц, что при теперешнем курсе (приблизительно по 3 рубля за франк) составит 1.800 рублей.

Был вечером у Райлея, читал составленную им агентскую телеграмму английскому правительству. О Принцевых островах он пишет: „приглашение это вызывает смущение

и недоразумение у всех уважающих себя русских политических партий — никто не согласится сидеть рядом с представителями власти, опирающейся на китайцев". Говорит, что если через 5 — 6 недель союзники не договорятся до сильного и планомерного военного вмешательства, то дело затянется еще на год. Надеется, что возьмутся за ум. Я спросил Райлея, правда ли, что он участвовал в заговоре летом 1918 года против большевиков в Москве.

Ответил: никогда большевики не были так близки к падению; но предатели донесли за 10 дней до намеченного дня, пришлось дело скомкать и лидеры большевиков не были арестованы. Рад падению Краснова (атаманом выбран Богаевский), которое предсказал год тому назад: „На всем Дону нет человека, который бы его уважал. Это — тупой субъект, но гениальный импрессарио".

В 3 часа заседание Бюро С. Г. О. Р. Барон Энгельгардт и белорусская делегация докладывают о миссии генерала Гальфтера; денег у него — нет, Деникин ничего не дал; а нужен, по крайней мере, миллион рублей; предлагает нажить их на продаже 150 тонн муки, которую где-то могут достать. Едут спасать Россию!

В 8 часов вечера прием у Энно по случаю бракосочетания их. Свадьба была сегодня; свидетели M-me Энно: В. В. Шульгин, кн. М. А. Куракин и генерал Гришин-Алмазов. Из церкви поехали на благословение к епископу Платону.

Ужин богатый, шумный; тосты, речи. Молодой офицер, видя среди гостей двух сестер M-me Энно, провозглашает тост за „Трех сестер". — „Ага, — заявляет громогласно Гришин-Алмазов, — знаю: пьеса Максима Горького!". Потом увязывается в горячий спор с редактором „Одесского Листка" С. Ф. Штерном, доказывая, что не стоит опираться на общественность; она лишь болтает без умолку, да ничего не делает; впредь он будет опираться только на жандармов.

Энно опять мрачно говорит о западне, которую Троцкий поставил французам и что французам есть расчет на это итти.

После ужина в 11½ приходит ко мне Виллем, сидит до часу ночи. На место Энно пришлют сюда крупного француза. Вопрос о генерал - губернаторстве Пильца решен; д'Андро будет вербовать отряды; это он, Виллем, свел Андро с Бертело, при чем сведения об Андро Виллем имел только от самого Андро, который их всех очаровал в Букаресте. Гришин-Алмазов никуда не годится и должен быть смещен; то же — и Санников. Виллем учреждает экономическое бюро при штабе оккупационной армии, но до сих пор не может получить точных указаний от Фредамбэра, что собственно должен он делать — банк ли учреждать, синдикат промышлен-

ников или что либо другое. Французы скоро начнут формировать смешанные франко-русские отряды, так как это единственный способ создать здесь Добровольческую Армию.

Сегодня началась дикая спекуляция на франки; указывают известное в Одессе трио—два одесских банкира и один киевский делец. Франк вскочил до 3 р. 60 к. Государственный банк будто бы решил продавать бланковые чеки на валюту, пока не собьют цен. Ерунда, будут сами спекулировать.

ГЛАВА V.

ПОПЫТКИ СГОВОРИТЬСЯ С ПЕТЛЮРОВЦАМИ.

У капитана Щербакова. — Морской отдел Ц. В. П. К-та. — Троцкий и Военно-Промышленные Комитеты. — Хлебный вопрос в Одессе. — На Одесской Бирже. — Письмо кн. Щербатова из Екатеринодара. — Заседание с „Национальным центром". — Андро у ген. Деникина. — Опять Петлюра. — Планы французов — смешанная Директория. — Доклад Б. Ф. Григоренко.

20 февраля. Четверг.

Барон вечером заносит к уезжающему к Колчаку капитану Щербакову письмо для Гурко в Париж; а там пьет с Щербаковым водку Гришин-Алмазов. На докладе у нас Щербаков, характеризуя роль Гришина в Сибири, говорил о нем с нескрываемым пренебрежением и просил дать ему копию протокола Ясской делегации (заседание в Одессе) с докладом Гришина, закончившимся заявлением, что спасение только от добровольцев; это заявление будет де у Колчака доказательством „измены" Гришина делу Сибирской армии. Теперь же чувствуя себя, очевидно, провалившимся у добровольцев, Гришин опять возвращается в объятия Колчака.

Говорю за завтраком с инженером Х., о подлых одесских спекулянтах, гонящих валюту; жалею, что не могу повесить главных. Х. горячо протестует, утверждая, что главные спекулянты сами французы, разжадничавшиеся благодаря возможности спускать свои франки по все большей и большей цене. Наш разговор слышит Д. С. Марголин и после ухода Х. говорит: „А Вы попали не в бровь, а в глаз — ведь Х. — один из трех китов этой спекуляции".

21 февраля. Пятница.

Французы двинулись на Вознесенск с танками.

Петлюровские министры очень суетятся по городу; приехал и генерал Греков. Французы уперлись и ставят им ультиматум — сражаться вместе против большевиков, а о политике временно забыть. Между тем работа большевиков

кипит; разведка сообщает, что из Киева присланы большевиками дешевые галоши (по 15 рублей пара) и чай (по 12 рублей фунт) для продажи в рабочих кооперативах. Безработица растет; хлеба мало.

У нас — спячка; барон окончательно застыл.

Работают у нас два-три человека, остальные — сплетничают, злятся, интригуют. Кадеты бегают на собрания социалистов, к нам не ходят, кроме одного Родичева, говорящего об одном: надо помочь хлебом союзников голодающему Питеру и Москве; а как сделать это—не знает.

Гр. X. (генерал-майор, сын нашего б. посла, генерал для поручений при Гетмане) говорит мне: — „Я примазался к поездке генерала Альфатера в Париж не из патриотизма, конечно, а потому что четыре года не видел своих".

В 3 часа заседание Бюро С. Г. О. Р. Решаем послать в Париж и Лондон несколько человек для оживления работы наших делегатов.

Ознакомил мичмана Холмского с работою морского отдела при Ц. В. П. К-те. Этот отдел создан был мною в начале 1918 года; большевистская рабочая группа под председательством рабочего Павла Ильича Судакова очень им заинтересовалась. Как странна судьба! Задолго до войны, я в качестве гласного Петербургской Городской Думы был избран представителем от города в Совет по делам Страхования Рабочих, при Министерстве Торговли и Промышленности. Председательствовал в Совете то Тимашев, то П. Л. Барк, докладывал В. Н. Литвинов-Фалинский; в рабочей группе, тоже там представленной, председательствовал П. И. Судаков. По многим вопросам завязывалась борьба между рабочими и фабрикантами, которыми руководил в Совете тонкий и умный В. В. Жуковский. На сторону фабрикантов всегда становился Министр Торговли, за которым тянулись 10 представителей других ведомств; за рабочих часто голосовал я и... растрелянный большевиками директор департамента полиции Белецкий. Судьба послала мне в Ц. В. П. К-т во время тяжелого председательствования в нем в 1918 году председателем рабочей группы того же Судакова. И в значительной мере этому обстоятельству, я полагаю, мы обязаны тем, что сносно существовали весь 1918 год. В то время, как Земский и Городской союзы уже провалились в январе 1918 года, в нашем морском отделе много хорошего было начато; между прочим нашими трудами было восстановлено дело перевозки грузов по озерам и каналам Петроградского округа.

Вообще же за этот 1918 год нами были употреблены героические усилия для спасения много-сот-миллионных военных запасов наших на всем протяжении фронта; мы

сберегли с огромным для себя риском все, что можно было сберечь, полагая, что это имущество будет использовано властью, которая придет на смену большевизму; сберегли не идя в Каноссу, отстаивая свою независимость в течение целого года, не допуская в свою среду комиссаров. Любопытен и достоин отметки следующий случай. Во время немецкой оккупации Финляндии в 1918 году, финны стали расхищать богатые морские правительственные склады русского Правительства в Гельсингфорсе и Выборге. Получив донесения наших служащих, мы решили предложить большевикам такую комбинацию: большевики объявляют, что склады эти принадлежат Ц.В.П. К-ту; этот последний, как учреждение общественное, имеет право протестовать против хищения правительством враждующей державы его частного имущества, не подлежащего реквизиции по принципам международного права. Сказано — сделано. Вооружились заключением проф. Нольде и отправились по мукам. Председатель Высшего Совета Народного Хозяйства А. И. Рыков отнесся скептически к нашей попытке — война-де война, какие тут еще принципы права. То же и Карахан, в качестве помощника комиссара по Иностранным Делам — сам-де юрист, знаю, что все это ерунда. Иначе взглянул на дело Троцкий, которого я не видел с 1906 года, со времени процесса первого Совета Рабочих Депутатов. Принял он меня крайне любезно; с двух слов понял, что нужно, велел внести дело на рассмотрение военного совета в тот же день, а через два дня было послано Рыкову заключение, в котором Троцкий находил нужным передать все казенное имущество на всем протяжении государства в частную собственность Ц. В. П. К-та, за которым он полагал необходимым сохранить впредь автономный, *общественный* характер.

22 февраля. Суббота.

В Ц.В.П. К-т обратилась сводная гвардейская часть, стоящая под Мелитополем, с заказом на седла; вместо денег предлагают пшеницу, которую надо, однако, сперва вывезти из Мелитополя. А. Литвинов-Фалинский сказал мне сегодня, что местные крестьяне ни одного пуда хлеба за деньги не дают — какова бы ни была предложенная сумма. До сих пор меняли хлеб на сахар. Сахара уже нет. Николаев и Херсон дадут за нефть, но Батум нефти за деньги тоже не дает. Он, Литвинов-Фалинский, уговорился с приезжавшим англичанином, полковником Кросс, что Батум, где у англичан 100 миллионов пудов керосина, отпустит в кредит 10 миллионов, которые впоследствии можно будет оплатить хлебом. Литвинов-Фалинский подал уже в отставку и хотел уехать немедленно в Батум для оформления этой

операции, но генерал Санников удержал его до приезда Деникинского Министра Торговли В. А. Лебедева, которого ждут в Одессе на днях. Литвинов остался ждать Лебедева, а хлеб на исходе. Через 10 дней будут съедены последние запасы. Из Николаева появились первые крысы, бегущие с корабля— местные буржуи. В Николаеве теперь пять властей: немцы (единственная дисциплинированная группа, хотя и ждущая со дня на день погрузки на пароходы для отъезда на родину), французы, украинцы, Городская Дума и... Совдеп. Этот последний прибирает власть к рукам: немцы ему подыгрывают, а французы — s'en foutent.

Видел Н. Н. Савицкого. С. Н. Маслов предложил ему стать во главе продовольственного дела на Украине. Он было согласился, да раздумал и заявил генералу Санникову, что пока не выяснится конструкция местной власти, лучше сохранять тот аппарат, что сейчас действует. А аппарат этот бездействует: Санников и Гришин-Алмазов, зная, что их участь предрешена — отдыхают; ведавший хлебом Стерлегов уволен, а энергичный полковник Эсаулов, заведывавший мясным снабжением, чувствуя, что при Санникове ему не уцелеть, тоже застыл.

Видел А. Д. Марголина: соглашение с французами будет подписано дня через два (в десятый раз), и тогда петлюровцы выпустят из тюрьмы б. гетманских министров.

Слухи о поражении французов под Вознесенском.

23 февраля. Воскресенье.

На Одесской бирже — собрание членов ее; ждут приехавшего в Одессу Министра Торговли В. А. Лебедева. Председательствует — председатель Одесского Биржевого Комитета С. М. Гутник. Гутник — министр самостийного, посаженного немцами Гетмана, принимает Лебедева, представителя Деникина, считающего самостийность государственным преступлением и опирающегося только на Антанту. Любопытна карьера Лебедева. Сперва летчик, потом инструктор школы летчиков, потом основатель маленького первого русского заводика летательных машин. А тут война и грошевый заводик Лебедева превращен при поддержке Военного Министерства в большой завод. Лебедев — миллионер, пускается в „дела". Волею судьбы (?), он становится министром Торговли и Промышленности у Деникина; пользуется фавором у генералов.

Днем слухи: французы и греки разбиты большевиками под Вознесенском; французы потребовали удаления из Одессы В. В. Шульгина; французы назначили генерал-губернатором Андро, вернувшегося сегодня из Новороссийска.

Видел мельком Андро: в Екатеринодаре М. В. Родзянко трижды созывал членов Государственных Дум, собиралось человек по 10, но тем не менее, Родзянко не признает нашей Думской группы, считая, что право представлять Государственную Думу принадлежит ему одному.

Письмо от кн. Н. Б. Щербатова из Екатеринодара; положение продовольственного дела там отвратительное; посевы не подготовлены, хлеба нет даже в Черноморском округе; на водах публика голодает. Санитарное состояние еще хуже: эпидемии свирепствуют, дезинфекционных средств нет, трупы умерших, пленных красноармейцев выбрасываются из вагонов прямо на полотно железной дороги. Англичане на Кавказе — полные хозяева и косо смотрят на вмешательство добровольцев. Но морскую базу в Новороссийске им устраивают — присылают солдат, офицеров, налаживают транспорт. Деникину присланы уже артиллерия, снаряды, мулы. Деникин всецело в руках генерала Романовского. Переезд штаба в Ростов, повидимому, решен, хотя из Ростова публика бежит, банки вывозят свои депо и книги.

Французы начинают сомневаться в достоинствах украинско-галицийской армии: сегодня между Раздельной и Бирзулой на конвоировавшийся петлюровцами поезд напали разбойники и дочиста ограбили всех проезжих.

24 февраля. Понедельник.

В 11 часов заседание Бюро С.Г.О.Р. с Бюро „Национального Центра“ (от последнего — Н. К. Волков, Ф. И. Родичев, П. П. Юренев и Н. К. Григорович-Барский). Дебатируется компромисс: директория с главнокомандующим во главе, пользующимся неограниченными правами в армии, в том числе и правом, которое по Полевому Положению принадлежит государю — правом назначения и увольнения высшего командного состава. Социалистические группы готовы включить в директорию Деникина ex officio, согласны предоставить ему право единоличного назначения и увольнения лиц высшего командного состава. П. П. Юренев предлагает поставить вопрос так, чтобы сделать разрыв с социалистическими группами неизбежным, так как Н. К. Волков, приехавший из Екатеринодара, удостоверяет, что на директорию там ни в каком случае не пойдут. Наше Бюро склонно согласиться с Юреневым, так как ясно, что никакая директория теперь не поможет, а тем более, раз на ее проведение надо будет затратить не один месяц переговоров с Деникиным. События требуют решений действенных, немедленных, а мы... Проклятое прошлое вековое отстранение интеллигенции от активной политической работы,

привычка применять кредо своего газетно-журнального участка к живым вопросам жизни, узость добросовестного убеждения в непререкаемости исповедуемой доктрины... Какое счастье будет для России, если буря отстранит от влияния на ее политику наше поколение политических деятелей и из обломков этого старого, искалеченного, измученного, обесцвеченного поколения, среди мук, слез и лишений создаст новое, твердое, с меньшей дальнозоркостью, но более отчетливым знанием близкого, с меньшим горением, но с большей цепкостью, прямо скажу, более пошлое, тэр-а-тэристое поколение небольшого душевного размаха деловых людей американско-европейского типа, которые поддерживают величайшие государственные образования мира — английские колонии и С.-Американские Штаты. Ведь слово „деловой" и сейчас еще звучит в устах российского интеллигента синонимом „дельца", афериста, а на Западе „деловой" человек — это лучшая рекомендация для занятия любой должности, для завоевания самых высоких постов в иерархии демократического представительства...

В $1^1/_2$ доклад у нас Д. Ф. Андро. Он был у Деникина с французскими офицерами, по просьбе Бертело, давшего ему четыре поручения: настаивать на едином командовании всеми силами Юго-Запада с сосредоточением его в руках французов, на организации гражданской власти под руководством французов, на немедленном свидании с Бертело и на организации смешанных русско-французских частей на Юго-Западе, как это сделали на Западном фронте в первые годы войны — англичане, американцы, а потом и Греция. (Эти отряды организуются так: из кадра в 100 французских офицеров и унтер-офицеров назначают сперва по одному французскому офицеру и унтер-офицеру на каждого русского офицера и унтер-офицера в каждую боевую единицу и часть; затем при разворачивании из такой основной единицы и части новых частей — новых французов уже не вводят, и следовательно, их становится все меньше и меньше в каждой данной части по мере увеличения числа войсковых единиц). Сперва Андро был принят Драгомировым, который высказался отрицательно по всем четырем вопросам и сказал Андро: „Я надеюсь, что по вопросу о смешанных войсках Вы дали французам должный отпор!". — „А как я мог", говорит Андро, „дать отпор, когда французы мне рассказали, что русский военно-полевой суд оправдал по настоянию Одесской Городской Думы двух женщин, распространявших среди французских солдат большевистские прокламации и арестованных с поличным". Далее Драгомиров прибавил, что добровольцы никогда не согласятся на оккупацию, а Лукомский сказал: „Как же Вы хотите, чтобы

у нас удержались хорошие офицеры, если Вы будете давать усиленные оклады в смешанных отрядах". Деникин согласился из четырех предложений только на... свидание с Бертело в Констанце, которое предположено дней через 10.

Здесь, в Одессе, Андро видел у д'Ансельма телеграмму Деникина, объявляющего, что всякий русский офицер, который пойдет в смешанную франко-русскую армию, будет предан военно-полевому суду (хороший способ вести с союзниками „дипломатические" переговоры). По этому поводу д'Ансельм, волнуясь, заявил, что никакая работа с добровольцами невозможна; положение же в Одессе — отвратительное. На днях у коменданта Порталя была симулирована кража, все документы перерыты (вспоминаю, что у меня в номере пропала книжка с адресами и телефонами); то же — у Коростовца вчера днем.

Положение Ростова — угрожаемое; по сведениям д'Ансельма, он может через три дня пасть. Отношение Кубанского правительства к Деникину, напротив, теперь несколько лучше, говорят, Деникин идет на уступки. Краснов и начальник его штаба Поляков скрылись из Новочеркасска переодетыми, повидимому, им не безопасно оставаться у себя на Дону. На Дону — отчаянная агитация большевиков, потом — усталость и разочарование вследствие неудач, а также недоверие к генералу Деникину и его штабу. Штатские люди в Екатеринодаре — Нератов, Маслов, Чебышев, разделяют мнение Щербатова и Андро о необходимости уступок французам — генералы нет.

Особенно рассчитывать на кубанцев Деникин не должен. Один боевой офицер Добровольческой армии говорил Андро: „Лучшие атаки против большевиков у нас бывают 15 числа, казаки знают, что утром 15-го каждого месяца большевики получают жалование". Среди офицеров Добровольческой армии в Екатеринодаре свирепствует две болезни: спекуляция и кокаин. (Учитываем, что Андро, связавший свою судьбу с французами, недостаточно объективен, но и сам Деникин говорил Трубецкому о развращенности тыла, даже в его ставке). Отношения между добровольцами и англичанами — натянутые. Англичане объявили независимость Грузии и не пускают туда добровольцев. Между грузинами и добровольцами уже были стычки. Всего англичан на Кавказе тысяч десять.

Сыпной тиф свирепствует на Кубани. От него умер генерал Н. И. Иванов, заболел генерал Врангель; ежедневно умирает в Екатеринодаре человек полтораста. Говорят о санитарном диктаторе.

Вчера Андро был у Фредамбэра, тот показал ему бумагу, подписанную Петлюрою от имени Директории, содержащую

три пункта: во-первых, Петлюра признает сделанные Директориею ошибки и отдает себя всецело в распоряжение благородного французского народа; во-вторых, в ведение французов передается на все время борьбы с большевиками все военное, гражданское, финансовое и политическое управление; в-третьих, украинцы надеются, что после победы над большевиками, французы поддержат на мировом конгрессе их законные национальные стремления. Сегодня Фредамбэр показал эту бумагу, бывшему у него В. Шульгину: „Ведь это полный разрыв с добровольцами“, сказал Шульгин. Фредамбэр пожал плечами и махнул рукой. Украинский посланец Галип, высланный из Одессы французами, как австрийский шпион, был арестован Директорией в Виннице за плохое исполнение возложенного на него поручения. Но ведь Директорию предупреждали не раз, что в Одессе знают прошлое Галипа.

Под Вознесенском было дело так. Французская разведка наткнулась на сильные части большевиков, которые стали обстреливать французов. Они отступили и послали парламентеров — полковника с несколькими солдатами; их тоже обстреляли. В Вознесенске будто бы прибыло 25 поездов с большевиками (?). И французы уже поговаривают о том, что придется бросить мысль об увеличении зоны оккупации, ограничиться Одессой, Николаевом и Херсоном с прилегающей территорией в пределах пушечного выстрела.

Мобилизация, по мнению Андро, возможна; хлеборобы пойдут, если будут верить в мобилизующую их организацию, — думает, что за ним пойдут скорей, чем за добровольцами (не пойдут, разумеется, ни за ним, ни за добровольцами). В прениях в С.Г.О.Р. я сказал: „Я ушел от большевиков, так как чувствовал себя в Совдепии кроликом, над которым в большевистской лаборатории делали социальные эксперименты, а здесь я себя чувствую кроликом, над которым добровольцы делают политические эксперименты. Я не вижу особенной разницы между тем и другим положением и одинаково не приемлю ни того, ни другого“.

Все — Родичев, Вл. Бобринский, Хрипунов — за то, чтобы поставить ребром вопрос о добровольцах. Барон говорит: „Мы французов ругаем за бездействие, англичан — за то, что забирают себе кусок России, а чего мы, собственно, хотим сами, никто из нас и не говорит. Сейчас надо решить твердо и ясно, с кем мы идем: с французами и, быть может, с Петлюрой, или с добровольцами, и надо этот вопрос решить не в плоскости национального самолюбия, а в плоскости непосредственной опасности: мы рискуем отдать из-за нашей нерешительности и безалаберности все

южное побережье большевикам. События начинают проходить мимо нас".

Далее барон сообщает, что сегодня был у него некто Григоренко, монархист, украинский землевладелец. Его призывал Фредамбэр и предложил ему, крестьянину С. и комунибудь из более лево-настроенных украинцев войти в Директорию, вместе с Петлюрой и Макаренко (Винниченко и Швец уже вышли из Директории). Это будет временной Директорией, недели на две, пока Петлюра и Макаренко будут сдавать дела; потом в Директорию войдут вместо них великороссы.

Григоренко ответил, что не может решить этого вопроса, не спросив предварительно заключения С.Г.О.Р., так как, не опираясь ни на какую общественную организацию, он не может быть полезным (очевидно, работа хлеборобов уже далеко зашла, а мы ничего толком ведь не знаем; впрочем, барон, повидимому, больше знает, чем говорит).

Встретил в гостинице В. А. Лебедева — Деникинского министра; все тот же, выглядит мальчишкою, жесты решительные, походка быстрая; вокруг него, как дельфины вокруг корабля, питерские дельцы. Вместе „спасают" Россию.

Н. К. Волкова видел; не возвращается больше к добровольцам, едет к Колчаку в Сибирь.

Заходил генерал Шварц, он говорил вчера с А. И. Гучковым, который получил от Деникина благословение на поездку в Германию для набора из военнопленных армии под командованием генерала Гурко, у которого генерал Альфатер будет помощником. Генерал Шварц с ним не едет („Так мне сделал предложение, что я решил остаться").

В 6 часов зашел Виллем — в ужасе: „все рушится, все погибает, политика изменяется в корне..." Я спрашиваю: „неужели Клемансо умер?" — „Нет, добровольцы не идут на уступки, а мы ведь не англичане, мы не хотим итти в разрез с мнением русских".

Спрашиваю банкира И. С. Ксидиаса, как сошел прием на бирже министров Лебедева и Бернацкого? — С. М. Гутник приветствовал их торжественной речью, как носителей идеи единой нераздельной России.

В 9 часов назначено заседание Бюро с Б. Ф. Григоренко. Осведомляемся о его биографии. Узнаем: киевский землевладелец среднего размера, чиновник канцелярии генерал-губернатора по землеустройству, потом по болотоосушению: во время войны — уполномоченный по сдаче хлеба министерству земледелия. При гетмане служил в ведомстве министра земледелия Колокольцева; с университетским образованием; член киевской монархической организации; бежал из Киева при приходе петлюровцев.

Приходит Григоренко: говорит связно и дельно, сдержан, с выдержкой. Рассказывает, что французскому командованию, он, повидимому, рекомендован своими приятелями французами, работавшими на юге. Фредамбэр предложил ему сегодня войти в Директорию с Петлюрою во главе. Лично для себя он не считает приемлемым Петлюру, это он решил окончательно. В отношении к добровольцам он готов был бы работать с ними, но здесь на юге они не пустили корней, непопулярны и с ними будет трудно. Например, добровольцы здесь обращаются с нескрываемым презрением к „сердюкам“ (за то, что они поддерживали Гетмана), а между тем „сердюки“ одни сражались в Киеве против петлюровцев. А, например, отряды Святополка, бежавшие из-под Киева, но не скомпрометировавшие себя с точки зрения добровольцев, ими здесь охотно принимаются.

Родичев произносит патетическую речь: французы ничего не дали, ввели в заблуждение добровольцев, обманут теперь и других, уверяя, что пойдут с ними. Не повторяйте ошибки Милюкова, искавшего опоры у иноземцев; требуйте от французов поддержки добровольцев в Екатеринодаре.

Его поддерживает Е. Н. Трубецкой; считает нас нереальными политиками, ибо французы сами ничего не делают, а приглашают сражаться других.

Я. — Без союзников мы вряд ли что-либо сделаем; но помощь России непопулярна за границей; другое дело, если французы в Париже будут поставлены в необходимость помогать не русским, а самим же французам, засевшим по самую шею в русские дела; а для этого надо предоставить французам сделаться временно хозяевами положения.

Барон. — Насколько добровольцы бездарны, как администраторы, можно судить уж потому, что Кубанское правительство запретило вывоз хлеба из Кубани, и Деникин, сидящий на Кубани со своей армией, не может отправить хлеба даже в занятую добровольцами Черноморскую Область.

Ф. И. Родичев. — Не верьте слухам; вот Андро говорит, что генерала Эрдели арестовали в Батуме и отправили с конвоем в Баку, а Н. К. Волков утверждает, что генерал Эрдели добился в Батуме даже того, что англичане разрешили вывезти ему из батумских складов военное имущество, вопреки несогласию Лондона.

А. М. Масленников. — Защита Добровольческой армии „Национальным Центром“ — это самозащита кадетов. Они монополизировали Деникина и вне его не видят суверенных прав на Россию. А почему Родичев не затрачивает своего красноречия на то, чтобы убедить своих же кадетов Набо-

кова и Винавера уйти из Крыма и безо всяких договоров передать его добровольцам? Родичев боится, что мы, уступая французам, потеряем русский суверенитет. Суверенитет приобретет та армия, которая окончательно разобьет большевиков и возьмет Петроград с Москвою и тогда суверенитет будет восстановлен каким-нибудь народным собранием.

Гр. В. А. Бобринский. — Не собранием, а молебном.

А. С. Хрипунов. — Англия и Америка не считают для себя зазорным смешанные армии с французскими офицерами, почему это зазорно для русских?

Принимаем резолюцию для Григоренко: заявить французам ультиматум — Петлюра неприемлем; надо сделать еще одну попытку склонить Деникина к соглашению с французами; идущее с французами войско должно считаться русским, а не украинским. Практически: быть завтра у д'Ансельма, поговорить с Бернацким, поговорить по прямому проводу с кн. Щербатовым, который еще в Екатеринодаре.

ГЛАВА VI.

ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ СГОВОРИТЬСЯ С ДОБРОВОЛЬЦАМИ.

Пересмотр вопроса о добровольцах в пленуме С.Г.О.Р. — Адмирал Канин о совещании при Деникине. — Доклад Бернацкого о финансах у Деникина. — Провал „Принцевых островов". — Барон у д'Ансельма. — Неудавшаяся встреча Деникинских министров с ген. д'Ансельмом. — У сахарозаводчиков. — Доклад полк. Веденяпина о добровольцах в Таврии. — Н. Е. Тесленко о Крымском правительстве. — М. В. Бернацкий и одесские деньги.

25 февраля. Вторник.

В 11 часов заседание Бюро С.Г.О.Р. Решаем послать депутацию к Деникину и Бертело, чтобы помешать разрыву французов с добровольцами.

В 3 часа заседание пленума С.Г.О.Р. — 33 человека.

Барон делает общий доклад. Деникин прислал телеграмму, что не может приехать в Констанцу на свидание с Бертело. Григоренко видел Фредамбэра, передал ему наше решение; Фредамбэр заявил, что временно он вынужден сохранить Петлюру, ибо один Петлюра может остановить вывоз из Украины в Галицию ценностей, подвижного состава, вооружений и пр., что соглашение с Деникиным невозможно, все меры исчерпаны и Деникин не назначает времени для свидания с Бертело хотя бы приблизительно.

Гр. И. И. Капнист сообщает, что на докладе Григоренко полтавским хлеборобам, эти последние высказались против Петлюры; но и на добровольцах они не настаивают, боясь оставить край слишком долго без власти.

За Петлюру высказывается С. Е. Крыжановский и Гр. Алексей Бобринский: надо быть реальными политиками; добровольцы это только символ, а французы с Директорией — реальность; в трудные минуты идут на соглашение и не с такими людьми, как Петлюра.

Затем за поддержку добровольцев, независимо от возможных последствий, говорят М. В. Брайкевич, М. В. Челноков, В. В. Пржевальский, кн. Е. Н. Трубецкой, проф. Бил-

лимович и проф. Малинин. За необходимость пересмотра вопроса о добровольцах — А. М. Масленников, А. С. Хрипунов. Я указываю на то, что добровольцы не есть единственный источник власти — они только географически ближайший к нам; кроме них, и с таким же юридически-ничтожным основанием, ведь претендует на власть и Колчак. Если мы находим, что Деникин плохо выполняет свою задачу, или может ее выполнить хорошо только у себя на Кубани, то вопрос решается соображением целесообразности — патриотизм здесь не при чем. Мы все время критикуем французов, а поставьте себя на их место; они ведь люди новые, а что у нас видят и слышат? Взаимное недоверие, подкопы друг под друга. Полковник Фредамбэр говорил мне как-то, что он провел много лет в Аннаме и думал, что аннамиты — худшая разновидность политиков, теперь он видит, что ошибался. Вы упрекаете французов в том, что они не умирают здесь за нас. А французы спрашивают, сколько в Одессе людей, способных носить оружие? При населении в 800.000 ведь не менее 100.000. — Где же они? — „Почему же вы хотите, чтобы наши Поли и Пьеры, чудом уцелевшие в четырехлетней войне за свою родину, за свои домашние очаги, умирали здесь, когда сто тысяч русских граждан, способных быть солдатами, валяются в перинах, объедаются в кондитерских пирожными, волочатся за девицами“. А тот факт, что эти сто тысяч русских человек не хотят взяться за оружие, чтобы защищать родину от большевиков, разве не заставляет думать французов, что они, помогая нам, делают непопулярное, ненародное дело? Надо бросить болтовню и критику. Попробуем еще раз сговориться с Деникиным; если это не удастся — не беда, есть и другие выходы.

Собрание одобряет нашу тактику.

В 7½ часов обедаю с адмиралом В. А. Каниным и его начальником штаба, капитаном 1-го ранга гр. Келлером (сыном убитого генерала). Канин подтверждает, что В. А. Лебедев задержал транспорты, направленные французами в Салоники за греческими войсками для Одессы из-за того, что такое распоряжение транспортами нарушает права Добрармии. Как ни убеждал Канин, бывший тогда в Екатеринодаре, этого не делать — не помогло. И только здесь, в Одессе, генерал Саннинков, по настоянию д'Ансельма, согласился послать эти транспорты в Салоники. Деникин всецело в руках Лукомского, смотрит ему в глаза и не подписывает ни одной бумаги, даже предлагаемой ему Каниным, если видит в глазах Лукомского неодобрение. В Совещании при Деникине силу забрал М. М. Федоров — горячится больше всех.

Спрашиваю Канина о неприятном деле эксплоатации паровых шкун, в свое время реквизированных у владельцев их для военных надобностей и находящихся в руках добровольцев. Почему-то вместо эксплоатации этих шкун морским или каким-либо иным ведомством, было решено передать их эксплоатацию частному товариществу будто бы с участием в нем адмирала Канина.

Канин сообщил, что план эксплоатации шкун частным обществом возник под влиянием неразберихи, существующей в морском ведомстве и министерстве торговли; но когда он узнал, что $^4/_5$ участия в этом обществе приобретены инженером N., лицом, близким министру В. А. Лебедеву, он, Канин, отказался от участия в деле, а затем, приняв пост морского министра, затормозил его.

Советуюсь с Каниным, как уладить конфликт между Деникиным и французами. Советует послать людей в Екатеринодар переговорить сперва с Лукомским, Драгомировым, Федоровым, а потом только с Деникиным. Деникин не может теперь ехать в Констанцу, так как генерал Врангель заболел сыпным тифом. У Деникина на днях был немецкий адмирал из Николаева, жаловался, что французы отказываются перевозить немцев на родину, несмотря на честное исполнение ими обязанности поддерживать порядок.

Встретил коменданта Порталя; он в отчаянии — разрыв с добровольцами неизбежен, но французы не хотят сами взять власть; русские должны дать ее им, иначе им остается только уйти. Всю интимную историю конфликта с добровольцами знает Андро-де-Ланжерон — „De qui nous n'avons pas de secret!“. Французы не заняли Вознесенска; положение в Одессе отчаянное — в ней 40—50 тысяч людей, имеющих оружие, готовых в любой момент поднять восстание „Et nos troupes sont travaillées“.

В 9 часов вбегает гр. Алексей Бобринский; получена телеграмма от Петлюры, что он все бросает и едет в Галицию; значит петлюровцы рассыпались, катастрофа приближается — большевики скоро докатятся до Раздельной.

В $9^1/_2$ часов — сообщение Бернацкого о финансовом положении на Юге. Прямые налоги дают гроши, для косвенных нет товаров, кроме водки, и то в ограниченном количестве. О займах и думать нельзя. Остается только печатать новые деньги. До сих пор один только станок работал — в Ростове н/Д. Но он работал и для Дона, что ставило Добрармию в зависимое положение и до сих пор она могла получить лишь 125 — 150 миллионов рублей. Крымское правительство без ведома и согласия Добрармии и в ущерб ей заключило договор с Ростовом о печатании для Крыма денег и тем еще более стесняет добровольцев

в получении их. Уничтожить сразу старые деньги нельзя из-за крестьянского населения, у которого их масса; приходится ждать появления новых и заказать их в Англии или в Америке. Он, Бернацкий, решил объявить украинские „гроши“ недействительными, так как они были заказаны в Германии на сумму 13 миллиардов; было перехвачено радио из Берлина к Петлюре, чтобы посылал вагоны за готовыми $3^1/_2$ миллиардами (остальные также скоро будут готовы); принятие в платежи этих грошей ставило бы казну в зависимость от Германии. Он послал телеграмму с указанием, с какого срока гроши не принимаются — телеграмму переврали, опущена была вторая часть — о сроке, и получился крайне тяжелый для населения сюрприз, что гроши уже не принимаются. Правительство решило создать Государственный Банк, соединивши все доступные его конторы на Юге, объединить операции, финансировать предприятия. Он, Бернацкий, будет легко давать разрешения на новые банки и синдикаты. Свободная торговля немыслима, надо регулировать и сырье и продукты. Екатеринодар готов затрачивать любые суммы для снабжения населения хлебом и мясом. Когда все наладится здесь и он уедет в Екатеринодар, то оставит лицо с очень широкими полномочиями, так как он сторонник децентрализации. Мегаломанов в Екатеринодаре среди генералов — нет, среди гражданских советников — немало. Французами в Екатеринодаре — крайне недовольны. Подозревают Фредамбэра в денежной нечистоплотности (Бернацкий говорит: „Фредамбэр, по-русски скажем — Фрейденберг, лейтенант Эрлиш — по-русски просто Эрлих“). Уверен, что за действиями французов кроется немецкая интрига. К Краснову приезжал какой-то французский капитан Фокэ и обещал ему войска союзников, если он подчинится адмиралу Франшэ д‘Эспере. Уступить французам нельзя; „в худшем случае — пусть погибает Одесса: добровольцы останутся на клочке земли и оттуда победят“.

Мы все протестуем против легкости, с какою Бернацкий, сидя в Екатеринодаре, готов жертвовать Одессой; говорим, что его наивный добровольческий фанатизм не убедит на всем Юго-западе никого даже и из числа искренних приверженцев Добрармии. Я советую, чтобы все три, находящиеся сейчас в Одессе, добровольческие министры (адмирал Канин, Лебедев и Бернацкий) вместе с Санниковым посетили д‘Ансельма и успокоили французов. Барон будет завтра в 9 часов утра у Фредамбэра и в 12 часов — у д‘Ансельма и предупредит их о свидании с министрами. Затем предлагаю ускорить назначение сюда А. И. Пильца генерал-губернатором. Бернацкий соглашается на первое, молчит о втором: обещает заняться завтра улажением кон-

фликта с французами. С англичанами у них ладно — получили уже пушки, снаряды, пулеметы и мулов; но нефть — в английских руках.

26 февраля. Среда.

С. Е. Крыжановский вчера сказал: „Через Деникина кадеты уже теперь готовят себе путь к центральному правительству в завоеванной Москве", а П. Н. Переверзев прибавил: „Я до сих пор не понимаю острой ненависти к кадетам, которую всегда к ним питал Н. Д. Соколов, теперь я его понимаю".

Получена телеграмма от В. А. Маклакова на наш запрос о Принцевых островах: никогда никто и не думал приглашать туда партии или общественные организации; приглашались только правительства. Теперь же все это падает, в виду отказа Сазонова и Чайковского. Эпопея закончена — остался только неблаговонный след от вызванных ею интриг.

В 9 часов барон у Фредамбэра. Выслушивает от него новый вариант — Петлюра не входит в Директорию; с добровольцами же все кончено; показывает барону кипу бумаг — все это недоразумения с добровольцами. Готов ждать 48 часов для улажения конфликта, а потом французам останется только уйти.

В 12 часов барон с кн. Е. Трубецким у д'Ансельма. Все время бранится: „qu'est ce que je puis faire avec Deniquine, qui me pète tout le temps dans les jambes; tout les monde se foutra de moi". Последние три дня было очень неспокойно, но теперь все в порядке — начали прибывать эшелоны греческих войск, а потом будут и французские. В Николаеве тоже спокойно. Д'Ансельм не понимает, почему Деникин претендует на власть на Украине; тут дело Петлюры, а не Деникина.

Барон разослал письма с приглашением на 9 часов вечера к себе — Бернацкому, Лебедеву, Канину; все уже ответили согласием.

Вдруг получается письмо от Бернацкого с отказом приехать. Еду с бароном к Бернацкому объясняться — оказывается, Санников обиделся, что его не приглашают и Бернацкий бастует из солидарности с ним. Барон объясняет, что он не приглашал Санникова, считая, что ему, как генералу, подчиненному Деникину, неудобно разговаривать с французами об ошибках своего начальника. Бернацкий заявляет, что он не имеет полномочий от своего правительства вести какие бы то ни было переговоры. Уламываем; обещает приехать, если Санников приедет. Барон едет к Санникову — тот сперва категорически отказывается, потом соглашается, если будет присутствовать при беседе

и д'Ансельм; не желает унижаться до беседы с полковником Фредамбэром; издевается над неудачами и претензиями французов. Говорит, что страхи французов пред якобы приближающимися большевиками сильно преувеличены: большевики еще очень далеко.

В час завтракаю с комендантом Порталем. Больше не о чем разговаривать с министрами Деникина, все ясно, и либо Деникин согласится на предложение французов, либо разрыв и тогда уход французов, которым здесь нечего больше делать. Они не хотят поступать как англичане, которые захватывают территории; к тому же англичане имеют дело не с русскими, а с независимой Грузинской Республикой. Устройте, бога ради, какое-нибудь правительство (можно и без социалистов); французы немедленно его признают и будут с ним работать. Тогда в неделю будут организованы смешанные русско-французские части и можно будет начать активную борьбу с большевиками. Затем надо будет немедленно послать в Париж депутацию человек в 10—15, в том числе и нескольких настоящих крестьян (а не представителей партии, которая защищает крестьянские интересы). Хорошо бы послать и пролетариев — рабочих, прислугу, которые пошли бы во французские синдикаты заявить, что народ не солидарен с большевиками, ибо во Франции уверены, что интервенция затея одной буржуазии. „Торопитесь созданием правительства. Вы сделаете истинно патриотическое дело: увидите тогда, как закипит работа". По поводу поездки с капитаном Бертело в Екатеринодар рассказывают, что „Национальный Центр" устроил им там заседание, при чем „un Monsieur qui parlait tout le temps" доказывал им, что не французы победили немцев, а русские, так как немцы погибли от микробов большевизма, который развивался на русском организме. Скромный и воспитанный Порталь прибавил: „Разумеется, можно защищать и такую точку зрения, но есть вещи, которые не следовало бы говорить в той обстановке".

Сам Порталь заявил своему начальству просьбу об отпуске на родину; он 4 года не был во Франции, сильно тоскует; у него нет времени ничем другим заниматься, кроме службы; весь день ходит публика — все предлагают верные рецепты для спасения России.

В 3 часа заседание в союзе сахарозаводчиков; убеждаю их в необходимости собрать деньги для посылки новой делегациии в Париж для ускорения присылки помощи. Все благодарят за речь, за сообщаемые сведения. Киевский богач, крупный сахарозаводчик X. говорит: „Вот только беда — денег у нас нет — кое что захватили при бегстве из Киева на прожитье, а тут еще придется из Одессы бежать". Вы-

хожу с заседания с Даниилом Балаховским, который говорит мне: „X. a perdu une occasion unique de se taire, этот бедняк вчера проиграл в карты 300,000 рублей, а вместе с прежде проигранными — больше миллиона". Сахарозаводчики все же решили собрать тысяч двести, а со всеми другими промышленниками вместе — миллион. Разумеется ничего не соберут.

В 9 часов — заседание С.Г.О.Р. Барон докладывает о попытках свести французов с представителями Деникина. Фредамбэр показывал ему телеграмму Санникова с угрозой Деникина отдать под суд офицеров, которые пойдут в смешанные отряды. Фредамбэр готов подчиниться решению С.Г.О.Р.

„Ваша воля для меня закон, так как Вы в Яссах пригласили нас сюда". Затем он показал барону донесение английского вице-консула в Херсоне о запрещении, изданном Добровольческой Армией, продавать хлеб и другие продукты союзникам. Далее сегодня утром французы хотели послать пароходы, бывшие до сих пор в их распоряжении, в Батум за нефтью: но команда парохода отказалась туда итти, так как пришло от начальника порта уведомление, что из Екатеринодара нет разрешения на выход этого парохода из порта, а есть угроза, что экипаж парохода, который уйдет без разрешения Деникина, будет предан военно-полевому суду. „Деникин так ведет себя по отношению к французам, как будто бы мы были воюющие стороны". (И подумать, что будь сам Деникин с Добровольческой Армией здесь — он не позволил бы себе по отношению к французам и сотой доли того, что позволяет себе теперь, находясь в сфере английского влияния, вне видимой зависимости от французской помощи).

Д'Ансельм произвел на барона впечатление насвистанного дрозда, расположенного к русским, но крайне раздраженного. Заявил, что политикой не занимается — требует только одного от политических деятелей: чтобы не были реакционерами. „Драгомиров один из тех, что ничему не научились, ничего не забыли — это настоящие люди из Кобленца", говорит он (как и генерал гр. Келлер, замечает кн. Е. Трубецкой, он тоже говорил, что политикой не занимается, для него есть лишь воля государя императора, вот и все). Возражать д'Ансельму не приходилось — лился неудержимый поток, нельзя было слова вставить. Соглашение с добровольцами допускает лишь в оккупированной области, где есть представитель Деникина; разговаривать же с ним об Украине, где его представителя еще нет — абсурд. В Николаеве немцы перешли на сторону большевиков — была опасность потерять Николаев, но теперь приходят туда союзнические войска.

П. Н. Переверзев встретил вчера А. Марголина; жалуется, что французы подвели их: „Мы им предоставили все — и войско, и управление, а они нам указали на дверь“.

Выясняем наконец, кто начальник здешних французских войск, все не могли понять: не то Бертело, не то Франше д'Эспере; сегодня Порталь объясняет, что Франше начальник всего восточного фронта — ему подчинен Бертело по русскому и румынскому фронтам и другой какой-то генерал по Австро-Венгерскому фронту. Объясняется также, почему капитан Фукэ обещал несчастному Краснову помощь Франше д'Эспере — он перепутал телеграммы: помощь была обещана не Краснову, а Деникину на Юго-Западе.

Решаем поговорить подробнее с Бернацким, который один из представителей Деникина в Одессе производит впечатление человека с добрыми намерениями. Генерал Санников — старый канцелярист на все отвечает: „сведений не имею“, „донесение ко мне еще не поступило“.

Генерал Арцишевский — начальник снабжения Одессы, прислал в Ц.В.П.К-т своего чиновника-интенданта, предлагает заказ на несколько тысяч седел. Спрашиваем, почему нет ответа на поданное нами три недели назад заявление о готовности нашей работать попрежнему на снабжение армии? — О бумаге забыли, генерал де очень занят. А мы знаем, что никто ни черта не делает, да и снабжать здесь некого — никакой Добровольческой Армии нет.

У Масленникова был сегодня Шеншин, приехавший с Кубани и Дона. Во всей Добрармии негодование, почти ненависть к союзникам; Донская армия разгромлена из-за отсутствия обмундирования; из присланной в Новороссийск партии сапог — отобрали только 50 пар пригодных. Из Сочи и Гагр шли призывы к добровольцам — грузины противились этому и англичане их поддержали.

По словам репортера „Одесского Листка“, интервьюировавшего Санникова, он поддерживает кандидатуру Брайкевича на пост министра у Деникина. Челноков говорит, что Лебедев уже на четыре пятых не министр. На его место сядет Брайкевич.

Говорят на Пересыпи (предместье Одессы) — начало еврейских погромов. Днем в городе убит выстрелом председатель местного отдела Союза Русского Народа — Радзевич. Порталь говорит — pot bouille.

27 февраля. Четверг.

Доклад офицера Добрармии — полковника Веденяпина.

Из Екатеринодара был отправлен небольшой кавалерийский отряд (600 человек) в Таврию (3 северных уезда Таврической губернии — Мелитопольский, Бердянский и

Днепровский, не входящие в состав территории, состоящей в ведении Крымского Правительства). Инструкция была дана такая: очистить Таврию от Махновских и Петлюровских банд, произвести набор; власть гражданскую устанавливать не к чему, в Таврии есть комиссар еще со времени Керенского с тремя помощниками по уездам и демократические земские управы, а также уездные, волостные и городские управления. В Мелитополе отряд был встречен представителями земства и города и финансовым комитетом, объединяющим представителей от союза земельных собственников (имеет ячейки в волостях и селах), торгово-промышленного блока, союза учителей и союза инвалидов. Приветствовали тепло; рады, что пришел, наконец, хозяин; все стоят за „единую“ Россию, все измучены хозяйничанием крикливых подонков, просят поскорее взять все в свои руки. Правда, большинство населения заняло выжидательную позицию — виды видали, а 600 кавалеристов не бог весть какая солидная гарантия длительного спокойствия. Земство тоже недолго оставалось в благоприятной для Добрармии позиции и чуть ли не с первых дней возбудило вопрос о присоединении Таврии к территории Крымского правительства. С трудом переубедил их финансовый к-т — надо сохранить власть за одною Добрармиею, пока она не справится с шайками. Одною из первых мер начальника отряда была выработка декларации населению о целях, которые преследует Добрармия; созвали на совещание в Мелитополе представителей земств и городов; просили их содействия — обещали; финансовый к-т сразу скептически отнесся: „Вы де не знаете наших демократических учреждений“. И, действительно: напечатанное в Мелитополе обращение — офицеры сами его там расклеили — дальше Мелитополя и не пошло; почта никуда его не доставила; и пошли языки чесать о фантастических целях Добрармии, об ее реакционном характере и т. п. Вызвали правительственных комиссаров — те были, по крайней мере, откровенны и заявили, что они охотнее помогут Петлюре, чем Добрармии; а потом добровольцы узнали, что комиссары находятся уже в сношениях с Петлюрой. Тогда добровольцы, плохо осведомленые о положении вещей, запрашивают представителя Добармии в Симферополе, на каком счету Петлюра? Отвечает: с ним война. Передали ответ этот комиссарам и одновременно настойчиво просили Екатеринодар убрать их совсем, поставить во главе Таврии начальника кавалерийского отряда с советом из членов Союза земельных собственников (!), объявить Таврию территорией Добрармии и, таким образом, осуществить первый опыт управления Добрармией русской территории (а Черноморская область и Ставропольская гу-

берния?). В Екатеринодаре это не встретило сочувствия; ответили: „воюйте и не вмешивайтесь в местную жизнь“. Решили приступить к мобилизации — район для этого исключительно благоприятный: в одном Мелитопольском уезде, если брать по одному человеку на каждое крестьянское хозяйство (а у большинства более тридцати десятин), получалось 15.000 человек; а немцы колонисты в одной волости дали 1500 хороших кавалеристов; лучший контингент везде был 20-го года, так как они еще не воевали (старые унтер-офицеры приходили и просили, чтобы их принудительно набирали — за добровольное поступление на службу могут впоследствии поплатиться жизнью). Начали готовить организацию для правильного набора; из Екатеринодара торопят: набирайте скорее и притом 16, 17, 18 и 19 годы (19-ый самый плохой, войны не видел, видел только развал армии). Пришлось приступить к набору через волостных агентов — из первой же волости извещают: агенты работают не за добровольцев, а против них. Послали офицера, собрали волостной сход; сход решил: солдат не давать. Послали карательный отряд, стреляли в воздух, объявили, чтобы немедленно явились к набору; пришли, сообщают: мы сразу хотели, да вот такие то — имя рек — отговаривали. Созвали протестующих — они заявили, что будут и впредь протестовать — их тут же расстреляли. Через несколько часов толпа валила в комиссию. Через несколько дней то же проделывается в соседней волости.

В Крыму мобилизация совсем провалилась — вместо нескольких тысяч человек к набору пришло человек 60. Представитель Добрармии генерал Корвин-Круковский объявил мобилизацию без согласия Крымского правительства — смещен по требованию этого последнего; сдал должность генералу Боде. Во всех областях жизни удалось добиться порядка только решительностью. Пример. От Мелитополя идет Токмакская железная дорога; к югу от Мелитополя начинается территория Крымского правительства. Потребовалось как-то съездить в Симферополь; железнодорожное начальство говорит: паровозы испорчены, угля нет. Поставили во главе дороги полковника с 15 офицерами и дали железнодорожному управлению три дня сроку — спрятанный уголь нашелся, скоро появились и машинисты с паровозами и линия заработала. Веденяпин как то в вагоне-салоне поехал по срочному делу в Симферополь; до Сиваша все шло благополучно, потом начались остановки: уголь де плохой; послали на паровоз капитана-инженера, паровоз тотчас же пошел и всякий раз, как он останавливался, появление офицера быстро приводило паровоз в действие. Решили, что, если придется продвигаться вперед из Таврии, следует

обязательно удерживать в своих руках гражданскую власть, так как всякое промедление в осуществлении поставленных задач — дискредитирует военную власть.

Забастовщики и митингующие элементы в первые дни попрятались, но поощренные травлею, которую начали издававшиеся в Крыму газеты против добровольческого отряда, опять подняли голову. Решили запретить доступ крымских газет в Таврию, а местную прессу взяли в свои руки, не позволив ей касаться Добрармии. Вскоре комиссар Таврии к удовольствию местных жителей бежал. Организовали полицейскую стражу в селах из немцев и украинцев, потребовали сдачи оружия от населения; разумеется, лучшие элементы сдали — подонки сохранили. Из сел (а там есть села в десятки тысяч жителей) приходили жалобы: шайки в 30-40 человек терроризируют целое село, просили уничтожить их, обещая потом создать самооборону. К сожалению, самообороны нельзя было создать, так как оружия не хватало и на мобилизованных: призыв делали спешно, да и пришло больше чем ожидали, так что ни вооружить, ни одеть нечем.

Конскую мобилизацию произвели облегченную; решили платить за хорошую верховую лошадь минимум 1200 рублей, за артиллерийскую — 1100 рублей, да за обозную плохую — 1000 рублей наличными (а бедному крестьянину еще дополнительную плату). Неделями ожидали утверждения цен из Екатеринодара; население с недоверием ждало платы; так и до сих пор не дождались утверждения сметы; пришлось платить на свой риск. Те суммы, которые были в распоряжении отряда — были найдены в кассах совдепов.

Проф. Бернацкий прерывает замечанием, что мародерство — серьезный источник доходов Добрармии и на Кубани.

Одежды тоже не было для призывных; решили использовать местные средства; собрали сходы — выяснилось, что все местное население, стар и млад, ходит в казенной военной одежде; постановили являться на призывы в своей одежде; ничего не вышло: стали приходить в ни к чему негодной рвани.

Ко времени прихода Добрармии в Мелитопольской тюрьме содержалось около 100 большевиков; вскоре следственная комиссия, состоявшая из севастопольских матросов, освободила почти всех; пришлось уволить комиссию и назначить военно-полевые суды.

Добрармию, куда бы она ни пришла, встречает радушный прием, ибо подавляющее большинство населения жаждет сильной власти; но очень быстро престиж ее улетучивается, ибо она боится решительных действий: „Чем мы слабее, тем более мы должны показывать свою силу“. И, быть может,

будущая единая Россия явится от большевиков, решительных, ни пред чем не уступающих — мы же раскисли и мало на что способны.

Вопрос создания сильной Центральной Власти — вопрос будущего. Сейчас надо создавать и укреплять власть хотя бы в маленьком масштабе, на маленьких территориях. Во всяком случае ясно одно — для успеха Добрармии нужно одно из двух: или чтоб к ее приходу уже сорганизовалась какая-нибудь благоприятствующая ей власть, или чтоб ей самой было предоставлено ее организовать.

Снабжение все идет из Екатеринодара — волокита и канцелярщина. Отряд хотел устроить в Мелитополе бронированный поезд; поехали в Симферополь, потребовали броню и пушки; ответили: „Вам по штату не полагается“. Отправились в Севастополь — там сказали: „у нас все есть, что вам нужно — достаньте разрешение“. Получили его уже после того, как было заготовлено два поезда.

Заходил сегодня Н. В. Тесленко. В Симферополе М. М. Винавер и В. Д. Набоков говорили ему, что смотрят на свое правительство, как на предназначенное для создания министров для Всероссийского Правительства; при расширении отвоеванной от большевиков зоны их правительство распространит и на нее свою власть, и, таким образом, при успехе, дойдет и до Москвы. Для характеристики внутренней и внешней беспомощности Крымского правительства, Тесленко привел такой случай. С большим трудом в Крыму задержали несколько десятков убийц и грабителей, наводивших ужас на Евпаторию: заключили их в башню, где они неделями ждут суда и могут, при первом колебании власти, очутиться опять на свободе. В. Д. Набоков объяснил: „Их надо судить судом присяжных заседателей, а где найти 12 героев, которые решились бы их осудить?“—Зачем же вы не вводите чрезвычайного положения и не предаете их военному суду, — спросил Тесленко. „Мы дали слово при создании правительства (вероятно, социалистам), что не будем управлять при помощи чрезвычайных положений!“.

Но в то же время, когда командир 175 французского полка (в Севастополе) издал постановление о предании военно-полевому суду всех посягающих на общественную безопасность и потребовал напечатать и расклеить это постановление, приказ был немедленно исполнен.

Вся наша затея с раутом для Бернацкого, Лебедева, Санникова, д'Ансельма и Фредамбэра провалилась. Утром д'Ансельм прислал письмо барону, заявляя, что опасается вмешательства во внутреннюю политику и потому не придет. Об этом барон написал Санникову, а я поехал сказать Бернацкому, который также отказался притти, заявив при этом,

что разрыва с французами из-за этого не будет и что угроза их уйти — физически невыполнима — транспортов де не хватит (глаза его весело засверкали и можно было прочитать в них заявление, что в случае чего — транспорты можно и угнать заблаговременно). А потом пришло письмо и от Фредамбэра, что в виду отказа генерала и он не считает возможным вмешиваться во внутреннюю политику.

Поговорил с Бернацким о деньгах, необходимых для рациональной постановки агитационной работы на Юге-западе, ссылаясь на его обещание сыпать одесскими миллионами на все полезное; просил для С.Г.О.Р. несколько миллионов на агитацию и один миллион на работу в Париже. Об агитации сказал: „Теперь все зависит от Парамонова — он министр пропаганды, телеграфируйте ему“. — А где же Ваша децентрализация? — „Я не могу распоряжаться чужими кредитами“. — Но по телеграфу нельзя ни подробно мотивировать ходатайства, ни точно изложить плана, да к тому же телеграфное сообщение прервано со вчерашнего дня. — „Пошлите по радио и просите Парамонова мне телеграфировать согласие, я отпущу средства“.

„А на поездку в Париж?“ — Это ведь тоже агитация. — „Не в России, а во Франции, к тому же для Добрармии это также важно, как и пушки. Подумайте, в каких условиях протекает наша борьба с большевиками путем печатного станка. Они затрачивают сотни миллионов на это, а вы останавливаетесь перед несколькими“. Напоминаю, что трехдневный визит петлюровцев в Одессу стоил Одесскому казначейству 50 миллионов рублей, что по тогдашнему курсу составляло 20 миллионов франков. „Ведь с несколькими миллионами франков мы бы достигли очень многого в Парижской прессе. Что вы сможете сказать в свое оправдание, если Одесса падет и несколько сот миллионов, которые сейчас имеются здесь в казначейсгве, попадут к большевикам? Ведь, если это случится, Вы никак не оправдаетесь перед русским обществом. Если Вас удерживает недоверие к С.Г.О.Р., давайте придумаем другую организацию, но надо сейчас же начать работать; парижанам надо тоже немедленно послать денег и, во всяком случае, надо отвезти запасы их на французский дредноут“.

Подумал и сказал: представьте докладную записку.

Вернувшись домой, тотчас же составил докладную записку, где развивал известные теперь детям соображения о значении пропаганды в деле борьбы с большевиками: барон подписал и записку отправили. Уверен, что ничего не даст.

В рядах наших смущение по поводу coup d'Etat готовящегося хлеборобами. Гр. Стенбок-Фермор, гр. Капнист, И. Н. Балабан, А. С. Хрипунов склонны к решительным

шагам; барон предлагает нам устраниться и выпустить вперед хлеборобов, которые охотно повторят Гетманщину.

Задумываюсь над словами Порталя — „предложите нам правительство, какое хотите, мы его поддержим". Не толкают ли нас на разрыв с Добрармией, чтобы получить оккупацию без ее видимости?

Гр. Стенбок-Фермор в восторге от генерала Грекова; говорит, что украинцы жалуются на французов, которые мешают им расправиться с анархией. По словам генерала Грекова, генерал Гутор в Киеве призывал офицеров в ряды Красной Армии — как носительницы идеи единой России, предлагал по 15.000 рублей подъемных.

Зашел кн. Шаховской (зять С. Г. Лианозова). Рыхлый полный мужчина, лет 55, депутат четвертой Думы. Его арестовали в Кисловодске, взяли в белье ночью в чрезвычайку; по дороге выскочил из автомобиля, когда проходили лесом, и скрылся. Добрался почти голым (был мороз и глубокий снег) до аула и там благополучно переждал. Тогда же казнили генерала Рузского (будто бы накануне принятия им приглашения поступить в Красную Армию).

Виделся в 9 часов с П. Я. Тикстон (председатель торгово-промышленной группы С.Г.О.Р.). Он был сегодня у д'Ансельма. Тот выразил желание видеть Бернацкого, который у него до сих пор не был. Тикстон будет настаивать на его визите к д'Ансельму, — все же он представитель Антанты. Какое несчастие для нас и для Добрармии, что французы находятся лишь на той территории, которую Добрармия считает, повидимому, только тяжелым придатком к собственной.

Вчера в Беляевке большевики захватили 14 французов, которые пришли на помощь маленькому отряду Добрармии, разбитому и бежавшему с потерями 4 человек убитыми (все это в 35 верстах от Одессы).

Пришли опять греки; их посылают в Николаев заменить немцев.

ГЛАВА VII.

ФРАНЦУЗЫ НАСТАИВАЮТ НА НЕМЕДЛЕННОМ СОЗДАНИИ МЕСТНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

У полк. Фредамбэра. — На собрании одесских финансистов. — Кн. Е. Н. Трубецкой и гр. И. И. Толстой. — Фредамбэр требует немедленного создания местного правительства. — Выборы делегации в Екатеринодар. — Французы соглашаются сорганизовать местное правительство в виде совета при французском командовании. — Радио от Пишона, не признающее политической власти добровольцев. — Заседание у „Национального Центра". — Дело с.-д. Темкина. — А. И. Гучков об организации пропаганды у Деникина. — Выход В. Бобринского из С.Г.О.Р. — Расстрел одиннадцати. — Военные операции французов. — Настроения французов. — Конец совместной работы четырех организаций.

28 февраля. Пятница.

Утром встречаю А. А. Червен-Водали (б. управляющий делами торгово-промышленного союза в Москве) и Н. К. Волкова. Оба были в Екатеринодаре; оба признают здешнюю его политику глупой. Санников никуда не годен. Советую скорее выписать Пильца, как фигуру, необходимую для налажения хороших отношений с французами. Обещают поговорить с Бернацким.

В 12 часов был у Фредамбэра, который сказал, что вчера не пришел потому, что не хотел без генерала путаться в политику. С Директорией дело улажено. В Директорию войдут: проф. Швец и Макаренко из прежних, Григоренко, Сидоренко (?), Любанович (?) из русских; первые — лишь недели на две. Министерство будет из украинских социалистов-федералистов, согласных на трехцветный флаг с украинским в углу, в знак федерации. Если Деникин не уступит, то французы распространят власть Директории и на Одессу с ее зоной.

Фредамбэр просит немедленно создать здесь правительство с благословения Деникина, но с подчинением французам; и если это будет устроено, то власть его будет распространена и на Украину, где упразднится Директория. Согласен на то, чтобы во главе правительства был Пильц.

Я взялся поговорить с Бернацким о необходимости вызвать сюда Пильца и просил Фредамбэра пока ничего не предпринимать. Был у Бернацкого, сообщил о разговоре с Фредамбэром, как о доказательстве того, что неулаженный конфликт с Добрармией толкает французов на фантастический план; что пригласив Пильца генерал-губернатором, как лицо, которому французы верят, Добрармия удачно выйдет из затянувшегося конфликта. Он одобрил мысль о Пильце, сказал, что у него будет Н. К. Волков через полчаса и завтра к 6 часам вечера он мне сообщит, что они предпримут для смягчения конфликта. Завтра он будет у генерала д'Ансельма. Спрашивает, кто назначил полковника Маркова градоначальником, не Пильц ли? Я сказал, что он ему был навязан Гришиным-Алмазовым.

Был в 4 часа на собрании финансистов: были З. Е. Ашкенази, А. Р. Хари, Высоцкий, Эпштейн, И. И. Эфрон, гр. Алексей и Андрей Бобринские, Г. Э. Вейнштейн, Д. Г. Балаховский, барон Меллер-Закомельский, Демченко. Против посылки новой делегации в подкрепление старой, в которой буржуазия представлена почти одними реакционными элементами высказался гр. Алексей Бобринский — это де обидит первую делегацию, да в Париже и так уже лучшее, что есть в России (Гурко и Шебеко?)

Банкиры говорили, что денег нужны десятки миллионов, а с 2—3 не к чему ехать, что сил там достаточно (а 14 банкиров и промышленников едут в Париж, где и без них их куча). Мы с бароном разбили их аргументы; собрание решило соединить их делегацию — у нее три миллиона рублей — с нашей, но при условии, чтобы мы дали тоже около миллиона рублей. Французы пока не выпускают промышленников — их 14 человек вместе с семьями и прислугой выросли в 40. Очевидно готовы соединить свои миллионы с нашим, потому что без нас не получат виз за границу.

К барону заходил офицер, приехавший из Берлина. Там работают две организации: одна с кн. Шаховским во главе, другая с Дерюгиным (депутат-монархист). Денег у первой много. В Берлине будто бы около 5.000 офицеров (?). Отобрано 35.000 человек из числа 600.000 военно-пленных для организации армии для движения на Запад России. Немецкое правительство усердно помогает, хочет передать этой армии часть того оружия, которое от него требуют союзники. Французы обещали пол миллиона франков, но пока ничего не дают. Главнокомандующим считается генерал Юденич, который теперь в Стокгольме.

Вечером был у меня барон Хрипунов и Е. Трубецкой. Кн. Е. Н. Трубецкой охотно рассказывает циничные анекдоты в стихах и прозе, пикантные полковые воспоминания. Вто-

рой раз встречаюсь с людьми высокой культуры, целомудренной мысли и чистой жизни, бравирующих цинизмом в анекдотах. Помню, как меня поразил покойный гр. И. И. Толстой (б. министр Народного Просвещения при Витте, многолетний вице-президент Академии Художеств, Петроградский Городской Голова, известный археолог и нумизмат), когда в вагоне железной дороги между Питером и Парижем (в мае 1914 года, когда мы ехали вместе с группою гласных Петроградской Думы в Париж, на муниципальные празднества) стал рассказывать невероятно циничные анекдоты, произнося все слова полностью и ставя точки над i. Я не мог скрыть своего удивления, над которым милый гр. Иван Иванович долго хохотал. А духовный облик его был также высок и чист, как у кн. Е. Н. Трубецкого. После этих анекдотов в вагоне меня уже не поразил следующий факт. Париж нас чествовал пять дней обедами, завтраками, раутами у Президента (Пуанкаре), парадами, аэропланными состязаниями и речами, речами без конца. И вот, когда на последнем прощальном обеде, данном нам и ста делегатам Англии, Бельгии и Испании в Гранд-Отеле, кончился поток официальных речей, гр. Толстой неожиданно попросил у председателя разрешения сказать несколько слов по русски своим товарищам по делегации (мы все восьмеро русских сидели за отдельным столиком против стола, где заседал президиум). Получив разрешение граф встает и говорит нам по русски несколько никчемных слов: вот, господа, мы много видели нового, кое-что, нам пригодится, а много такого, чем не стоит воспользоваться; время провели хорошо и т. д. все в таком роде. Мы недоумеваем. Вернувшись домой, спрашиваем графа, в чем дело. „Тоска взяла меня, объяснил Иван Иванович, когда объелся этой официальной фразеологией, захотелось по русски продернуть их всех матерными словами; картина, не правда ли: пышный салон, главы муниципалитета столиц мира, англичане в красных и лиловых мантиях. с горностаями и золотыми цепями; а я встаю и говорю (следуют смачные слова). Да потом, когда мне было предоставлено слово — страх обуял: а вдруг кто-нибудь из иностранцев знающих русский язык поймет!“

1 марта. Суббота.

В 11 часов Бюро С.Г.О.Р. П. А. Текстон рассказывает о своем визите к д'Ансельму с Бернацким. Д'Ансельм говорил в смягченных тонах о необходимости скорейшего соглашения с Деникиным, о желательности передачи гражданской власти Пильцу. На дороге обратно Бернацкий говорил Тикстону: „Что то слишком говорят о Пильце, нет ли тут какой французской интриги?“

В 11 часов Фредамбэр прислал офицера просить к нему. Иду в штаб; с места в карьер спрашивает: „ну, что, образовали уже правительство?“ Развиваю опять проект интерима с Пильцем. Одобряет и соглашается ждать. С Директорией не ладится, так как министры Петлюры протестуют против его исключения, а Григоренко настаивает на этом. Министры обещают устранить Петлюру позже, просят не форсировать.

Украинские войска борятся с большевиками и продвигаются опять к Фастову (сводка Грекова). Возбуждаю сомнение в достоверности сведений Грекова. „Нет“, говорит Фредамбэр. „Меня можно подвести в гражданских вопросах, в военных — никогда“. Для проверки его военных сведений спрашиваю: „А в Жмеринке как обстоит дело?“ — Наш комендант там, хотите поговорить? Вызывает службу связи — конфуз: комендант не в Жмеринке, а много ближе к Одессе — на Раздельной.

В приемной у Фредамбэра видел ожидавшего там А. И. Гучкова. Спрашиваю Фредамбэра: „Это Вы вызывали Гучкова, он ждет в приемной?“ — Какой Гучков, кто это? — Объясняю. „А ему можно доверить, не обманет?“

Возвращаюсь, сообщаю Бюро С.Г.О.Р. разговор с Фредамбэром; решаем послать делегацию в Екатеринодар к Деникину; выбираем барона, кн. Куракина, М. В. Челнокова, А. М. Масленникова, С. А. Хрипунова, архиепископа Арсения и гр. Алексея Бобринского, решаем просить у французов миноносец. Посылаем к Фредамбэру: — говорит: „не для этого миноносцы; впрочем, запросим Константинополь“.

В 3 часа приходит Демченко; необходимо сговориться о дальнейшем, медлить нельзя; надо поговорить с Андро, он в курсе многого, чего мы не знаем. Соглашаюсь на свидание. В 5 часов гр. Стенбок-Фермор предлагает то же самое — как будто сговорились; рассказывает, что третьего дня на съезде хлеборобов девяти губерний, было человек 150; настроение было чисто деникинское; Григоренко там провалили, назвали петлюровцем; председательствовал крестьянин, тем не менее выбрали „комиссию для выяснения вопроса о Директории“ с Андро во главе. Останавливаются на таком плане: три члена Директории и министерство в зоне оккупации на юге; севернее же ст. Раздельной пока ничего; на петлюровцев махнули рукой. Составляют список министров, мне предлагают финансы. Говорю, нужно подумать, лучше подождать попытки сговориться с Деникиным и попробовать организовать совещание при французском командовании.

Телефонирую в 6 часов Бернацкому — прошу ответить о Пильце; просит подождать до понедельника — не со всеми

еще переговорил; о миллионах на агитацию опять предлагает телеграфировать Парамонову (а провод не действует).

В 8 часов приходит приват-доцент Шацкий. Говорит, что Парамонов зовет его в Екатеринодар для постановки агитации в Лондоне и Америке; вызван и Родичев, который уже уехал. Родичев, благородный Родичев, но давно уже лишенный гибкости и подвижности, приглашается товарищем министра пропаганды против большевиков — (Троцкий и Родичев антогонисты — символическая картина). Подходит к нам В. А. Лебедев. Говорим о Военно-Промышленном Комитете; спрашивает, нельзя ли добыть санитарное снаряжение, в Екатеринодаре ужасы антисанитарии.— „Почему же санитарная служба не организована?“, спрашиваю. — Там был сын Родзянко, ничего не сделал, уехал, а теперь там никого. Возьмитесь Вы за это дело. — „Туда поехал Н. В. Дмитриев“, говорю я. А ведь обидно — в течение 3½ лет войны всю душу вложил в дело военной санитарии, люблю и знаю это дело. Для изучения постановки его в обстановке боя объехал летом 1916 года всю линию фронта от Риги до Эрзерума, был на передовых позициях, наблюдал бои. И если бы серьезно предложили — сейчас поехал бы. Но, конечно, не предложат, я ведь не „свой“.

Заходил Б. А. Гуревич. Рассказывает, что когда приехал в Севастополь английский адмирал Кельтон, к нему отправились с визитом Набоков и Винавер, как крымские министры. Кельтон заявил: „не имею полномочий признать крымскую самостийность“ и только ссылка Набокова на адмирала Джелико смягчила Кельтона.

2 марта. Воскресенье.

Опять Фредамбэр просит меня притти — и опять вопрос— готово ли правительство? При этом заявляет, что из Франции пришло требование не признавать никаких местных властей и рассматривать Добрармию, как союзническую армию, а не как правительство. „Таким образом“, говорит Фредамбэр, „Вас не должна теперь стеснять Добармия, как правительство. И если Ваш С.Г.О.Р. не образует правительства, я передаю власть городу“.

Далее читает письмо к представителю Франции в Крыму об образовании смешанных бригад, на которые якобы есть словесное согласие Крымского правительства. Из Херсона Фредамбэр получил предложение петлюровцев образовать смешанные бригады; согласен и с ними образовывать их. Наконец, телеграфирует Деникину о немедленной присылке в Одессу чехо-словаков, которые у него на фронте (около 12 тысяч человек?); взамен пришлет ему здешних добровольцев.

Я настаиваю на том, чтобы не рвать с доброльцами и предлагаю остановиться на организации совещания при французском командовании, которое будет служить посредником между ним и Деникиным и стимулом для Санникова. Фредамбэр сомневается в целесообразности этого совета, думает, что на него не пойдет д'Ансельм и настаивает на правительстве. Я говорю, что нужно подождать ответа от Бернацкого о Пильце, обещанного на завтра. Опять прошу у Фредамбэра миноносец для наших; отказывается, жалко угля для бесплодной поездки. Спрашиваю, даст ли мне и сыну моему визу во Францию, обещает, завидует мне; говорит, что сам рад бы уехать из этого бедлама.

В 2 часа заходит ко мне А. И. Гучков; подробно рассказывает о своем плане, одобренном Деникиным. От Деникина Гучков в восторге, от окружающих мало; крупных людей там нет, их, очевидно, боятся. Толку в общем мало. Для особенного оптимизма оснований нет.

Вечером барон сообщает о положении вопроса о совещании при французском командовании: в три часа Фредамбэр звонил к нему и передал, что д'Ансельм согласен на совещание; просил зайти в 7 часов. Барон был в 7 часов у Фредамбэра и потребовал согласия Бертело на устройство такого совещания; Фредамбэр согласился испросить согласие. О членах будущего совещания обещал поговорить завтра. Барон в общем одобряет: предлагает в совещание Балабина, Ильина, Хрипунова и меня. Барон был утром у Гришина-Алмазова, просил для организации пропаганды антибольшевизма 100.0000 рублей. Гришин обещал. Он же показывал барону письмо от Пильца, который еще не видел Деникина; будет принят им лишь после того, как согласится занять пост товарища министра Внутренних Дел. Просят вызвать его из Екатеринодара в Одессу через французов.

Скверные вести из Херсона. Артиллерийский обстрел города со стороны большевиков; пришлось послать миноносец. Откуда так неожиданно пробрались большевики? Порталь смотрит очень мрачно и утверждает, что если через 3—4 дня не начнется формирование местной армии, все погибнет.

3 марта. Понедельник.

В Херсоне дела поправляются; большевики отогнаны. Греки идут в бой, кажется, вяло, — а на них последняя надежда.

Утром был генерал Шварц — он не верит в возможность создания в зоне оккупации значительной армии путем набора — время упущено.

Звонил Бернацкому — он ничего еще не решил относительно Пильца и вообще занят другим; чем — узнал, когда

вернулся от него барон, которого я просил туда съездить. Оказывается, д'Ансельм получил радио от Пишона (о котором говорил мне Фредамбэр), в котором подчеркивается, что Добрармия — только союзническая армия, а не местное правительство, и показал его журналистам; те донесли Бернацкому. Тогда он решил, что он больше не министр и что барон приехал сообщить ему именно об этом. Обсуждаем положение. Барон окончательно соглашается на совещание при французах, рекомендует туда еще Капниста и Масленникова. На счет приглашения социалистов — по его мнению, опасно; пойдет опять канитель времен Керенского, и все окончательно погибнет.

Пришел Андро — просили его сходить к д'Ансельму и узнать о радио от Пишона; если им Добрармия устраняется от управления — дело значительно упрощается и можно попробовать сговориться с левыми относительно совещания при французском командовании.

Кн. Е. Трубецкой был у епископа Платона, чтобы заручиться его предстательством перед д'Ансельмом для получения миноносца с целью поездки в Екатеринодар. Епископ просил подождать до завтра.

Генерал Шварц сообщил со слов капитана из свиты адмирала Канина, что получена вторая телеграмма от Деникина о его приезде в Констанцу через несколько дней. Послал к Канину — ничего подобного.

Зашел в 3 часа Порталь; он еще не видел парижского радио, о нем ничего ему Фредамбэр не говорил; а когда сам Порталь заговорил о нем, то сделал вид, что не знает и сказал: „c'est courieux!" Порталь посоветовал для учреждения совета заручиться согласием не только одного Бертело, как мы предполагали, но еще лучше и Парижа, для чего нужно быть у д'Ансельма и передавши ему текст нашей телеграммы в Париж, поставить ему ультиматум: либо он отправляет немедленно нашу телеграмму в Париж, либо мы отказываемся от организации Совета.

Вечером видел Андро; он был у д'Ансельма; оказывается, что и д'Ансельм сам не видел телеграммы из Парижа, но моряки, как передают, получили такое радио. Обращаюсь ко всегда хорошо осведомленному английскому агенту Райлею, — он слышал о телеграмме но лишь завтра узнает, достоверна ли она; сомневается.

В 8 часов вечера Национальный Центр устраивает в Кадетском клубе (Пушкинская, 19) заседание. Присутствуют: М. В. Бернацкий, генерал А. С. Санников, барон А. А. Червен-Водали, Н. К. Волков, Н. В. Тесленко, М. В. Брайкевич, С. Ф. Штерн, П. Я. Тикстон, А. В. Пешехонов, М. В. Бернштам, кн. Е. Н. Трубецкой. Председательствует М. В. Челноков.

Санников докладывает по поводу нашумевшего радио Пишона; он расспрашивал о нем д'Ансельма — этот заявил, что радио он не видел, да вряд ли оно и существует, но что-то такое было де месяца два назад. А. Бернацкий говорит со слов Благова (ему Фредамбэр сообщил), что телеграмма есть; выходит, что бюро французской прессы, сообщившее Фредамбэру и журналистам об этой телеграмме, что то напутало. Решаем образовать комитет из 4 лиц, по одному от каждой из 4 организаций для правильного информирования этих 4 групп, а заодно и союзников.

Тесленко спрашивает, в чем, собственно, спорные пункты между французским и добровольческим командованием?

Отвечает генерал Санников — все просто, мило, никаких конфликтов, все улаживается (флегма, невозмутимость, инертность, корректность).

Пешехонов (угрюмо, решительно): — власть Добрармии здесь нам навязана, принесена на острие штыков: без нее обойдемся; пусть она занимается своим военным делом.

Фундаминский: — без общественной опоры Добрармия ничего не сделает; нужно содействие общественных организаций.

Шульгин, наклоняясь ко мне: — уже ведь испробовали министерство общественного доверия, они опять его хотят.

Я: — напрасно хают французов; не имея ни с чьей стороны помощи, они поневоле хватаются за петлюровцев, схватятся и за большевиков.

Брайкевич: — политика французов убийственна, но и добровольцев тоже.

После резюме Челнокова говорит Бернацкий: ознакомившись с положением вещей на месте, он вырабатывает проект наместничества на Юго-Западе (открыл Америку) с большею степенью независимости, затем с горечью добавляет, что он ожидал горячей поддержки Добрармии, а слышит только критику ее. Челноков спешит извиниться, ссылаясь на то, что скомкал резюме. На самом же деле против политических поползновений Добрармии говорили многие, а за — никто.

По возвращении в 12 часов спрашиваю барона, стоит ли нам все таки хлопотать о совете при французском командовании; ответ — „конечно".

4 марта. Вторник.

В 11 часов у Порталя. Рассказал, как неправильно освещает Фредамбэр требования французов; Порталь утешил: „лучше разобрать дело в Париже; Вы скоро там будете, воспользуйтесь пребыванием там, чтобы разъяснить истинное положение".

Я собственно пришел просить Порталя о некоем незнакомом мне с.-д. Темкине, схваченном с французскими большевистскими прокламациями. По словам Бунакова и Рутенберга, он — меньшевик; мне о нем ночью телефонировал Фундаминский, прося поторопиться, дабы не свершилось неправосудное дело. Порталь ответил, что градоначальник Марков (он же Модль) расстреливает русских большевиков без суда, французы же всегда предают их суду.

Жалуется: „Вот Вы все требуете от нас, французов, чтобы мы поддерживали порядок, а когда в кои веки арестуют большевика, начинаются бесконечные просьбы и ходатайства; вот об этом Темкине уже приходил просить Брайкевич. А между тем послушайте, что это за тип". И тут же соединяется по телефону с военным следователем французов и дает мне вторую трубку; слышу, как следователь сообщает, что Темкин пойман с большевистской прокламацией, которую он читал матросу; арестованный утверждает все же, что он не большевик, что прокламация случайно попала в его руки от незнакомых людей — ему де всунули ее, и что, когда он „для себя" читал ее, к нему подошел матрос и заинтересовался тем, что он читает. „Не дурно?" говорит Порталь.

Далее Порталь сообщил, что поймали наконец какого то главу большевиков и накрыли большевистскую типографию, где печаталась большевистская газета на французском языке. Показывает номер этой газеты.

Был за французским паспортом для себя и сына у поручика Биго. Утром с ним говорил Порталь: он сказал, что не запрашивая Парижа, даст паспорт немедленно. Счастлив, что уезжаю и увожу мальчика из этого ада.

В 8 часов приходит А. И. Гучков — доволен, получил визу французскую и английскую. Едет через неделю. Думает, что большевики не захватят Одессы, что не победят и Колчака, но и Колчак не победит их; что если скоро не справятся с большевизмом в России, — Запад треснет, так как на Западе самочувствие народа после войны скверное. Ведь царство Божие не наступило, земли новой крестьяне не получили, легких заработков тоже нет, пропитание и сырье вздорожало и недовольство и разочарование, вследствие несоразмерности того, что получено, с тем что пожертвовали — будет все больше и больше.

Днем сегодня хоронили трех расстрелянных. Красные знамена, ленты, шествие рабочих по Дерибасовской. В городе голод и холод.

Гучков говорит, что министерство пропаганды в Екатеринодаре учредили по настоянию генерала Пуля, рассказавшего что в Англии победа была одержана поддержанием духа

армии и населения путем агитации, причем не щадили денег. Деникин решил, что и у нас нужно сделать то же самое. Для этой цели остановились на Гучкове, послали ему телеграмму; не разыскав, обратились к Н. Парамонову. Тот принял и обратился для организации агитации за границей к Бурцеву и В. Г. Короленко. Короленко, конечно, отказался; тогда — к Родичеву. Денег Парамонову ассигновали 25 миллионов, но он не знает, как приступить к делу организации. Решил создать пять оффициозов в городах; вообще мечется, да к тому же в данный момент и денег еще нет. Гучков рекомендовал Эрвина Гримма, — тот согласился, но ему пришла телеграмма задержаться, из-за событий в Новочеркасске и на Дону.

5 марта. Среда.

Был утром у Биго — взять наши паспорта; обещал приготовить в два-три дня и прислать в гостиницу. Все как то не верится, что так скоро. У англичан заявили, что запросят о визах в Лондоне, пройдет 2 — 3 недели.

В 11 часов заседание Бюро С. Г. О. Р. Гр. В. А. Бобринский устроил скандал, — никто де у нас ничего не делает, слухи идут о сотнях тысяч, затраченных на газету (в газетах заявление союза журналистов, что барона Меллер-Закомельского вызывают в третейский суд); нужно всему бюро уходить в отставку. Барон отвечает с достоинством (несчастный ведь напутал с газетой и трудно ему сознаться в этом), но все же говорит, что когда он ближе познакомился со взглядом одесского еврейского населения (а евреев здесь тысяч триста) на „Новое Время“, имя которого вызывает в памяти евреев ужасные картины погромов, он понял, что издавать в Одессе газету с крупными сотрудниками „Нового Времени“ во главе — непоправимая политическая ошибка.

В. Бобринский все же подает заявление, что покидает Бюро и оставляет за собой право объяснить в прессе о мотивах ухода.

В 1 час приходит Гучков. Бодрится, весел. Сердце его лучше, но не то, что прежде. Мечтает войти с армией в Петроград. Подсмеиваясь надо мною, говорит: „а ведь будет еще черта оседлости и процент при приеме евреев в учебные заведения“.

В 2 часа пришел проф. И. Х. Озеров — хочет ехать в Париж организовывать пропаганду. Привел его гр. А. А. Бобринский, обещавший быть у Бернацкого и просить денег на его поездку.

Епископ Платон прислал сказать, что не поедет в Екатеринодар и никого от себя не пошлет. В. Бобринский

говорит, что третьего дня епископ сказал ему: „Взял бы палку и выгнал бы всех вас из Лондонской гостиницы". И я сделал бы охотно то же самое.

Заходил Д. Ф. Андро; хлеборобы вчера на своем собрании вынесли резолюцию о необходимости большего сближения русской армии с французским командованием; Фредамбэр не дождется, когда Добрармия уйдет; Санников завтра уезжает. Он, Андро, жаждет организации какой-нибудь власти здесь, вроде Крыма или Дона. Наши понемногу начинают понимать, что это неизбежно, — но размазни, не люди дела.

В Херсоне плохо; французы ловят в море корабль с греками, идущий из Салоник, чтобы направить его прямо в Херсон без захода в Одессу; посылают туда же крейсер.

Большевикам удалось прервать сообщение между Херсоном и Николаевым. Заходил в 6 часов Порталь, уверяет, что все же в Херсон большевиков не пустят. Боится завтрашних похорон новых жертв растрела (три) — среди них одна француженка, заведомая большевичка. Вартовцы собрали все трупы растрелянных за разные преступления за эту ночь, (в общем 11 человек, причем из 11 растрелянных — восемь за грабежи и налеты и только три политических), сложили их всех в одном месте, под стеной еврейского кладбища; немедленно создалась легенда о расстреле большой группы случайных гостей у трех девушек портних. Легенда эта подхвачена прессою и в городе естественное возмущение. (Не думаю, чтобы это была только „легенда"). Порталь вызывал Брайкевича и просил его похоронить расстрелянных ранее назначенного часа. Брайкевич обещал поговорить с Санниковым. Порталь спрашивал, не будет ли столкновений с населением: „В Париже несколько гробов вместе — это обеспеченная революция", а теперь в Одессе к тому же 3000 рабочих забастовало.

Энно уезжает в субботу; барон уверен, что он действует крайне вредно, толкает французов на разрыв с Добрармией, чтобы потом доказывать, как безумны были французы, устраняя его; рад, что, наконец, избавляется от этого честолюбца. Не разделяю опасений барона; Энно никакого влияния на французское командование не имеет.

Получена телеграмма от Н. Н. Шебеко: едет сюда с семьей; из-за этой телеграммы задерживаем отравку курьеров в Париж: курьерами намечают кн. Е. Н. Трубецкого и меня.

Барон показывал мне письмо, написанное ему профессором Кишенским. Профессор протестует против устройства заседаний бюро С. Г. О. Р. в номере „еврея Маргулиеса". — „Совет Государственного объединения и еврей Маргулиес!", пишет

он. Барон говорил с нашими; решили собраться у меня и в следующий раз. Мой номер, большой, светлый, единственный удобный для заседания 30—40 человек. Кишенский из группы В. Шульгина.

6 марта. Четверг.

В 11 часов у меня генерал Шварц. Уезжает в воскресенье в Париж, оттуда в Сибирь. Не хочет оставаться для работы в совете при французском командовании. — Жалко.

Приходил подпоручик гр. Бобринский (сын Андрея Бобринского); такой же маленький, застенчивый, корректный. Приехал с офицерами из Таврии заказывать седла без денег. Хотят заплатить мукой, но не могут пока доставить доказательства, что она у них есть. Думали достать денег у Санникова; не дает.

Гр. А. Бобринский просил опять у Бернацкого денег на поездку делегации в Париж. Опять направил к Парамонову.

В 3 часа заседание пленума. Гр. В. А. Бобринский не явился. Барон доложил инцидент с Вл. Бобринским, нам выразили полное доверие. Решили отправить делегацию к Деникину, но не из семи лиц, а из трех; разумеется, никто не поедет и опять ничего не выйдет.

Приходил Андро; я сказал ему, что генерал Шварц уезжает. Впал в уныние, тоже запасается паспортом. Гр. Капнист также не хочет итти в совет и просит помочь ему достать паспорт. Вся публика в ожидании паспортов раскисла. А слухи о прибытии новых войск растут; администрация как будто тоже налаживается. Похорон сегодня не было,— утром рано увезли трупы на кладбище и похоронили.

Говорят вместо Санникова приедет генерал Щербачев. Дай то бог.

7 марта. Пятница.

Порталь сообщил: если бы вчера на похоронах был хотя один выстрел, было бы объявлено осадное положение и власть перешла к французам. Как они этого ни хотели, но итти на провокационный выстрел они считали ниже своего достоинства. Все растрелянные без суда — 11 человек, расстреляны русской полицией. Он, Порталь, дал мне в этом честное слово. Они сами судят военно-полевым судом; сегодня в 10 часов утра был суд и в 11 был вынесен окончательный приговор. Так и впредь будут поступать. Три расстрелянные девушки содержали большевистскую квартиру; у них нашли адреса, по которым, как

говорили ему, переловили крупнейших большевистских деятелей. В Маяках убили из засады двух французских офицеров; жители отказались выдать трупы; явилось предположение, что они изуродованы. Тогда, предупредив жителей и дав им время уйти, обстреляли деревню артиллерией и сожгли ряд домов. Потом послали в деревню отряд поляков. В ответ на это получилась угроза разделаться с другими французскими офицерами; тогда дан приказ снести артиллерийским огнем еще 6 деревень. В Беляевке все спокойно; большевики прогнаны, но преследовать их некем. В Николаев пошел баталион с полковником Леженом. Вчера пришел еще один французский баталион из Румынии. Если бы достать хлеба из Николаева, для чего нужно раздобыть в Салониках мануфактуру, можно было бы обеспечить спокойствие и популярность французам. Он, Порталь, обдумывает план, но затруднение в том, что из Парижа приказано передать весь транспорт Деникину. Он думает, все же, что это можно сделать, только нужно заранее пойти на то, что спекулянты много наживут. Смотрит на дело мрачно: „События могут захлестнуть нас и тогда останется только умереть с честью“.

Андро говорит, что кружок офицеров решил не выпускать из Одессы Гришина-Алмазова и Санникова; а завтра Санников с Каниным едет в Екатеринодар. Разумеется, угроза пустая; но что это за офицеры и чего, собственно, им нужно? Оказывается, что епископ Платон отказался ехать в Екатеринодар именно из-за поездки Санникова.

А. Марголин сообщил, что сегодня или завтра соглашение будет подписано (в который раз); был уже отдан приказ освободить гетманских министров, да министр Андреевский напутал и приказал отвезти их из Винницы в Проскуров, вместо того, чтобы отвезти их в Одессу. Надо пять дней, по крайней мере, чтобы их освободить окончательно.

На мой вопрос, на какие войска можно опереться, чтобы отстоять юг, Порталь сказал: „А Украина, а Галиция, а Югославия?“ О французах — ни слова.

Демченко уехал; повез больного сына в Швейцарию. Французы не дали ему пропуска во Францию.

В городе расстрел одиннадцати приписывают Добрармии.

По словам обывателей хлеб стоит 10—11 рублей. Справился у сестры, дороже семи еще не было. Беда с тарасконцами!

Когда после беседы с Марголиным, я указал Порталю на то, что в их Директории остается ведь Петлюра, он ответил: „Какая ерунда, он всецело в наших руках; он сделает все, что мы от него потребуем, хотите, чтобы он подтвердил это сегодня в Вашей комнате?“

8 марта. Суббота.

Порталь сказал мне сегодня: „nous sommes ignorés par Bethelot, abandonnés per Franché d'Esperé et lachés par Paris" (нас игнорирует Бертело, покинул Франшэ д'Эспере и бросил Париж). Энно завтра уезжает; уже дважды не платил по счетам, нет средств, Бертело ничего не высылает; за гостиницу уплатил полковник Писарев из военных сумм.

По сведениям Порталя, 4000 большевиков продвинулись к Херсону; сегодня послали туда баталион, танки и артиллерию. Всего там свыше 1000 человек союзнического войска. Порталь не уверен в победе союзников. Все мечтает об отъезде в Париж, не меланхолия ли это от усталости?

Андро просил его проехать к д'Ансельму сообщить о настроении хлеборобов. В Одессе сейчас французский генерал и полковник, возвращающиеся в Букарест с Кубани и Дона. Их впечатление о положении союзников в России очень тяжелое.

Заседание четырех организаций. Разошлись по вопросу о пределах власти военачальника: социалисты настаивают на предоставлении всей директорской тройке, а не одному военному члену Директории права назначать корпусных и дивизионных командиров. Чувствуем, что дело не в этом, просто совещание выдохлось, жизнь требует другого. Расстались дружно; социалисты обещают не раздувать в прессе расхождение. Но, разумеется, завтра же начнется травля.

Сегодня в бюро меня окончательно наметили курьером в Париж. Через неделю думаю уехать.

9 марта. Воскресенье.

Из Херсона плохие сведения; посланный туда вчера вечером (после 10 час., вместо 4 часов дня) отряд с артиллерией и танками может быть уже опоздал. Вечером в 6 часов Порталь говорил мне: „Генерал теперь обдумывает план концентрационного лагеря в Одессе куда будут стянуты все наши силы. Если же мы будем их разбрасывать по соседним городам, то Одессе может быть скверно; так что десант посланный вчера вечером может и не сойдет на берег".— Но ведь в этом лагере Одессы будет голод, Херсон и Николаев—житницы, питающие Одессу. „Да, но что же делать". И это при натиске лишь 4.000 большевиков!

Приехал из Парижа Шебеко. Говорит, что во Франции перелом (?) в нашу пользу. Что-то не очень это заметно здесь.

Сегодня прибыл баталион французской дивизии, идущей из Бендер, не пойму всей этой ерунды: увеличивать наличные силы как-будто только для того, чтобы подчеркнуть позор отступления.

А дельцы не унывают—покупают пароходы, превращают банкирские конторы в банки, играют на валюте, на продуктах.

Винница взята большевиками. Петлюровцы бегут. Надеются на войска и танки французов, которые де, не подписав еще договора, все же начнут его выполнять. Из Херсона в 10 часов вечера нет еще никаких сведений.

ГЛАВА VIII.

СОВЕЩАНИЕ ПРИ ФРАНЦУЗСКОМ КОМАНДОВАНИИ.

Доклад Н. Н. Шебеко о наших делегатах в Париже и Лондоне. — Инцидент с П. Н. Милюковым в Париже. — Оставление Херсона союзниками.—Инструкции делегатам, едущим к Деникину. —Большевики надвигаются. — Прощаюсь с Фредамбэром. — Барон Меллер-Закомельский договаривается с французами о совещании при французском командовании. — Требование бюро С. Г. О. Р. о моем вступлении в совещание министром финансов. — Совещание будущих министров у Фредамбэра. — Последний проект французов. — Переговоры с ген. Шварцем. — Я отказываюсь вступить в совещание.— Лебедев в бюро С. Г. О. Р.

10 марта. Понедельник.

Доклад Н. Н. Шебеко: С момента отъезда нашей делегации из Константинополя, ни они, ни даже представители Деникина и Колчака не имели никакого сообщения с Россией. Сейчас установлен Ориент-Экспресс (между Парижем и Букарестом; ходит два раза в неделю). Можно сообщать сведения; нужно наладить только сообщение с Букарестом. По вопросу об интервенции точного и определенного ответа нет до сих пор. Определенно решен теперь вопрос о Принцевых островах—он отпал, но может быть еще раз выплывет. Здесь, в России, много иницативы предоставлено генералу Бертело.

В Париже и Лондоне наши делегаты встретили отрицательное отношение к активной интервенции; потом однако, выяснилось, что существуют два течения: американцы и англичане против (особенно американцы), французы и итальянцы — за.

Впечатление Шебеко, что из этого испытания мы выйдем большими друзьями Франции.

Положение генерала Гурко на западе—безнадежное; он разругался с Клемансо, должен был покинуть Париж и Лондон; это испортило положение В. И. Гурко в Париже, где он и не выступал публично (стоило посылать)!

Опасность большевизма чувствуется повсюду: в Константинополе, Риме, Париже и Лондоне, везде. Война поро-

дила большевистские настроения везде; в военных массах, возвращающихся с фронта, в массе безработных. Все правительства это сознают. Англия считает, что опасность для нее минимальная, благодаря культурности ее населения, и поэтому предпочитает добивать Россию, не только не борясь с большевиками, но поддерживая все их начинания. Франция, наоборот, поняла необходимость единой и сильной России. Франция теперь в вопросе вмешательства сделалась более активной. Технические затруднения велики.

Отдельно выступать французам в России — трудно; но надо надеется, что если Франция выступит самостоятельно, то вряд ли Англия и Америка активно помешают ей—скорей и сами втянутся.

В Букаресте из разговоров с Поклевским-Козелл Шебеко узнал о существовании у французов крупных шероховатостей с Добрармией. Поговорив с Бертело, убедился, что Бертело плохо осведомлен о настроениях в Париже по русскому вопросу; он обрадовался, узнав, что отношение французов к русским хорошее; просил осведомить об этом Россию.

В отношении к Добрармии у французов создалась неблагоприятная атмосфера; нужно немедленно ввести какие-то изменения. Бертело считает себя главнокомандующим всеми военными силами юга России и все вопросы экономические и финансовые должны разрешаться совместно с ним.

В настоящее время положение Добрармии довольно острое. Бертело донес о нем в Париж, сильно рассчитывая на сообщение Шебеко о симпатиях к русским французского правительства. Видит главных недоброжелателей Франции в лице Лукомского, Драгомирова и некоторых политических деятелей—Н. И. Астрова и Родзянко, так как они высказывались капитану Бертело крайне враждебно к союзникам, критиковали их действия и заявили, что если будет так продолжаться, то обратятся к немцам. Бертело твердо решил создать на юге силы для активных действий. Сейчас решено создать восемь дивизий из добровольцев и колониальных войск. Этот материал безусловно доброкачественен для активных операций. Лучший выход из положения по мнению Бертело и Шебеко—это создать на юге России правительство, которое взяло бы в свои руки власть.

Прибытие восьми дивизий надо ожидать не ранее конца апреля, начала мая. Правда, генерал Бертело высказывался по этому вопросу более определенно, чем Париж; может быть там еще даже не пришли и к реальному разрешению вопроса о вооруженной интервенции; там Шебеко точных данных о формировании не слышал. Правда, в Париже боятся своего и английского общественного мнения и все делают втайне. Вероятно и здесь делают многое без ве-

дома Парижа, чтобы поставить его перед совершившимся фактом.

Сейчас генерал Щербачев и Головин работают над вопросом об использовании военнопленных Германии.

По поводу инцидента с П. Н. Милюковым, Н. Н. Шебеко говорил, что с самого начала, еще до приезда делегации в Париж, создалось впечатление, будто вся делегация состоит при Милюкове. Франшэ д'Эспере встретил его неприязненно и, вероятно, телеграфировал в Париж, что едет делегация П. Н. Милюкова. В Константинополе делегаты долго ждали ответа из Парижа, наконец, решили объясниться с адмиралом Амэтом, — он обещал помочь. В это время английский адмирал предложил делегации взять ее с собою. Поговорили с Амэтом; он был смущен, но не возражал. Когда Клемансо приказал Амэту не пропускать делегации, она была уже в Париже. Клемансо рассвирепел, разругал Пишона и Маклакова, и предложил всем выехать тотчас же в Лондон, — потом де можно будет выяснить, кого впустить во Францию; Маклаков вообще был пассивен и не высказал большого желания помочь Милюкову. Часть делегации предлагала выехать обратно в Россию, другие (Гурко особенно) стояли за то, чтобы не уезжать из Парижа, пусть жандармы насильно удаляют. Другие высказывались даже за то, чтобы Милюков и в Лондон не ехал, дабы не углублять недоразумения; решили в конце концов всем ехать в Лондон, но не считать Милюкова членом делегации. В Лондоне против Милюкова никакого враждебного настроения не оказалось; да и в Париже, в сущности, можно было бы его отстоять, так как, например, С. Н. Третьяков добился того, что его и всю привезенную им в Париж семью не выслали. П. Н. Милюков был в высшей степени полезен, патриотичен и стоек, и его работа в Париже была бы очень нужна, а наши представители в Париже вели себя так, что получалось впечатление, что они хотели бы сплавить его из Парижа. Выступления его в Лондоне очень продуктивны и имеют успех. Через две недели после вынужденного отъезда из Парижа всей делегации, кроме Милюкова, было разрешено вернуться.

Милюкову это было очень обидно и тяжело, но обиды по адресу Франции в его выступлениях никогда не прорывалось.

Херсон оставлен союзниками. Был в морской базе французов и слышал, как агент Ропита, со слов капитана парохода, привезшего обратно в Одессу греков, направленных французами к Херсону с артиллерией и танками, рассказывал, что они даже и не сходили с парохода. Предыдущий десант с 600 греками был успешен; греки прошли пол-города,

но были разогнаны большевистской артиллерией. Греки говорят, что у них до 200 раненых, а французы совсем не дрались. Барон предполагает, что Фредамбэр оттого и придумал укрепленный лагерь, чтобы замаскировать отказ французов от активной борьбы.

Мне дали билеты на реквизированный французами для перевозки войск „Тигр".

Проект Андро — прорваться на блиндированном поезде в Николаев за мукой, несомненно удался бы, да не найдется охотников.

Совещание в 7 часов с Глебовым и служащими Центрального Военно-Промышленного Комитета в связи с моим отъездом; оставил им шестимесячный оклад жалования и все суммы в кассе К-та для продолжения его работы. Несмотря на падение Херсона, в ресторане идет кутеж — поручик А., адъютант д'Ансельма, пьянствует с дамами. Ресторан полон.

11 марта. Вторник.

Доклад Р. Г. Моллова и кн. Урусова, приехавших с Балкан:

1. Необходимо создать на Юге-России центральную власть. Она должна смягчать поступки Деникина, оскорбительные для французов. Она необходима и для поддержки французов.

2. Нужно организовать помощь славян, которые должны заменить на Юге французов. Нужно наладить осведомление и связь с Екатеринодаром, Константинополем и Одессой.

Совещание Бюро С. Г. О. Р. об инструкции нашим делегатам, едущим к Деникину. А. С. Хрипунов и я требуем, чтобы делегаты настаивали на необходимости создания южно-русского правительства. Кн. Трубецкой возражает теоретически: как де создать южно-русскую власть — путем ли сговора с социалистами или нет, кого пригласить на Государственное Совещание, которое будет создавать правительство, будет ли Деникин первым консулом или нет, и т. п. К необходимости создать власть на Юго-Западе примыкает и М. В. Челноков; он рассказывает, что просил у Добрармии кредита в три миллиона от имени О-ва Снабжения Армии для приобретения выгодной партии сапог. И Бернацкий и проф. Соколов отнеслись очень сочувственно к его предложению: сапоги крайне нужны и партия выгодна, но сделать ничего не могли, так как считают до сих пор обязательным для себя „Устав о подрядах", которому более 50 лет, и „Банковый Устав" такой же давности.

Опять ничего толком не решили; барон медлит, не ставит точек над i, думаю, что ничего определенного Деникину и не скажут, а просто останутся там, спасаясь от анархии.

12 марта. Среда.

Скверные сведения: французы отступили с греками от Колосовки, открывая большевикам путь от Вознесенска на Одессу. В городе полная уверенность, что большевики неминуемо будут в Одессе. Престиж французов равен нулю. Генерал д'Ансельм вчера на совещании у Гришина давал слово офицера, что Одесса не будет сдана без боя. Дождались.

По случаю годовщины революции — сегодня в порту полная забастовка и частичная в общественных и правительственных учреждениях. Проходит вяло, так как правительство не одобрило. Все еще население сдерживать можно и даже весьма успешно. Были бы люди.

С валютой — вакханалия: франки — чеком на Париж — 4 рубля 60 коп., наличными 4,9—5 рублей; за тысячерублевую керенку — 1.270 рублей украинками; за 500 романовских — 1.000 украинских, хотя романовских напечатано большевиками неограниченное количество.

В буржуазии — смирение; бежать некуда; не без удовольствия говорят: „по крайней мере вернемся в Москву и Питер прямым сообщением". Видел Андро: он был у митрополита и просил его воздействовать на Гришина-Алмазова, дабы тот подчинился французам. Ничего, разумеется, не выходит. Я советовал Андро бросить все эти затеи и ехать со мной к Бертело — поговорить о положении Юга. Согласился.

Заходил С. А. Шателен. Бернацкий посылает его в Париж за бумагой для печатания денег; Бернацкий послал к д'Ансельму Суфчинского с просьбой выдать Шателену визу; д'Ансельм обещал, а лейтенант Биго, заведующий паспортами от имени Междусоюзнической Комиссии, заявил, что для него нет д'Ансельма, ни даже Бертело, а лишь междусоюзнический комитет, который может ему приказывать; он должен запросить Париж о Шателене. Сегодня пришел ответ из Парижа о необходимости указать двух лиц в Париже, которые могут аттестовать Шателена. Все это, очевидно, потому, что о Шателене хлопочет министр Добрармии.

Столкновение с французами из-за парохода, идущего в Новороссийск — французы не дают разрешения заходить туда из-за сыпного тифа (сегодня Л. А. Капацинский умер от тифа, занесенного сюда из Новороссийска), а публика знать не хочет. Французы задержали пароход на день.

Грубость заведывающих французскою морскою базою — не поддается описанию. Публику выбрасывают, как ветошь, заставляют ждать часами, потом гонят прочь до другого дня.

Французы слабо реагируют на позор Херсона. Порталь, как всегда, меланхоличен; сконфужены немного братья

Виллэм — родились в России, понимают, что, мы русские, чувствуем.

13 марта. Четверг.

Плохо спал ночь. Встал рано, пошел в 9 часов утра к Фредмбэру проститься — он и не пытается меня удерживать. Говорит о том, что большевики — это армия Франции 1794 года, что у большевиков есть идея — правда, поддерживаемая грабежами, но все же идея; офицеры их хороши — умирать они умеют; их, французов, русские дважды обманули: раз, уверив, что большевистская армия — сборище воров и хулиганов, другой раз, заставив поставить во главе генерала Деникина, хорошего рядового генерала, но не военачальника, ибо он — не организатор — он не съумел даже на территории своей деятельности создать благоприятное для своей армии положение. Не сумел Деникин и окружить себя достойным образом. В Херсоне большевистская шайка в 3.000 человек росла не по дням, а по часам за счет крестьян, мелких торговцев, рабочих, приказчиков и т. д. пришлось бы на дальнейшую защиту Херсона стянуть все силы из Одессы, оставив ее под ударами. Одессу решено защищать, наметив три последовательные зоны; при натиске на первую — отступить на вторую, со второй — на третью и тут держаться.

При мне дает распоряжение о военном заслоне на Вознесенском направлении.

Выводы все же делает пессимистические и думает, что с большевизмом в России будет тоже, что с Якобинизмом во Франции: победив, он растворится.

В 11 часов иду к барону рассказать о беседе с Фредамбэром и о том, что уже с ним простился. — „Никаких прощаний, Вы остаетесь“, говорит мне барон и тут же сообщает, что только что виделся с д'Ансельмом и Фредамбэром. Сообща решено объявить осадное положение с переходом власти к д'Ансельму и организовать совет при французском командовании с исполнительной властью; в состав совета французами с бароном намечены: министром-президентом и министром внутренних дел — Андро; я — министром финансов; Григоренко — земледелия, торговли и промышленности; генерал Шварц — военным.

Я в отчаянии; считаю задачу теперь невыполнимой: опоздали на месяц; отказываюсь; барон сердится, обвиняет в трусости.

Барон собирает Бюро С. Г. О. Р.; приходят — П. П. Менделеев, В. В. Пржевальский, С. А. Хрипунов, кн. М. А. Куракин и П. Я. Тикстон. После доклада барона, я первый прошу слова — заявляю, что не могу принять портфеля министра

финансов, не желая скомпрометировать Совета Государственного Объединения; ведь я — инициатор особой южнорусской власти, я — инициатор комитета при французском командовании, я же служил для сношений с французами; если при этом я буду назначен министром — вся моя предыдущая деятельность потеряет принципиальный характер и будет иметь вид личной интриги. Все соглашаются со мною, один барон говорит, что раз французы просят меня — я не в праве в такой момент отказываться. Я тем не менее отказываюсь и ухожу в час дня в Банк за своими деньгами, чтобы купить валюту на дорогу — уезжаю через два дня.

Возвращаюсь через полчаса и узнаю от Куракина, что Бюро Совета в моем отсутствии перерешило вопрос и единогласно признало необходимым для меня принять портфель. Почему Бюро единогласно со мной согласившееся, что я не должен входить в Совет, через полчаса тоже единогласно решило обратное — остается для меня неизвестным. Гр. А. А. Бобринский, узнав о решении Бюро, присоединяется к его постановлению.

В 3 часа пленум С. Г. О. Р. Приходят 40 человек; барон подробно докладывает о решении принятом французами, об учреждаемом при них совете, о моем вступлении в него министром финансов. Пленум, почти без дебатов, без возражений, одобряет действия барона.

Я тем не менее заявляю барону, что лишь в том случае войду в Совет, если представители Добрармии также согласятся на предложение французов, так как считаю недопустимым для С. Г. О. Р., включившего в свою программу — поддержку Добрармии, вступать с нею в открытый конфликт.

В 6 часов получаю письмо от генерала Шварца — он отказывается вступить в Совет.

В 9 часов меня приглашает к себе Фредамбэр. Застаю у него Андро и Григоренко; обсуждаем положение. Фредамбэр сообщает, что как раз теперь у д'Ансельма генералы Санников и Гришин-Алмазов, которых д'Ансельм вызвал, чтобы сообщить о принятом французами решении.

Мы подтверждаем еще раз, что на конфликт с Добрармией никто из нас не пойдет. В 10 часов д'Ансельм зовет к себе Фредамбэра, сообщая ему по телефону, что Гришин не противится, а Санников не соглашается. Фредамбэр едет к д'Ансельму и возвращается в 12 часов 10 минут ночи с сообщением, что совместно с Санниковым и Гришиным-Алмазовым выработана формула, щадящая положение Добрармии, по которой при д'Ансельме образуется не Совет (что было бы в роде Совета Министров), а лишь приглашается на помощь к д'Ансельму гражданский начальник Андро, который в свою очередь приглашает лиц, сведу-

щих в разных отраслях управления, для заведывания этими последними. Это нужно сделать для сохранения внешнего декорума — раз нет нового министерства, то в глазах общественного мнения министры Добрармии, как бы остаются у власти; а потом, конечно, когда Екатеринодар поймет неизбежность и полезность для Юго Запада происшедшего — все будет оформлено открыто, без фиговых листков. Составляем приказ в указанном духе; в нем пока называется фамилия одного Андро; наши будут названы завтра; Андро вступает в управление делами завтра, в 12 часов дня мы — в 2 часа.

Идем в „Лондонскую", в номер Порталя. Будим лейтенанта де-Карсалад и капитана Бертело: переводим приказ; о введении осадного положения, посылаем его в газеты; Андро вызывает градоначальника полковника Маркова, который заявляет, что против Добрармии он не пойдет, но если назначивший его на должность Гришин-Алмазов согласен с совершившимся, то и он останется.

Шварц лежит больной; завтра утром барон будет у него, чтобы убедить вступить в Совет. Барон с нами все время. Не понимаю, что с ним произошло — нет ни обычной вялости, ни нерешительности. Ложимся в 3 часа ночи и обсуждаем с Григоренко план работ.

В коридоре ночуют пять греческих солдат — их прислали французы охранять нас; повидимому, власть и охрана органически связаны друг с другом.

14 марта. Пятница.

Рано встал и звоню к Шателену. Прошу его зайти. Объясняю ему, что произошло, прошу, раз он будет заказывать в Париже бумагу, краску и новые деньги, то заказать то же и для нас; прошу также переговорить с Бернацким и сказать ему, что с ним будет установлен тесный контакт; что его работа в Екатеринодаре только выиграет от нашей помощи. Шателен согласен купить все, что нам нужно, будет говорить немедленно — с Бернацким.

Возвращается барон от Шварца — не может понять, почему Шварц отказывается взять на себя военную часть; просит меня поговорить с ним; еду, говорю; отказывается — требует премьерства, двух портфелей для друзей и прямого приглашения от французов. Еду за Фредамбэром, который немедленно отправляется со мной к генералу Шварцу. Генерал просит объяснить ему положение вещей, особенно сообщить состояние артиллерии. Фредамбэр сообщает: пушек будет к концу марта до ста, но нет артиллеристов — всем французам-артиллеристам вышли сроки и они уехали. Людей в Одессе наберется в данный момент у союзников тысяч 30,

к концу месяца будет до 50, а в апреле еще тысяч 20. Шварц обещает обдумать положение и дать сегодня же ответ.

Меня приветствуют члены нашего Совета: В. Д. Ильин и Ф. А. Иванов. Андро летает вихрем по городу, как полицмейстеры в доброе старое время. Фредамбэр говорит, что со всех сторон его упрекают за то, что французы пригласили Андро, а сам Андро нам телефонирует: „в городе известие о новом правительстве принято с удовольствием". Все, как у людей.

В 3 часа еду к Шварцу за окончательным ответом; застаю там генерала Санникова и Андро. Оказывается, что митрополит, который раньше будто бы стоял за решительные меры, в последний момент, под давлением Гришина, от которого он в восторге (однородные фигуры!), заявил, что благословит наше дело (сподобился я!), если будет на то согласие Деникина, и потребовал, чтобы Санников заявил Шварцу, что будет рассматривать вступление Шварца в Совет, как акт явно враждебный Добрармии. Не дождавшись объяснения Шварца, Санников быстро уходит, вызванный д'Ансельмом. Андро рассказывает, что был вчера с Гришиным у д'Ансельма, и Гришин с угрозой сказал: „посмотрим еще, как Деникин отнесется к русским, участвующим в этом деле!". Шварц, после посещения Санникова, заявил мне свой окончательный отказ. Появляется Брайкевич беседует долго со Шварцем наедине, потом говорит мне: „Вы работаете — на руку большевикам". Я. — А что вы считали бы целесообразным? Неужели вы, городской голова, находите полезным здесь Гришина-Алмазова и Санникова. Брайкевич. — „Без контр-разведки Добрармии — большевики победят. Гришин-Алмазов при всех своих недостатках хорош, он сам о себе говорит: „я — Скалозуб", а теперь Скалозубы нужны. Ваша затея — украинская". Протестую: — Григоренко — председатель киевской монархической организации и, кроме него, малороссов у нас нет.

В виду окончательного отказа Шварца вызываю по телефону барона и заявляю ему: после протеста Санникова и отказа Шварца я не нахожу удобным, как член Бюро С.Г.О.Р. оставаться в Совете при французском командовании. Барон одобряет мое решение. Едем к Фредамбэру, сообщаем ему о моем отказе. В это время его вызывает по телефону д'Ансельм и говорит, что к нему прибежали взволнованные Брайкевич с А. А. Титовым, протестовали против происшедшего, бранили Андро и угрожали выступлением рабочих.

Вечером у меня собрались Андро, Григоренко, генерал Шварц и с.-р. Рутенберг, которого пригласил Шварц. Рутенберг заявил, что нужно ввести в Совет социалистов.

с которыми можно сговориться очень скоро, прибавил, что Брайкевич и Титов предложил и д'Ансельму образовать Совет из трех лиц: Санникова, Брайкевича и Бутенко, которые затем уже от себя пригласят министров. Ларчик просто открывается: от печки, по типу Директории и, разумеется, при участии Брайкевича и А. А. Титова — тогда все в порядке. Очертела вся эта канитель.

Я пошел на заседание Бюро нашего Совета, где сообщил о моем выходе. Довольно с меня двух дней пребывания в новом правительстве. Получил санкцию. Туда вскоре пришел В. А. Лебедев и стал требовать от Совета протеста против введения французами осадного положения в Одессе. М. В. Челноков, кн. Е. Трубецкой и А. М. Масленников уверяли его в своих глубоко лойяльных чувствах по отношению к Добрармии; один Хрипунов сказал откровенно Лебедеву, чего они стоят. Лебедев болтал что то полуграмотным языком, но с большой самоуверенностью; решили, что барон, кн. Трубецкой и Тикстон пойдут к д'Ансельму просить согласования действий французов с добровольцами. Видя все это и понимая, что при этих условиях я буду первою искупительною жертвою, я прошу у секретаря С.Г.О.Р. корректного и деятельного Г. А. Алексеева, копию протокола того заседания Бюро С.Г.О.Р., где единогласно, вопреки моему отказу, было решено требовать моего вступления в правительство при французском командовании. Стоящий тут же П. П. Менделеев говорит: „Никакого решения Бюро не было — это был лишь частный разговор“.

ГЛАВА IX.

В ПАРИЖЕ.

Французские солдаты на „Тигре". — В Констанце. — У Черновод. — В Букаресте. — У ген. Бертело. — Сообщения ген. Войно-Панченко. — В. И. Гурко о нашей делегации. — Встреча с гр. Шевильи. — Встреча с д-ром Лазоверт. — Беседы с капитаном Х. — Через Венгрию, Австрию, Швейцарию. — В Париже — у В. А. Маклакова, кн. Г. Е. Львова, у Пети (Балаховской), у А. И. Коновалова, И. Н. Ефремова. — Идеи санитарного кордона на Юго-Западе России. — У кап. Обле. — Маклаков о федерации.

15 марта. Суббота.

„Тигр" уходит сегодня. Захожу проститься к барону. Барон осунулся — беспомощен. Очевидно, подъем, с которым он работал эти два дня — прошел.

16 марта. Воскресенье.

На пароходе. Много солдат — французов, несколько греков, человек 15 французских офицеров. Много солдат пьяных с самого утра; им продают красное вино по пять франков за два литра, в любом количестве; пьют вино утром, вместо кофе.

Несколько столкновений с офицерами у пьяных солдат. Один раз из-за „ты", другой раз — офицер толкнул пьяного с лестницы, ведшей на площадку. В догонку уходящему офицеру солдат кричит: „скотина, корова, дурак, вот подожди — доедем до Марселя, всех вас бросим в воду".

Комиссар парохода рассказывает, как французская администрация нелепо раздражает солдат. Она везет увольняемых со службы в Салоники, где они болтаются и пьянствуют восемь дней, пока за ними приходит пароход из Марселя. Между тем как тот же пароход, который довозит их до Салоник, уходит в обратный рейс на Константинополь и Одессу не раньше, как через восемь дней. За это время он успел бы отвезти солдат в Марсель, вернуться в Салоники и итти дальше.

Моя кабина, хотя на билете отмечено было „Официальная Миссия“, занята офицерами, которые обратно ее уступить не хотят.

Приезжаем в Констанцу в три часа дня.

В 11 часов вечера отходит поезд на Букарест. Проделываем формальности. Ждем два часа: нет французского лейтенанта для проверки паспортов — он где-то обедает; румынская полиция налицо и торжествует. Вторая виза в контр-разведке невозможна, ибо по воскресеньям бюро закрыто. К счастью на вокзале французский контроль пропускает нас, благодаря выданному мне Порталем свидетельству.

В 11 часов выехали в Букарест. В купэ, в окне — трещина, в коридоре — окно выбито, холод, снежная вьюга. Завесили изнутри одеялом на кнопках, спим в шубах, света нет.

17 марта. Понедельник.

В 6 часов утра подъезжаем к Черноводам, где огромный мост через Дунай взорван. В снежную вьюгу тащим багаж на плечах, садимся на паром и в бурю переезжаем Дунай; ищем места в вагонах ждущего у пристани поезда; все занято; какая-то американская миссия из нескольких человек заняла целый вагон. Видят, что мы стоим на вьюге, но к себе не пускают. Сели в товарный вагон. Едем шесть километров до Фетешти, где ждем поезда из Букареста от 10 часов утра до 5 часов вечера. Уходит он в Букарест лишь в 8 часов, так как машинист сделал два пробега в Букарест и из Букареста и лег спать.

Получаем спальный вагон и в 3 часа утра в Букаресте.

18 марта. Вторник.

В 12 часов вижу капитана Бертело, бывшего с Порталем у Деникина (хороший тип культурного француза, прекрасно образованный и воспитанный, с широким, ясным взглядом на вещи). Отношение к Добрармии — отрицательное. Слушает с глубоким удовлетворением мои сообщения об Одесском coup d‘Etat и на 6 часов устраивает прием у генерала Бертело.

В 4 часа у посла Поклевского-Козелл; застаю там В. И. Гурко и племянника Поклевского. Поклевский говорит, что Бертело телеграфировал д'Ансельму убрать поскорее Санникова из Одессы.

Поклевский-Козелл сообщает, что румыны взялись за русских; решено выслать здесь находящихся, кроме занятых делами военными или дипломатическими. Начнется экзекуция — ведь большинство русских без дела, выехать дальше в Европу они не могут и их будут высылать в Одессу.

В 6 часов у генерала Бертело. Большой, грузный профиль в стиле Бурбонов. Жалуется на Санникова, говорит, что телеграфировал д'Ансельму — убрать его скорее. Одобряет устройство совета, говорит, что будут снабжать Одессу морем (крайнее легкомыслие). Ждет от Клеменсо разрешения съездить в Париж для информирования. Жалуется на русских, уезжающих за границу и не возвращающихся обратно, бросающих Россию. Я настаиваю на приглашении в Совет при французском командовании генерала Шварца. Бертело соглашается, обещает немедленно ему телеграфировать. Мало разбирается в событиях, смешивает мою точку зрения с тем, что говорили ему в свое время проезжавшие чрез Букарест Шебеко и Титов. Слова мои падают на рыхлую массу. Одесса, очевидно, обречена на гибель.

19 марта. Среда.

Был во французском штабе. Узнаю, что Бертело экстренно выехал сегодня в Одессу, так как туда же выехал Франшэ д'Эспере. Подходим к ликвидации конфликта с Добрармией и упрочению французской оккупации. Последняя ставка для спасения Одессы, но думаю, что и она проиграна.

Был у меня генерал-майор С. П. Войно-Панченко: он прикомандирован к штабу Бертело. С 1916 года в Париже; был 10 лет в свите б. вел. кн. Сергея Михайловича, заявляет себя республиканцем и сообщает, что американцы пойдут на Россию только в том случае, если будет опасность реставрации; англинане вообще не пойдут; одни французы из-за Германии боятся слабости России. Во Франции сейчас нет большого политического человека. Клемансо добился своей мечты — возврата Эльзас-Лотарингии, и на Россию он теперь не обращает внимания. (Гурко сказал: „О России теперь говорят в Париже походя".) Маклаков не имеет влияния в Париже; его подвел советник посольства Севастопуло, убедив его не представлять вверительных грамот немедленно по приезде. А потом уже было поздно, так как большевики стали укрепляться и французы не решились принять грамот от представителя Временного Правительства. Севастопуло сделал это, чтобы быть хозяином положения (он был назначен в Копенгаген Извольским и не хотел уехать). Все бумаги официально подписывает Севастопуло. Маклаков к тому же стеснен тем, что он фактически получает содержание от Франции. Во главе русского комитета — кн. Львов, который привез из Америки 300.000 франков, и на эти деньги содержится Комитет. Львов сильно полевел. Французы сейчас относятся лучше к русским, чем раньше.

Ужинал с В. И. Гурко. Он говорит, что в Париже из С.Г.О.Р. никто не приглашен в Русский Комитет, так как там направление левее Гурко и Шебеко. „А почему не приглашен Третьяков“, спрашиваю. — „Да он правее меня (Гурко)“. Из всех русских в Париже считаются с одним генералом Щербачевым — его принимают, выслушивают и просьбы его удовлетворяют; хотя вяло, и часто не дают ему сведений даже об отправке военных в Новороссийск. Гурко едет в Одессу за женой и будет торопиться обратно. Проехать в Париж делегации помогли англичане. У Гурко был открытый лист от генерала Балларда и письмо Марии Федоровны к английской королеве. Англичане на крейсере провезли всю делегацию с семьями до Рима, на автомобилях привезли с пристани на поезд, телеграфировали в Рим. В французском обществе никто из членов делегации связей не завязал.

20 марта. Четверг.

Румыны объявили, что все русские, украинцы, австрийцы, немцы и болгары, проживающие в Букаресте, должны явиться в полицию с документами. Зашел к консулу, спросил — нужно ли итти; говорит, что посол составил список лиц, за которых ручается, и послал его министру внутренних дел. Я — в списке.

Весь день менял деньги; наш рубль летит вниз головокружительно; еще в январе давали за керенскую тысячу — 1.500 лей, а за романовскую — 1.800. В Одессе леи стоили 65 копеек. Теперь здесь давали — в среду 945 лей за тысячу керенских, а сегодня — уже 800; за романовскую тысячу — 1.350 лей; за наличные франки мелкой купюры взяли с меня 269 лей за сто франков и 64 леи за один фунт стерлингов. Еще месяца два и мы докатимся до 2 копеек за рубль.

21 марта. Пятница.

Встретил днем гр. Шевильи. Он пришел в ужас, когда я сказал, что придется, очевидно, окончить переговорами с большевиками, но потом заявил, что пугает его лишь то, что тогда французские социалисты подымут окончательно голову и Франции не миновать большевизма; впрочем и без того считает большевизм неизбежным во всей Европе. Едет в Одессу, Севастополь и Екатеринодар по поручению министра иностранных дел, чтобы дать отчет о положении вещей по личным впечатлениям. Престиж Добрармии во французской среде близок к нулю.

22 марта. Суббота.

Во французский штаб сообщают, что Бертело возвращается в Букарест и что командование французскими силами в России переходит к Франшэ д'Эспере. Спор между двумя генералами разрешен, но от этого лучше ли? Все-таки у Бертело накопилось много докладов, у него есть русский отдел при штабе, кроме того, Поклевский в Букаресте; в Константинополе же — ничего. Оставит ли Франшэ Одессу или нет? Помогут ли французы из Румынии, раз Бертело отстранен?

Получаю билеты на экспресс.

23 марта. Воскресенье.

Едем в слипинге как в доброе старое время. Билеты до Парижа — по 530 франков. По курсу среднему — около 2.000 рублей. В поезде — Лазоверт (заведывавший у Пуришкевича санитарной частью) — в петлице — розетка офицера Почетного Легиона. Говорит, что он доктор медицины Парижского университета, был интерном, был мобилизован, как врач, родился в Варшаве, еврей, был при генерале Жанэн потом попал к Пуришкевичу, которого „любит, как честного человека". Теперь, узнав о выступлениях Пуришкевича монархического характера написал ему письмо с протестом. Жалеет, что „такой умный, честный и талантливый человек не понимает, что нет возврата к старому и проповедует погромы". Лазоверт едет с какой-то миссией французского министра иностранных дел. Я видел его бланки как-то в России, заголовок такой: „Доктор Лазоверт, заведующий санитарными учреждениями действительного статского советника Владимира Митрофановича Пуришкевича" (а все учреждения, конечно, не Пуришкевича, а Красного Креста).

Рядом в соседнем со мной купэ — адъютант начальника генерального штаба генерала Альби, капитан X. Я ему сообщаю много сведений об Одессе, о большевизме; настаиваю, чтобы в Одессу послать артиллерию, выяснить поскорее вопрос о подчинении греков французам (греков много больше и они не захотят слушать д'Ансельма), указываю на ничтожество генерала д'Ансельма, на необходимость присутствия на месте большого генерала, прекращения маниловщины в их политической позиции, и поддержания амуницией Добрармии, особенно артиллерией. X. сказал, что еще не решено, как быть с Одессой что в Париже мало интересуются Россией и склонны уйти из нее, мечтая „о санитарном кордоне" в Польше и Румынии.

Капитан X. обещал подумать, кто мог бы заняться серьезно русским делом в Париже; думает, что следует

обратиться к Бриану, как к возможному преемнику Клемансо, но, вообще, вряд ли кто этим делом займется.

24 марта. Понедельник.

Проезжаем Венгрию, осторожно спрашивая по телефону, можно ли ехать дальше. В Темешваре получаем газету на немецком языке. „Политический народный Листок", где сообщается о венгерской революции.

По словам Х. 9 баталионов колониальных войск—негров на пути в Россию; где они в данный момент, не знает.

Вечером встретили поезд из Парижа с Братиано и Сэнт Олэром; тревожатся о проезде через Венгрию. Нового в Париже ничего.

25 марта. Вторник.

Едем через Кроацию и Славонию, потом через Штирию; прекрасно спокойно, богато, нигде следов войны.

В поезде американец — стройный, во френче, лет под 60. Ухаживает за дамами, на станциях посылает им воздушные поцелуи в окна; сморкается рукой наотмашь, как наши солдаты или в салфетку. При нем два адъютанта, моряк и корреспондент. Справляюсь, кто такой — оказывается генерал.

26 марта. Среда.

В 7 часов утра в Вене; здесь спокойно, новый большевистский венгерский посол уже приехал в Вену и представился официально. Повидимому, Австрия его признает. Венгерцы обещают Вене помощь продовольствием, если они поддержат большевизм.

Капитан Х. пишет рапорты генералу Альби, я настаиваю на необходимости проводить такой план: Деникину артиллерию и снабжение в большом количестве, Колчаку — японских солдат, в Одессу — греков и артиллерию, и, таким образом, около 600.000 большевистских штыков будет удержано в России. Идея бросить Россию и устроить барьер в Румынии и Польше — безнадежна, против заразы штык беспомощен, а внутреннее разложение можно остановить лишь победами над Красной армией. Настаиваю на необходимости создать международное бюро для борьбы с большевизмом; отдел военный, отдел прессы, отдел пропаганды в народе, отдел разведочный, финансовый, снабжения населения.

Идет дождь все время, едем богатою, нетронутою войной западной Австрией. На всех вокзалах поражает полное отсутствие путешествующих, на пригородных вокзалах ни одного человека; на вокзалах больших городов, как Линц буквально

ни души. Поезда проходят раз в два дня — нет угля. Вокзал в Зальцбурге — ни души. Серб-дипломат сосед по купе разразился юдофобщиною. Весь большевизм — еврейское дело. Ленин, Дзержинский, Крыленко — евреи.

27 марта. Четверг.

В 4 часа утра — швейцарская граница в Букие; стоим 6 часов: сносились по телефону и телеграфу с Берном, так как жандарм из Букареста телеграфировал, что поезд идет из Будапешта; запросили, сколько русских и венгерцев.

В Швейцарии от границы до границы нас сопровождает швейцарский офицер, забравший и хранивший у себя все паспорта. Он заявил, что за Швейцарию они очень неспокойны. Ждут к маю забастовки. На всем пути, у всех одно настроение — птицы, к которой приближается удав.

Капитан X. спокоен; уверен, что Венгрию быстро сократят; а если нет, то скоро и во Франции будет большевизм, прибавляет он спокойно.

На французской границе в Делль отобрали все частные письма у всех — вероятно, этим и ограничится борьба с большевизмом.

В Бельфоре стоим без конца.

28 марта. Пятница.

Приехали в 9 часов. Пустовато в Париже — меньше движения.

В 2 часа в русском посольстве В. А. Маклаков радушно встречает; пополнел, обрюзг. Одет просто, сестра — еще проще. Исчез „высокий стиль“, посольство не чувствуется совсем.

Маклаков наскоро сообщил, что в Париже, кроме политического совещания есть еще комитет послов, где решаются главные дела. Удивляется, что я дал Энно лестное письмо к нему, Маклакову; он, Маклаков, получил секретный доклад из Одессы, где противопоставлялась работа моя и Энно. Мою хвалили, Энно — порицали. Кто докладчик?

В 4 часа у кн. Львова; встречает меня Вырубов; дает понять, что на Союз Государственного Объединения они (??) смотрят, как на черносотенное учреждение. Львов приветствует радушно. Рассказываю отрывками, слушает полувнимательно, так как приходит М. С. Аджемов — о чем-то секретничает с Львовым. Впечатление мертвечины, интереса никакого, а я ведь за последние месяцы первый живой человек из России, со сведениями непосредственными, не бумажными.

В 6 часов у М-м Пети, урожденной Балаховской. Ее муж уехал в Эльзас с Миллераном, наместником Эльзаса. Общий

отзыв — с русским делом плохо. Решен санитарный кордон в Румынии и Польше, на Россию почти махнули рукой, социалисты одолели. С Энно — скандал в Палате Депутатов: Пишон от него отрекся, заявив, что он — самозванец. Депутаты протестовали против усиленного кредита на восточную армию (в том числе и на стоящую в Одессе).

29 марта. Суббота.

Завтракал с Гокие. Он говорил, что русский комитет не ставится ни во что, никакого на него внимания, разговаривают с Бехметьевым и только. В русском посольстве роль играет один Базили. Русский комитет лишь тогда будет иметь значение, если открыто признает федерацию и республику. Все здесь считают армию Деникина черносотенной. Энно наделал глупостей, ангажировал французское правительство, его роль окончена. Шульгин, руководивший им — крупный человек морально, но в политике очен опасен. Создать в Париже Международный Комитет для борьбы с большевизмом почти невозможно; подымается социалистический вопль.

Все, кого вижу, инертны, испуганы.

30 марта. Воскресенье.

В 4 часа у А. И. Коновалова; там П. Б. Струве и С. И. Третьяков. Сведений из России у них за все время не было никаких. Здесь они не знают, что делать; влияния не имеют никакого. Три дня назад вернулись из Петрограда и Москвы два американца, пробывшие там несколько дней и давшие отличный отзыв о большевиках. Вильсон накануне признания их власти. Одни французы борятся (но почти безнадежно) за нас. Я говорю о гибельной роли политиканов Добрармии на Юго-Западе. Струве злится, говорит, что ничего не понимает. Еще бы — его коллеги по „Национальному Центру"!

В 6 часов у И. Н. Ефремова — до сих пор его не признали Швейцарским послом, но еще надеется быть признанным и тогда сейчас же уедет. Здесь делать нечего, французы не считаются с русскими.

Встретил Энно — он себя реабилитировал: знакомый депутат огласил в Палате Депутатов документ, подписанный послом Сэнт-Олэром с ссылкою на Пишона, приглашающий Энно на официальный пост. Пишона левые изругали; финал: Энно во вторник приглашен к Пишону. Я развил ему план Международного Комитета, и он очень ухватился; доложит о нем Пишону.

Вечером говорил с Маклаковым. По его мнению, большевики исчезнут путем внутреннего перерождения, а не путем интервенции.

Коновалов добивается, чтобы Авксентьев был включен в состав совещания; он семь дней уже в Париже, а Львов все еще его не предлагает.

31 марта. Понедельник.

В 12 часов видел капитана Руппе. В Генеральном Штабе все заняты организацией румынско-польского кордона; о русских делах говорить не приходится. Одессу повидимому покинут, тем более, что ее с 70-верстной полосой можно захватить в румынский кордон. В Архангельске неспокойно— три дня назад расстреляли несколько большевиков, в Сибири тоже неспокойно. Колчак продвинулся всего верст на 30. В Крыму большевики немного продвинулись вперед.

Бюджет (в том числе и расходы на армию на востоке в 170.000 человек) прошел в Палате всеми голосами против одних социалистов. Тем не менее, ничего не решаются делать для русских, и идея интервенции, повидимому, провалилась совсем. В 4 часа я приглашен к начальнику славянского отделения Министерства Иностранных Дел — Облэ. Он служил в Петрограде около двух лет при ген. Маниковском (начальник артиллерийского снабжения), знает хорошо нашу работу Центрального Военного Промышленного Комитета. Я сообщил ему про все одесские ошибки французов, про потерю ими всякого престижа; указал на необходимость прислать артиллерию в Одессу и на Перекоп, посылать массовое снабжение Деникину и Колчаку, чтобы этими мерами удержать 600.000 красных штыков от удара на Румынию, Восток, Галицию и Польшу.

Облэ: — Мы посылаем снаряжение Деникину через англичан, таково наше соглашение с англичанами, мы не можем делать все сами.

Я: — Но англичане не говорят, что они снабжают по соглашению с вами и выходит, что вы ничего не делаете.

Облэ: — Примем меры; что касается Колчака, то генерал Жанэн, командующий там, стоит нам 4 — 5 миллионов в день.

Я: — Это большая сумма, но опять я слышат, что Колчак получает все не от вас, а от американцев.

Присутствует полковник Хунтцингер, помощник начальника штаба Франшэ д'Эспере. Едет затра в Константинополь; я прошу его укрепить Франшэ в создании необходимости поддержать осадное положение и сохранить совет при французах. Обещает.

Уславливаемся с Облэ видаться почаще.

В 5 часов у Маклакова — до 7. Рассказываю ему о большевизме — очень интересуется тем, есть ли в нем государственные созидательные начала.

Маклаков: — Сейчас мы под угрозой признания большевистского правительства. Я считаю Ллойд-Джорджа опаснее Вильсона; последний как будто скорее против признания, хотя американские эксперты, посланные в Совдепию, привезли очень благоприятный отчет.

Я: — Почему же Ллойд-Джордж готов признать большевиков?

Маклаков: — Он смелее других, легкомысленен; потом у него своя возня с рабочими, он может быть признанием большевизма бросит кость своим рабочим, и, убрав сопротивление его мероприятиям, основанное на недоверии к нему, как к противнику широких социалистических уступок рабочим, добьется многого. Французы искренно против признания, но они одни слабы. Какой же Ваш вывод о нашей будущей тактике против большевиков.

Я: — Продолжать делать вид крайней неуступчивости и думать о почве и форме переговоров с ними.

Маклаков: — Да, может быть это и придется сделать.

Я: — Искренно ли Вы, Сазонов, Львов говорили о федерации, как о возможной форме государственного строя в России, в вашей Декларации от 9 марта 1919 года.

Маклаков: — О, да. Мы теперь рады были бы, если можно было бы остановиться на федерации, но о ней уже слышать не хотят не только Финляндцы, но и Эстонцы, Латыши, Латвийцы, Украинцы, Грузины. Сюда приехали Чхеидзе и Церетелли; и господа эти, содействовавшие разрушению России, теперь и слышать не хотят о федерации с нею. Они у меня еще не были и вероятно и не будут. С другой стороны — поляки (Дмовский) особенно убеждают конференцию, что Россия сгнила и не станет на ноги; поэтому у нее смело можно отнять и Литву и Подолию, словом историческую Польшу. Их защитником является Поль Камбон. Он был у меня и когда я ему сказал, что, обворовавши нас, Польша станет объектом нашей ненависти и предметом нашей напряженной борьбы — он задумался и просил письменно изложить мысли; они изложены в моей брошюре „Quelques considérations sur la question de la Grande Pologne et des Côtes de la Baltique“. Финны тоже не хотят слышать о федерации. Я считаю, что мы достаточно наглупили с ними и с поляками во время Временного Правительства, которое, по моему, вышло из пределов своих прав, отказываясь от Польши. Теперь дело трудно поправить, но мы можем, по крайней мере, бороться против больших притязаний поляков.

Я: — Тем не менее я, как радикал-федералист, попробую

собрать находящиеся в Париже элементы, доступные федерированию (представителей окраин), авось удержим кое-кого от сепаратистической работы.

Условливаемся продолжать беседу в четверг за завтраком. Утром видел Савицкого, бывшего военного министра Кубанского правительства, а теперь члена Кубанской делегации. Рассказал ему о моем плане объединения федеративно-настроенных делегаций в Париже и просил подготовить кубанцев к разговору со мной—обещал (он приехал с Чермоевым, богачем, собственником нефтеносных земель в Грозном).

Обедал в 8 часов у Пети. Встретил там Авксентьева, Зензинова, С.; были и супруги Энно.

Авксентьев и Зензинов говорили о Гришине-Алмазове, как об авантюристе, о котором никто в Сибири не сказал доброго слова. М-м Энно объяснила заслуги Гришина в Одессе при занятии ее петлюровцами (?).

Я пытаюсь навести Авксентьева на рассказ о делах Колчака—отговаривается незнанием того, что сейчас делается, но уверен, что с рабочими неладно.

Уже обо мне говорят, в определенно недоброжелательном духе, так как Авксентьев сказал: „Вы приехали сюда проповедывать переговоры с большевиками". — Да, говорю я, — переговоры через союзников. Надо, чтобы иностранцы влезли материально в русские предприятия и принимали серьезные меры к эксплоатации русских богатств; ведь правильно поставленная промышленность и торговля вырвут когти и зубы у большевизма — об этом-то и надо вести переговоры.

Авксентьев говорит, что надо бы мне высказать эти мысли в Лиге защиты прав человека, где делаются анкеты о большевизме, где очевидцев допрашивают французские интеллигенты, как Олар и другие, предложил свои услуги, чтобы меня тоже допросили. Охотно соглашаюсь.

Дома в 11 часов обсуждали с Энно его завтрашний визит к Пишону; я просил его предложить следующую программу: создание Международного комитета для борьбы с большевизмом из представителей: Англии, Америки, Франции и Италии. Русские туда приглашаются в качестве экспертов. Четыре национальных секции: русская, румынская, галицийская, польская. Четыре отделения: пропаганды, прессы, военное и экономическое. Мотивы: бороться гораздо продуктивнее не штыками. Такие способы борьбы приемлемы и для социалистов-оппозиции, ибо бороться идейной пропагандой допускается во всех случаях.

Энно все записал и обещал подробно поговорить с Пишоном.

ГЛАВА X.

ПОПЫТКИ СПАСТИ ОДЕССУ.

У ген. Щербачева. — Представители окраин. — Энно у Пишона. — Беспомощность русских в Париже, — У де-Селиньи. — Беседа с Б. А. Бахметьевым. — У Рубановича. — У Камерера. — У г-жи Мэнар-д'Ориан. — У Альберта Тома. — Тома в Ц. В. П. К-те в 1916 г. — У Л. Л. Быча. — У Н. Д. Авксентьева. У Антонелли. — У Жозефа Рейнака. — У Венизелоса. — Одесса эвакуирована.

1 апреля. Вторник.

В 10 часов пришел Савицкий с Чермоевым, первый представлял Кубань, второй — Чечню. Оба федералисты. Настаиваю на объединении; идет туго.

Маклаков вчера говорил мне, что у него был Братиано и заявлял претензии на Бессарабию. Маклаков сказал ему, что, если в Бессарабии преобладает румынское население и оно желает перехода к Румынии, тогда возражать против этого — трудно. Но он думает, что ни того, ни другого условия налицо нет.

В 12 часов дня я у генерала Щербачева; болеет, брюзжит, не одобряет Деникина, задирающего всех, не имея никаких сил для того, чтобы свою волю сделать обязательной. Здесь Щербачев застал большой кавардак — масса военных делегатов, неизвестно кем уполномоченных и сбивающих всех с толку. Он с трудом навел порядок, но все же в правительстве его мало кто слушает. Помощь снаряжением идет крайне туго, а конфликты с Деникиным тормозят работу. И Маклаков не на высоте — ничего не требует от французов, только почтительно просит, говорит, что признан французами лишь наполовину и, поэтому, не может настаивать. „Тогда уходите лучше в отставку,—сказал я ему",—говорит Щербачев.

Только вчера удалось генералу Щербачеву достать русскую десятиверстку (привез Поклевский-Козелл—племянник из Букареста) и то без Петрограда и Крыма.

В 1 час завтракаю у Коновалова с Третьяковым. Коновалов волнуется—посылают с Аджемовым письмо Деникину

с предупреждением, что настроение его антуража не соответствует настроению европейских демократий.

Я говорю, что надо категорически дать понять Деникину, что он должен заниматься лишь военным делом, забыв о политическом, которым могут и должны заниматься местные правительства. Нужно создать центральную власть лишь как видимую крышку для местных властей, а в эти последние ввести популярных местных лиц.

Коновалов спрашивает тревожно, как к нему относятся общественные деятели? Я говорю, что попрежнему нет ущерба на его моральной физиономии, но что он, как и Львов, как и все временное правительство, считаются безнадежно провалившимися на государственном экзамене, и что пребывание Львова во главе русских совещаний в Париже лишает совещание в глазах русских политического авторитета.

Маклаков вчера мне говорил: „Первое время политику вел я, теперь Львов с политическим совещанием меня фактически отстранили".

В 5 часов Савицкий познакомил меня с Гайдаровым, бывшим депутатом 3-ей Думы, министром путей сообщения у горцев Дагестана и Чечни (около 2-х миллионов). У него железной дороги — 200 верст. Он — с.-д. С пеной у рта говорит о Деникине: „пока вы его не уберете, мы все на Кавказе будем сепаратистами, а не федералистами". Развиваю свою программу образования блока федералистов в Париже и объединения всех инородцев и окраинцев. Горячо приветствует и он, и Савицкий—обещают помочь. Для начала Гайдаров просит помочь приехать сюда Азербейджанской делегации, застрявшей в Константинополе, особенно Топчибашеву. Обещаю.

2 апреля. Среда.

Видел Энно—его сегодня принял Пишон, выразил сожаление по поводу парламентского инцидента. Очень заинтересовался характеристикой украинского движения, просил подробного отчета. По вопросу о моем предложении создать международный комитет дважды просил доклад. Я обещал Энно схему.

Видел в час Бурцева в его редакции „Общее Дело"; все тот же, неутомимо ищет денег, собирает материалы, ненавидит Керенского, который собирается приехать в Париж „мутить"; не знает, что дальше делать, куда итти.

Обедал с Коноваловым и Третьяковым. Третьяков в тяжелой неврастении—делать нечего, толку никакого, на русское совещание все плюют, никто из власть имущих с ним не разговаривает; а переменить тактику, обдумывать тезисы для разговоров с большевиками — противно.

Коновалов тоже жалуется: деньги уходят на угощения всяких журналистов, а все это ни к чему.

Обедал в кафе де Пари; пришел туда Б. А. Бахметьев с Аджемовым; тоже признают, что дело дрянь. С Дона приехали генералы и говорят, что Дон бесповоротно погиб, а с ним и Кубань погибнет. Аджемов настаивает, что Кубань не погибла и что необходимо послать именно его туда от совещания — никто кроме Аджемова толком не знает, для чего ему, собственно, туда ехать, но посылают.

3 апреля. Четверг.

В 11 часов в министерстве иностранных дел у де-Селиньи (он получил письмо обо мне гр. Шевильи; говорили ему обо мне Пети и Гокие); встретил меня, как старого знакомого. Я рассказал ему об одесских делах, а потом изложил программу объединения всех парижских просителей из России под федералистическим флагом. Он очень одобрил, „Вы ведь этим можете оказать большие услуги России, я всецело в вашем распоряжении".

Тревожится только о моем отношении к украинцам, но я успокоил, что на федерации мы и с ними сойдемся, страхи же перед Галицией — чисто детские. Обещал прислать список и адреса всех находящихся здесь представителей бывших окраин России, указать мне лиц, подходящих для международного комитета борьбы с большевизмом, устроить мне интервью в „Petit Journal" и других газетах. Маклаков и Рубанович считают его искренним другом России. Его тоже просил, как и Облэ, послать в Одессу пушки и провизию.

В 11 часов видел Поклевского-Козелл, племянника; он говорит, что С. А. Шатлен в Букаресте, а дальше его французы не пустили — пакостят за Деникина. Шебеко тоже приехал, сообщает, что после приезда Франшэ д'Эспере все лихорадочно заработали для обороны Одессы. Авось.

В 12 часов был у Б. А. Каминки. Уехал из России до октябрьской революции, предвидя, что будет, и желая сберечь силы для дела восстановления России. Не представляет себе, как обеднела буржуазия в Одессе; здесь имеет свой банк.

Развил и ему мою теорию федерации, он спросил, а кто же представит Россию? Я ответил: „Вы, я, каждый русский, честно преданный интересам родины".

В 1 час завтрак с Б. А. Бахметьевым в отеле Мерис (там Сазонов дает очередной дипломатический завтрак большой компании).

Бахметьев говорит: Маклаков умен, талантлив, но не деловой человек; Львов — очень ослабел. Русское совещание — слабо. Беда не в большевиках, а в том, что их заме-

стить некому, против них в России пустое место. Бахметьев подал записку Вильсону, где излагает: 1) нужно окружить большевиков вооруженным кольцом, чтобы они скорее изжили себя (не посылая экспедиции, так как интервенция невозможна); 2) надо поддержать существующие обще-русские правительства и местные правительства и 3) надо говорить союзникам, что мы вовсе не по принципиальным соображениям отказываемся иметь сношения с большевиками, а из-за бесплодности, и что если процесс трансформации большевизма совершится, то не исключены и разговоры с ними. Эту последнюю формулу он всячески смягчает оговорками, считая очень вредным, чтобы о ней знали и к ней привыкали. В ответ на эту поданную им записку получил крайне лестное письмо — ответ от полковника Hous (ближайший сотрудник и друг Вильсона) и думает, что он уже руководствуется его запиской. Вообще, американцев не бранит, а, напротив, подчеркивает, что, несмотря на благосклонность американского общественного мнения к большевикам (собственно не большевиков одобряют, а боятся, что без них в России будет реакционная монархия) и на благоприятное для большевиков заключение посланных в Россию американцев (поехали большие друзья февральской революции как „dernier cri" демократии, а теперь считают этим „dernier cri" — большевизм), американцы все же не признают большевистского правительства. Сообщил мне, что у него в Америке есть несколько сот тысяч долларов Ц. В. П. К-та и что когда приедет Гучков, решим как с ними быть. Затею Гучкова в Германии считает ерундой, так как никто на армию Юденича средств не даст: у французов их нет, а Америка ничего не даст на поход против большевиков. Предложил работать в контакте с ним, одобрив мой проект лиги французских федералистов.

В 3 часа был у Рубановича. О Сазонове Клемансо сказал: „mais cet individu est capable de servir tous les regimes". Рубанович не признает ни воплей против большевиков в истерическом стиле Л. Андреева (статья в „Общем Деле"), ни науськивания против них европейской демократии, как против разбойников. Он, Рубанович, стоял за Принкипо, а теперь стоит за-то, чтобы проверить демократизм большевиков на европейскую мерку и тогда решить, как с ними быть. Он, Рубанович, на съезде в Берне, где хотели замять вопрос о большевиках, вытащил его и после двух дней дебатов добился того, что по поводу большевизма вынесли отрицательную резолюцию. Клемансо делает ошибки — он, ненавидя социалистов вообще, смешивает их в одну кашу с большевиками и хочет одним ударом смести всех — и за это его так и травят социалисты.

4 апреля. Пятница.

В 11 часов у Камерера в Министерстве Иностранных Дел. Все знает, ничему не верит. Холоден; считает, что большевизм вовсе уже не так опасен. Я: „Да, хорошо бы пустить его по всей Европе — он, пройдя через более здоровые европейские организмы, потеряет свою вирулентность — это лучший способ сделать его безвредным для человечества". Камерер: „Что Вы, нет, нет". Я говорю о бессилии французов в Одессе. Камерер: „Что же вы хотите от французов? Они не могут действовать, как боши". Я: „Так уведите их из Одессы — оставьте одних греков, они защитят Одессу". Камерер (опять): „Что Вы, нет, нет".

Когда я заговорил о лиге федералистов — сказал: „но зачем новая лига? Пусть ваше Совещание в Париже сделается федералистическим! Если здесь русские хотят, чтобы их слушали, они должны открыто признать три вещи: республику, федерацию и землю крестьянам. Без этого здесь ничего не сделаете. Мы не хотим, чтобы на нас смотрели, как на оплот абсолютизма и реакции; Деникин — правильно или неправильно считается реакционером — и с ним нечего больше делать". Похвалил Бахметьева, отзывался холодно о Сазонове и Маклакове.

Завтракаю в час у Маклакова с его сестрой. Говорю Маклакову о лиге федералистов; одобряет; в претензии, что раньше ему не сказал; говорит: „Вы сделаете большое дело, связав нас с национальностями, они нас не признают".

Я: — Вы ведь федералисты со вчерашнего дня — вам не верят.

Маклаков: — Я в русском совещании в большинстве случаев остаюсь при мнении Савинкова и Бахметьева. — Заявляет, что еще несколько месяцев тому назад телеграфировал Бахметьеву в Америку, что без федерации не обойтись. Написал записку об этом, но не подал, ибо в Совещании первый бы завопил Сазонов. Даст ее мне. Когда я сказал, что иду к М-м Мэнар д'Ориан, просил при случае уверить ее, что она напрасно считает его черносотенцем.

В 2 часа у М-м Мэнар д'Ориан; заявила, что я, кажется, был у нее в 1907 году (был у нее с Носарем-Хрусталевым), заговорили о большевизме, она — антибольшевичка, но будучи социалисткой центра (шикарный особняк, несколько миллионов) не признает интервенции и „этих господ с Quai d'Orsay". Говорит, что русское дело здесь губят Сазонов и Извольский, „которому мы обязаны этой ужасной войной". Сазонов будто бы по ее сведениям получает отставку и лишается 3.000 франков, которые он получает от французского правительства (?). Русские должны были притти

в Париж не как хулители революции, а как ее продолжатели, прося во имя принципов революционной демократии защиты от деспотизма антидемократических большевиков, а вышло, что просят защиты сторонники старого режима, которых никто во Франции не желает и не будет поддерживать. (Совершенно правильное замечание). Очень одобрила идею лиги федералистов, обещала пригласить к себе для меня проф. Олара, Альберта Тома, Марселя Самба, Реноделя, Лонгэ и др.

Советовала не говорить при них, что лигу одобряет Маклаков и Бахметьев — социалисты подумают, что и я реакционер. Стараюсь реабилитировать Маклакова—безуспешно.

В 9 часов докладывал в Бюро Возрождения России о положении вещей в Одессе — бюро состоит из шлиссельбуржца Иванова, проф. барона Корфа, д-ра Аитова, Кричевского, вдовы М. Р. Гоца и еще какой-то дамы.

Аджемов говорит мне: „ты не очень говори здесь о возможной работе с большевиками, а то мне уже рассказывали о твоем сообщении, будто большевики сохранили неприкосновенным Военно-Промышленный Комитет“. Подтверждаю, что Троцкий помог сохранить его.

5 апреля. Суббота.

В 11 у Альберта Тома, на rue de e'Université, ободранная приемная, грязная лестница, старый дом; на столе в приемной — речи Тома, напечатанные брошюрами за счет разных организаций; можно брать бесплатно. Тома все тот же: энергичный жест, энергично сжатые губы, неприветливая, деланная улыбка.

Я: — „Вы заняты, а мне нужен целый час, не откажитесь позавтракать со мной“. Тома вспомнил, что мы виделись с ним в России; я напомнил, что это было у Коновалова, когда Тома во время войны приезжал с Лушером ознакомиться с положением дела заготовок для военных надобностей.

Смотрит в записную книжку — все занято: каждый день с кем-нибудь завтракает, потом поездки в провинцию говорить речи.

Я: — „Тогда пообедайте со мной“. Тома: — „Но я должен иметь свободные вечера, чтобы писать мои газетные статьи“. Наконец, назначает на 18 апреля — завтракать. Попутно говорит: „Решено эвакуировать Одессу“. Я в отчаянии; „Да эвакуируйтесь, но оставьте, ради бога, греков, их войска хороши, они одни защитят Одессу“.

Пожимает плечами, недоволен. Прошу устроить мне свидание с Пишоном. Говорит, что и депутаты его с трудом ловят, но обещает.

Впечатление, которое произвел на нас А. Тома в первое его посещение Петрограда (в 1916 году) было несколько неопределенное. Он начал свое ознакомление с работой в России по снабжению армии (он был французским министром снабжения и приехал „усилить“ снабжение нашей армии) с пребывания в Ставке Верховного Главнокомандующего, где, как до нас доходили слухи, был обласкан. Центральный Военно-Промышленный Комитет, стоявший во главе снабжения армии, счел необходимым ознакомить Тома с положением работ, с невероятными трудностями, которые нам приходилось преодолевать, и с большими результатами, нами достигнутыми, несмотря на них.

Устроено было частное заседание на квартире А. И. Коновалова, в присутствии Тома и Лушера с одной стороны и большинства членов Бюро Центрального Военно-Промышленного Комитета — с другой. Тома с небрежностью авторитета, беседующего с профанами, стал указывать на то, что у нас ничего не делается, что в Архангельске (где он был) работы в порту идут черепашьим шагом, что так же работают в Питере на заводах и железных дорогах и что он де во Франции поставил все так, что работа кипит — он сам повсюду ездит, всех подстегивает, за всем наблюдает; стал нам советовать работать энергичнее и т. д. А в то время каждый из нас напрягал свои силы до максимума, который далеко превышал среднюю меру; это было возможно только в той атмосфере патриотического возбуждения, в которой мы жили. Можно себе представить, как небрежные замечания Тома на нас подействовали; все ему объясняли, в каких условиях мы работаем; холодно-остроумный В. В. Жуковский уверял А. Тома, что все в России мобилизовано для войны „кроме правительства“; я же, не утерпев, сказал ему: „верьте, что если бы у нас в России сплошь да рядом расстояние между двумя заводами, связанными между собой производством частей одного и того же предмета, не превышало в несколько раз вертикального масштаба Франции, мы бы дали армии не меньше Вас“. И результаты работы в России по снабжению армии были налицо: несмотря на безумное расточительство периода гражданской войны, беспредельное расхищение нашего военного имущества нашими солдатами при развале фронта, расхищение его немцами, румынами, чехо-словаками, финнами и т. д. имущества этого хватает еще и теперь.

Звонит Маклаков, он вчера обедал у депутата Рейнака и рассказывал ему о моих взглядах; тот заинтересовался, хочет поговорить со мной. Я, разумеется, согласен. Спрашиваю Маклакова, что верного в заявлении М-м Мэнар

о лишении Сазонова жалованья. Маклаков: „Чепуха, Сазонов ничего от французов не получает, только разрешение на шифр получил“. Спросил, что М-м Мэнар говорила о Савинкове, кажется, французы в нем разочаровались? М-м Мэнар сказала: „Удивительный народ вы, русские,— когда кого-нибудь называют Савинкову, он говорит: как этот...! и следует жест презрения“.

В 3 часа — у Быча (Лука Лаврентьевич) в отеле Mac-Mahon. Он служил управляющим отделением Восточного Общества Транспортирования Кладей в Баку лет 15, потом был приглашен бакинцами лет 8 назад городским головой, строил Линдлеевский водопровод, был председателем совета министров на Кубани, теперь — Председатель Кубанского Учредительного Собрания и Миссии. Был Председателем Бакинского Военно-Промышленного Комитета после Аршака Гукасова. Пристроил восемь лет тому назад Петлюру помощником бухгалтера в Петрограде в Восточном Обществе Товарных Складов; мужчина лет 45, усталый, с склерозом артерий, вялыми глазами, медленной речью и движениями. Он первый раз в Париже (по университету — товарищ Маклакова). Развиваю ему программу федералистического объединения. Говорит — поздно, нужно теперь спасать не Россию, не Кубань, а жизнь казаков; мобилизованы все от 18 до 70 лет, а большевики, победив, всех перережут. Донцы уже смяты, очередь за кубанцами. Надо спасаться. Я: — Что же сможет вас спасти, если союзники уведут войска? Быч: — Экономическая блокада, ее нужно сделать прочнее. Я: — У большевиков голодают уже год, но голодом всего народа покупается 1½ фунта хлеба для 500.000 солдат и для нескольких сот тысяч чиновников. Большевики в голоде могут существовать еще очень долго. Быч: — Тогда все погибло. Я: — Нет, сделаем федералистический союз Кубани, Дона, Азербейджана, горцев, Грузии, Крыма, Украины, Сибири, Архангельска, Эстляндии, Латвии, Литвы, — союзники такой союз поддержат, хотя бы снаряжением, ибо это входит в программу Вильсона; затем мы найдем способ связать этот союз с Россией; пока же, чувствуя себя окруженными единой демократической, республиканской федеративной организацией, и большевики будут стеснены, так как в глазах европейской демократии посягательство на такую федерацию будет иметь иной характер, чем борьба с реакционной Россией. Быч: — Да, может быть, но все же и теперь наша надежда больше всех на Петлюру, которого вы губили в Яссах. Я: — Петлюровское движение создано немцами. Юг ничего общего с Украиной галицийского типа не имеет. Быч: — Это — роковая ошибка: — Петлюра честный человек и никогда ничьим наймитом не был.

Я передаю ему отзывы Шульгина о Петлюре — „Керенский номер второй“. Быч: — Абсурд, Петлюра человек мужественный и дельный. Шульгин — это бедствие юга, он губил нас и на Кубани.

Обещал поговорить с украинцами, ингушами и донцами; говорил с кн. Львовым, который сказал по поводу заявления кубанцев о том, что они хотят полного отторжения от России: „Да, вам больше ничего не остается делать, как спасать себя, я вас понимаю“. Быч понимает грузин, которые себя таким же образом спасают. Говорил с Деникиным, когда тот сунулся к грузинам; Деникин сказал: „пошлю два, три полка и от грузин ничего не останется“. „Да разве ваша задача завоевать Грузию, сказал ему Быч, ведь там нет большевиков?“ — „А все равно там армия называется красной“. А когда генерал Ляхов взял Владикавказ, Деникин поздравлял его с новым покорением Кавказа.

Понимаю теперь заявление дагестанцев, что они и слышать не хотят о России, пока там Деникин.

В газетах известие, что французы оставляют Одессу. Свершилось.

6 апреля. Воскресенье.

Звоню к Маклакову по телефону, чтобы узнать об Одессе; как-будто правда. Пишон третьего дня ему сказал, что эвакуируют.

В 12 часов у Авксентьева в отеле „Рузвельт“ застал там Зензинова и Роговского, корректного и милого. Авксентьев ничего не говорит за завтраком о Колчаке, очень интересуется моей работой по поводу федерации, просит держать его в курсе; говорит, что работает в том же направлении. Керенский зовет их в Лондон, затрудняется выехать; приглашают его в Париж, но думают, что ему разрешение на приезд сюда получить будет трудно.

В 3 часа заезжаю к адвокату Антонелли, написавшему очень интересную книгу „Большевизм в России“. Он был в свите Нуланса, пробыл год в России, хорошо наблюдал, несколько преувеличивает „мистическую сторону славянской души“. Говорю о федерализме, спрашиваю, кто из французов мог бы поставить на реальную почву этот вопрос. Ответ прост: „Никто“. Русским вопросом здесь не интересуются, он сделался надоедливым. Вопрос этот также бросили, как бросают Одессу; о нем слишком много говорили, он слишком осточертел всем. Советует ставить вопрос о большевизме на экономическую почву. Надо убедить крестьян и рабочих мануфактурой и хлебом. Я: — Но на каком клочке территории начать эту пропаганду среди крестьян и рабочих? Антонелли: — Там, где большевики еще не у власти. Я: — Но

для того, чтобы большевики не захватили там власть, нужно защищать эту территорию, а чтобы союзники дали себе труд ее защищать, нужны серьезные основания, а чтобы создать такие основания, нужно учредить там республики и объединить их в федерацию. Антонелли: — Я не против этого, но подчеркивайте, здесь везде принцип мирной борьбы с большевизмом, иначе ничего у вас не выйдет. Принесите мне хорошую программу вашей федерации и я подумаю о людях, которых вам можно рекомендовать".

И от Антонелли никакого толка не будет; никого пока не назвал.

Получил, наконец, от Львова приглашение сделать доклад в Русском Совещании.

7 апреля. Понедельник.

В 11 часов у Жозефа Рейнак; великолепный особняк в парке Монсо, чудные книги, картины, произведения искусства. Слушает внимательно, порицает Русское Совещание — ничего не дало положительного; требует от него того же, что и Камерер — признания федерации, республики, земли крестьянам (а сам, ведь, правый депутат, сотрудник „Фигаро"). Я: — А что тогда сделают для России союзники? Рейнак: — Я не могу давать обязательства. Я: — Ну, а теоретически, раз интервенция отклонена, то что могут теперь дать союзники, если русская конференция и согласится на провозглашение этой триады? Рейнак: — Очевидно, что много дать не могут. Я: — Точнее говоря — ничего, а с другой стороны в России за большевизмом ведь наступит черная реакция: как же вы можете рассчитывать на то, что Сазонов, Извольский и др., к тому же никем не уполномоченные, сожгут свои корабли? Рейнак: — Пока они не сожгли моста между старой царской Россией и новой, союзники с Россией говорить не будут.

Замечаю, что мы ведь немного и требуем, — ведь, и Маклаков и Ефремов, и Стахович — послы Керенского, а правительство Керенского объявило республику. Перехожу к Одессе, говорю, что надо там оставить хоть греков, раз французы уходят; пишет для меня рекомендательное письмо к Венизелосу, с которым завтра завтракает.

Я говорю о Международном Комитете для мирной борьбы с большевизмом; соглашается помочь, но лишь после того, как русская конференция признает триаду: федерация, республика, земля крестьянам. Иначе не стоит и обращаться к Вильсону и Ллойд-Джорджу.

Иду к Венизелосу в отель Мерис. У греков национальный праздник. Секретарь просит притти завтра в 6 час. Спрашиваю, не знает ли он чего-нибудь об Одессе? — „Греки тоже ушли".

Был в Министерстве Иностранных Дел у де-Селиньи. Говорит, что дело дрянь. Одессу оставили, но Крыма пока еще нет.

Я: — Ерунда; в Крыму один французский полк; узнав, что французы ушли из Одессы, он потребует и своего увода. Крым погиб, а с ним и Деникин. Селиньи соглашается; ясно чувствуется, что все они устали и что им в конце концов безразлично.

Зашел там же к ком. Облэ проверить сведения об оставлении Одессы; ничего еще не знает (он в службе связи с Военным Министерством, но говорит, что он военные новости узнает с опозданием на 2 — 3 дня, так как военное министерство не торопится держать в курсе министерство Иностранных Дел).

Встретил генерала Щербачева — высох, болен. Рассказываю, что Одесса погибла, что это подтвердил Маклаков, узнав об этом из беседы с Пишоном, что очередь теперь за Деникиным. Мрачно молчит, ничего не знает, ничего и не может.

В 9 часов у Аитовых — там Авксентьев, Зензинов, Апостол, Струве, барон Корф, Михельсон, Третьяков.

Авксентьев сообщает, что по полученным сведениям, в Одессе один французский отряд перешел к большевикам. Никто не взволнован падением Одессы; никто не понимает, что идея интервенции безнадежно проваливается и что Россия останется надолго за большевиками.

М. В. БРАЙКЕВИЧ.

„ИЗ РЕВОЛЮЦИИ НАМ ЧТО-НИБУДЬ“...

Моцарт.

Но, проходя перед трактиром, вдруг
Услышал скрипку... Нет, мой друг, Сальери!
Смешнее отроду ты ничего
Не слыхивал!.. Слепой скрипач в трактире
Разыгрывал voi che sapete. Чудно!
Не вытерпел, привел я скрипача,
Чтоб угостить тебя его искусством.
Войди!
(Входит слепой старик со скрипкой).
Из Моцарта нам что-нибудь!
(Старик играет арию из „Дон-Жуана“; Моцарт хохочет).

Сальери.

И ты смеяться можешь?

Моцарт.

Ах, Сальери!
Ужель и сам ты не смеешься!

Передо мной два томика книжки М. С. Маргулиеса „Год Интервенции“. М. С. Маргулиес разыграл свое „из революции нам что-нибудь“.

У М. С. Маргулиеса есть свои несомненные заслуги и перед Россией и перед русским освободительным движением. Вызовите в вашей памяти вечно юную и бурно-энергичную фигуру его в роли защитника на политических процессах или организатора госпиталей для раненых во время войны, и вы легко припомните много хорошего и практичного, что сделал М. С. Маргулиес.

Но когда Маргулиес начинает заниматься созданием политической идеологии или, что еще хуже, выступает в роли практического политика — творит свои „образы Правления и Министерства“ — успех неизменно покидает его.

Пусть автор дневника не взыщет, но в роли политика и историка одной из глав русской революции он вызывает в моей памяти образ слепого музыканта, разыгрывавшего в трактире музыку Моцарта.

Старания много. Много, может быть, даже любви к музыке, а вот самой музыки нет. Почему? Нет слуха и му-

зыкального чутья, а оттого нет и понимания смысла музыки.

Какой-то природный, вероятно, недостаток политического слуха сделал М. С. Маргулиеса неспособным слышать великие темы русской революции.

Не так важно, пожалуй, почему Маргулиес не слышал, как важен самый факт: он не услышал. За этим фактом — практическое следствие. Русская революция с исключительной быстротой убрала с своего пути и „Южно-русскую власть" и „Северо-западное правительство", созданное бурной энергией М. С. Маргулиеса. В отношении практической политической деятельности приговор произнесен безапелляционно.

Остается литературная деятельность — книжка Маргулиеса. В ее изображении все то, что происходило в год интервенции, не есть кусок чего-то прекрасного, или мерзкого, но всегда большого, грандиозного в своей величине и в своем влиянии на будущее России.

Все это изображено Маргулиесом, как мелкий и пошлый калейдоскоп завтраков и обедов, сплетен и интриг, как примитивный балаганчик, в котором он раздает и отнимает свои „портфели".

Оттого-то его книжка и его рассказ о том, что и почему произошло в год интервенции, имеет цену музыки слепого и глухого музыканта.

Я думаю, что с этой оценкой согласится громадное большинство лиц, участвовавших или просто видевших своими глазами те события, о которых рассказывает Маргулиес. Для таких очевидцев никакого дальнейшего разбора книжки не требуется. Можно им просто предоставить по поводу „музыки Маргулиеса" или добродушно смеяться, как Моцарт, или негодовать, как Сальери. Это дело их личного темперамента.

Есть, однако, люди, которые собственными глазами не видели того, о чем рассказывает автор. С другой стороны, Маргулиес претендует на особое значение своего дневника для будущей исторической правды о русской революции. С этой целью он публикует свой дневник теперь же и говорит: „Необходимо своевременным появлением его на свет дать возможность лицам, в нем выведенным, внести исправления ошибок, неизбежных особенно в такие эпохи, как переживаемая, когда даже максимум самообладания не гарантирует полной объективности наблюдателя".

Таким образом, по мысли автора, его дневник, поскольку он не будет исправлен живыми участниками описываемых событий, должен получить печать достоверности исторического документа.

Я чувствую на себе некоторую обязанность помочь автору найти для его дневника надлежащее место в архиве исторических материалов. Обязанность эту я чувствую тем более, что целого ряда работавших бок о бок со мною участников событий, несмотря на то, что сами события были так недавно, нет уже в живых, и они не могут исправить легенд, которые творит о них дневник.

Я очень далек от надежды исправить все, что требует исправления. Это положительно невозможно. Отсутствие у Маргулиеса политического слуха настолько искажает и опошляет рисунок и перспективу изображаемых событий, что для надлежащего исправления нужно было бы, в сущности, написать новую историю интервенции. Для этого у меня нет времени.

Я ограничусь потому немногим и почти исключительно тем, что касается Юга.

I

Прежде всего, скажу мягко, неточен его рассказ о существе и последовательности возникновения Совета Государственного Объединения России (С.Г.О.Р.) и главных задачах его основателей [1]). Во-первых, формальная сторона дела. Не было никаких „организованных групп“, которые могли бы претендовать на представительство кого-нибудь: Государственных Дум всех созывов, земств старых (т.-е. составов до избрания по закону Временного Правительства), городских гласных доавгустовских (17 г.) выборов и т. д. Никакого твердого организационного признака, ценза для участия в таких группах не было. Не было также ни съезда, ни публичного оповещения об образовании группы, ни правильного избрания бюро, ни последующих собраний разорганизованной группы. Ничего или почти ничего этого не было. При образовании каждой группы было одно или несколько приватных собраний добрых знакомых, приглашенных тем или другим лицом.

С некоторой еще натяжкой можно говорить, как о чем-то организационно-связанном, о группе Законодательных Палат. И в этом случае надо отметить, однако, что в группе членов Государственных Дум 4 созывов не принимал участия по принципиальным соображениям ряд лиц, принадлежавших к составу одной из четырех Государственных Дум и находившихся в то время в Киеве.

---

[1]) При ссылках Брайкевича на текст Маргулиеса мы указываем страницы нашей перепечатки воспоминаний Маргулиеса и опускаем цитацию страниц заграничного издания.

Что касается до других групп, то в них, если судить хотя бы по моему личному опыту, было, вероятно, еще менее организационной конструктивности. Я, например, никогда не получал от М. С. Маргулиеса или от Ю. Н. Глебова приглашения ни на организационное собрание группы городских буржуазных [1]) гласных ни в заседание ее Комитета. Между тем М. С. Маргулиес отмечает, что я был избран в Комитет. Судя по сопоставлению дат, такое избрание состоялось, вероятно, в сентябре или, может быть в начале октября. Только в ноябре, кажется, т.-е. после переезда М. С. Маргулиеса из Киева в Одессу, я узнал от него об этом избрании.

Себя я считал входящим в С.Г.О.Р. (ниже я скажу, когда и почему я из него вышел) по своей принадлежности к другой группе.

В один из своих приездов в Киев (кажется, в начале сентября) я присутствовал на созванном М. С. Маргулиесом у него на квартире собрании деятелей промышленности и финансов. На нем присутствовали (человек 15 было всего народу), главным образом, члены Временного Правительства последнего состава и деятели Военно-Промышленного Комитета. Остальные участвовавшие в собрании промышленники и финансисты были людьми прогрессивно настроенными и близкими к тем деятелям, которые шли раньше в Центральный Военно-Промышленный Комитет и Временное Правительство. Мое участие в таком собрании по формальному признаку (я был председателем Одесского Обл. В. Пром. Ком. с его основания и впоследствии тов. министра торг. и пром. во второе министерство А. И. Коновалова) было естественным. По настроению собравшихся я не чувствовал себя в их среде чужим.

На этом собрании, насколько помню, были: проф. Н. Н. Савин, бывш. тов. министра при А. И. Коновалове, проф. М. В. Бернацкий бывш. министр фин. Временн. Прав., С. Н. Третьяков бывш. председат. Экономич. Сов. и министр Временного Прав., Д. В. Филатьев, бывш. тов. военного министра Врем. Прав., В. С. Лурье, М. С. Маргулиес, И. Г. Коган, оба брата Дан., Г. и Дм. Г. Балаховские. Остальных участников собрания не припомню теперь.

Все участники собрания были, конечно, антибольшевиками и все ярко чувствовали боль за национальное унижение России и тревогу за ее будущее. Это было время оккупации Германией всего Юга России и пышного расцвета в Киеве гонения не только на российскую государственность, но и на русский язык.

[1]) Не очень ясно, кто из гласных имел право по мысли М. С. Маргулиеса входить в такую группу.

Участвовавшими в собрании решено было образовать промышленно-финансово-торговую группу для взаимной поддержки и связи в работе каждого из нас по сохранению жизнедеятельности хозяйственного аппарата России.

Говорилось на собрании о том, что экономическая программа России должна быть реальной. Уточнения понятия „реальности“ в смысле предложения конкретной программы никто в этом собрании не делал. Формулировать же тогдашнее общее настроение собрания можно так: буржуазная экономика, обслуживающая свободную и демократическую Россию. Об образовании какого-либо антисоциалистического фронта никакой речи не было. Не говорил об этом и М. С. Маргулиес.

Выборов бюро в этом собрании не было сделано. Присутствовавшие просто заявили свое согласие войти в группу. Тем организационная работа и ограничилась тогда.

Нужно думать, что все группы С.Г.О.Р. имели такую же расплывчатую физиономию случайного, немногочисленного и неорганизованного собрания лиц. Деятельность их, насколько я знаю, выразилась почти исключительно в том, что они избрали по 5 лиц в пленум С.Г.О.Р. — всего 45 человек. А эти последние избрали 9 человек в бюро.

II

Надо сказать еще несколько слов об общей физиономии С.Г.О.Р., который, по мысли М.С.М., должен был стать панбуржуазным объединением.

М.С.М. говорит: „Организация этих трех групп навела нас на мысль о желательности и дальше распространить организацию русской буржуазии по группам“.

Прежде всего. Кто это — „мы“?

Я несколько опасаюсь, что автор дневника, возобновляя в своей памяти и ярко переживая свои собственные личные увлечения старой его идеей создать „радикальную партию“, невольно вводит в заблуждение читателя: никаких „мы“ не было. Думаю, был один М. С. Маргулиес.

По тексту М. С. М. читатель может подумать, что „мы“ это лица, фамилии которых перечислены выше и что эти лица разделяли вместе с М. С. М., идею об образовании панбуржуазного фронта „с тем, чтоб затем сговориться с группами социалистическими“.

Дело, как видите, шло как будто к тому, что М. С. Маргулиес становился во главе некоторого общественного движения, направленного к рожденню на свет „радикальной партии“, которая так и не родилась в 1905 г. С.Г.О.Р., по

мысли М. С. Маргулиеса, должен был, таким образом, сыграть роль скромной куколки, из которой под водительством автора дневника должен был родиться блестящей „папильон" — радикальная партия.

Я думаю, что этот тонкий замысел, о котором нам автор рассказывает в 1923 г., мог в 1918 г. только храниться им на самых больших глубинах его сердца в тишине и в тайне. Я не представляю себе, зная достаточно хорошо людей, перечисляемых выше, чтобы М. С. М. мог рискнуть в 1918 г. не только просить их содействия для осуществления такого замысла, но даже рассказать им о том, что он собирается из них сделать „радикалов". Прежде всего я должен исключить себя из числа этих лиц. Я говорил уже выше, что я был приобретен М. С. Маргулиесом в владение группы городских буржуазных гласных по методу, несколько напоминающему классические операции скупки мертвых душ.

Обратимся теперь к остальным, перечисленным автором дневника. Можно ли было построить единый буржуазный фронт? Разный ведь буржуазный строй бывает. Какого-нибудь единого хозяйственного синтеза, общего для различных течений несоциалистической мысли или несоциалистически настроенных социальных групп, в год интервенции ведь не было. Да нет и теперь еще.

Очень крупная доля русской буржуазии стояла тогда на крайнем полюсе, т.-е. отстаивала буржуазное хозяйство, неочищенное от феодальных пережитков старого помещичьего строя. Для нее та русская буржуазия, которая стремилась к буржуазному хозяйству западно-европейского и американского образца, т.-е. с политическим равноправием и равными экономическими возможностями — была, пожалуй, еще менее приемлема, чем социалистические группы.

И, пожалуй, много легче, чем с Лобко или Гурко, иной кадет мог сговориться с социалдемократом, если последний мыслил и признавал, что Россия по уровню развития своих производственных сил не вышла еще из капиталистического строя.

Невозможно было потому ожидать, чтобы феодально-буржуазные слои российской буржуазии пошли, как класс, под водительством М. С. Маргулиеса к его „радикальной партии".

Я думаю, впрочем, что и сам автор уверяет читателя только, будто он стремился к панбуржуазному фронту и дальнейшему сговору с социалистическими группами. На самом деле он быстро забывает об этих своих уверениях и, начиная со II главы книги первой, делается последовательным социалистоедом и кадетоедом. Только к концу книги второй, М. С. Маргулиес по тактическим соображениям вы-

сокой политики воздействия на „западно-европейское общественное мнение“ старается сдобрить свое „Северо-западное правительство“ левыми элементами.

Панбуржуазный фронт был образован — организацией С. Г. О. Р., но был образован в особом, очень далеком от творческого момента, смысле. Основа объединения лежала в чисто отрицательном моменте—горечи и нерассуждающем раздражении на все социалистические и почти на все кадетские и кадетствующие элементы после неуспеха Временного Правительства. Эта горечь питалась отчасти классово-эгоистическими мотивами—потерей земли помещиками и политической власти бывшим помещичьем и чиновничьим правящим классом,—отчасти, но в гораздо меньшем количестве случаев, боязнью под влиянием пережитого с февраля 1917 г., что все левое вносит дезорганизацию в армию и государственный строй.

Во всяком случае, в год интервенции классово эгоистические мотивы С. Г. О. Р. — оговариваюсь, не у всех его членов, но у большинства — заслоняли в его глазах все остальное. Они делали С. Г. О. Р. неспособными ни к какому творческому синтезу, ни к какой жертвенности своими классовыми интересами во имя интересов целого, интересов государства. В миниатюре и в карикатуре С. Г. О. Р. мыслил и действовал в год интервенции так, как мыслило и действовало правящее сословие в 1905 г. и накануне 1917 г.

В этом главное и в этом ключ к пониманию всего поведения С. Г. О. Р. в год интервенции. Никакой большой государственной идеи, никакой жертвенности. С кем угодно, лишь бы защитить свою „феодально-помещичью буржуазность“ и свое привилегированное положение.

И именно оттого С. Г. О. Р. сыграл такую бесславную роль в Одессе и оказался таким чуждым и таким вредным и для добровольческой армии, и для Одесской городской думы, и для противобольшевистского фронта объединенной демократии.

III

Посмотрим теперь, было ли на всем антибольшевистском фронте в год интервенции так безыдейно, так шкурно и так пошловато, как представляются автору дневника те события, которыми руководил он сам, или те, которые просто попадали в поле его зрения.

Я должен прежде всего возразить против манеры автора делать характеристики и давать аттестации. М. С. Маргулиес

ским воздухом. Его язык даже от петроградской слякоти не потерял еще южной красочности и одесской соли.

Но если отложить в сторону книжку М. С. М. на час, скажем, времени, и подумать, дать улетучиться гипнозу яркой формы, то мы без труда увидим, что словесный образ М. С. М., не отвечает реальной сущности того, что или кого характеризует нам автор дневника.

Во многих случаях такая манера автора давать аттестации никакой беды за собой не влечет. Нет ведь никакого вреда в том, что М. С. Маргулиес поведал во втором томе своему читателю, что Леонид Андреев „несносен, капризен, самовлюблен“ и что М. С. Маргулиес не признал за благо облечь доверием Л. Андреева и поручить ему „портфель“, министра пропаганды „Северо-Западного Правительства“. Неодобрительная аттестация М. С. Маргулиеса не погубит, вероятно, репутации Леонида Андреева. Читатель знаком с Леонидом Андреевым достаточно хорошо, даже несколько больше, чем с М. Маргулиесом. Да и сам М. С. Маргулиес реабилитировал впоследствии Леонида Андреева и даже на панихиду по Андрееве прибыл.

В других случаях однако, такая манера может приносит некоторый вред. М. С. Маргулиес аттестует только что прибывшему в Одессу Энно — Одесскую городскую думу. Ясно, что у Энно в это время не могло быть личного опыта по части одесской обстановки. В одесских делах он понимал столько же, сколько Ллойд Джорж в „генерале Харькове“.

Аттестация М. С. М. была суровая. Вот она: „Говорю: состав городской думы самый дикий; одиннадцать политических партий и ни одного решительного человека, большинство социалистическое с явным уклоном к большевизму; будет форменная ерунда, а не Дума“.

Верна ли аттестация? Я утверждаю, что нет. Прежде всего ни явного, ни тайного уклона к большевизму не было. Возьмем партийный состав: с-р—32; крестьянск. союза—18; кадет — 14; еврейского национального блока (сионисты и пр.)—13; с.-д. меньшев.—8; польских социал.—6; еврейск. соц. (разн. фракц.)—6; правых—6; украинцев (разн. фракц.)—5; большевиков — 3; нар. соц. — 2; польск. радикалов — 2 и 5 представителей по одному от разных мелких групп.

И так из всего числа от 120 гласных — официальных большевиков было всего 3 человека. Может быть, были тайные большевики и М. С. Маргулиес это знал?

И на этот вопрос факты дают отрицательный ответ.

Из всех остальных 117 гласных можно с трудом насчитать 7 — 10 человек, в сердце которых автор дневника мог хотя бы с малейшим правом открыть склонность к большевизму. Вот теперь, при 3-х летнем господстве большевиков

вырос под ярким одесским солнцем и обвеян соленым морв Одессе, в коммунисты из бывших гласных Думы состава 17—19 гг. перешло не больше 7—10 человек. При этом в числе перешедших нет ни одного представителя скольконибудь крупной думской фракции.

Каков был общий курс деятельности Думы за ее существование? Многострадальная Дума срока 17—19 гг. пережила за два года своего существования 8 раз перемену правительств, три раза была распущена различными правительствами, возрождалась всякий раз после этих роспусков и дожила до законного срока своих полномочий. Два раза она распускалась большевиками и раз украинцами. Во время всех государственных переворотов, начиная со свержения Временного Правительства, Одесская городская дума была всегда активно против большевиков.

Теперь посмотрим, насколько верно второе заявление М. С. Маргулиеса: „ни одного решительного человека“.

Если бы М. С. Маргулиес сказал, „что в составе Одесской думы 17—19 гг. не было человека „совершенно исключительной решительности“ или крупного государственного ума, я бы согласился с ним.

Людей же не „исключительно решительных“, а „просто решительных“ было в Думе, вопреки утверждению автора дневника, не мало. Было бы долго перечислять всех решительных и мужественных гласных. На выдержку я назову несколько фамилий. Вот, например, М. С. Маргулиес упоминает два имени: А. А. Ярошевича и Б. И. Кондратьева. Оба они в тяжелые и опасные дни жизни города показали себя мужественными и решительными. Всякая городская дума могла бы гордиться такими гласными. Я назову третье имя — Б. Ю. Фридмана. Нужно удивляться, сколько в этом маленьком и физически слабом человеке было железной воли и решительности. Стоит только припомнить, с каким достоинством разговаривал Б. Ю. Фридман, в бытность свою и. о. городского головы, с известным большевистским командующим войсками Муравьевым, когда он прибыл к нам в Одессу.

Ну, а все гласные, которые наспех и полуконспиративно подготавливали „резервы милиции“ и проч. организации для охраны порядка в городе в те несколько дней, когда Одесса была предоставлена собственной участи при переходе от первого режима большевиков к режиму немецкой оккупации. В этой игре тоже ведь рисковали головой. И никому в голову не приходило, что на это можно было и не решаться. Кончили игру хорошо: ни одного убитого в городе не было.

Вот еще случай отчетливой и решительной работы гласных. В Одессу прибыли знаменитые „симферопольцы"— отряд какого-то резерва флота, прославившиеся тем, что за несколько дней до своего появления в Одессу они устроили кровавую баню в Симферополе. Программа их деятельности была ими опубликована в утро их прибытия. Она сводилась к тому, чтобы исправить дефекты деятельности „нового исполкома" в направлении истинных интересов пролетариата, ибо новый [1]) исполком мирволит одесской буржуазии и недостаточно карает еврейских спекулянтов. Программа, как видите, довольно широкая. Крови она обещала, если бы диктатура „симферопольцев" утвердилась в Одессе, много. Положение усложнялось еще тем, что дней за пять до того в Одессе был произведен первый арест заложников буржуазии за неплатеж котрибуции в пользу безработных. Человек пятьдесят, и среди них очень почтенные и порядочные люди, сидели в тюрьме, при чем большевистский комендант города Гурьев признался (и я думаю искренно), что у него нет военной силы для охраны тюрьмы от толпы и всяческого вторжения.

Вооружены были „симферопольцы" с головы до ног и заняли под свое помещение гостиницу Бристоль. С 10 часов утра, когда прибыли в Одессу „симферопольцы", и до половины второго ночи, когда удалось, наконец, сплавить их из Бристоля на баржу в порт, а на другое утро на ст. Бирзулу, защищать коммунистическое правительство от наступающих немцев, кровавая бойня висела над Одессой. До ее предотвращения работало несколько гласных, пользуясь всеми средствами и связями, которые могло дать знание местной жизни.

Я позволю себе заверить автора дневника: момент был очень критический и работали гласные эти без болтовни, аккуратно и решительно.

Да мало ли разных случаев в этом роде было в бурные дни жизни Городской Думы срока избрания 17—19 г.г.

И я думаю, что М. С. Маргулиес не совсем основательно выдает свои аттестации Одесской Городской Думе, так мало задумываясь и столь решительно.

---

[1]) Передаю смысл этой любопытной декларации только приблизительно. У меня нет ее копии. Особенно интересно было то, что никакого „нового исполкома" в Одессе не было. Как только произошел в Одессе большевистский переворот (в январе 1918 г.) так был избран Исполнительный Комитет совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и нечто в роде Одесского Коммунистического Правительства с 8—10 комиссарами по разным отделам. Эти органы не менялись до самого падения первого режима большевиков; следовательно никакого „нового исполкома" вообще не существовало.

IV

Столь же мало задумывается автор дневника, когда аттестует застрявшее в Одессе офицерство. По его пониманию, все было так просто. Все может быть объяснено хлестким словечком: „Ресторанные“ офицеры, которые „предпочитали спокойные и прибыльные должности официантов в ресторанах и кафэ военной службе, связанной с личным риском“. На самом же деле существо положения было куда сложнее. Много офицеров перевидал я в Одессе. Были, конечно, и такие, которые занимались делами и похуже службы официантов. Напр.: притончики карточной игры открывали. Но, ведь, это были отдельные случаи, а не общее явление.

Каковы должны были быть нормы поведения офицерства после развала фронта русской армии, чтобы не вызвать осуждения автора дневника? Автор желает, очевидно, чтобы офицеры при первой возможности заняли место на „военной службе, связанной с личным риском“.

Так ли просто можно было это сделать?

Снова занять место в армии при мобилизации для войны России с иностранной державой для всякого бывшего офицера просто. Во-первых, есть приказ, во-вторых, психологически привычная, не возбуждающая никаких сомнений, профессиональная дорога. А вот поступить снова, да еще добровольцем, на военную службу для гражданской войны куда как сложно. И эту чисто военную психологию надо понимать. Тут два очень сложных вопроса. Первый чисто профессиональный: где и как русская армия вернее восстановится и появится снова военная дисциплина? У полк. Каменева и ген. Клембовского, или ген. Рагозы, или у ген. Деникина, Краснова и адм. Колчака?

Второй вопрос политический: в России должен был создаться какой-то новый государственный строй. Офицерство, как социальная группа, было политически подготовлено, пожалуй, меньше, чем всякая другая русская социальная группа для того, чтобы ясно разбираться в запутанной социально-политической обстановке. А между тем, идя на военную службу того или другого фронта гражданской войны, оно должно было сделать выбор политический и сугубо ответственный.

Оба этих вопроса были для офицерства чрезвычайно болезненными и очень сложными. Я не собираюсь, конечно, останавливаться на них здесь сколько нибудь исчерпывающе. Я хочу только показать, что было что-то побольше, чем „прибыльные должности в ресторанах и кафэ“, что часто удерживало офицерство от нового вступления на военную службу.

Не следует забывать и бытовой обстановки. Офицеры прибывали в Одессу, большею частью с Румынского фронта, ослабленными физически после 3 лет окопной жизни, ран и контузий, издерганными морально, во-первых развалом армии, во-вторых унижениями и издевательствами, которые пришлось примерно с мая—июня 1917 г., переносить им без всякой в громадном количестве случаев их личной вины. Некоторые были с женами и детьми, повыезжавшими к ним навстречу из разоренных гнезд в местностях, занятых большевиками. Этим уж некуда было ехать. Другие, напротив, стремились попасть на родину хотя на побывку, давно не зная, что сделалось с их семьями.

Чем встретил их тыл? За малым исключением люди очутились почти на улице. Найти работу было трудно. Я видел таких, которые шли служить по ресторанам часто с женами. Особенно в Киеве при торжествующей немецкой оккупации и гетманском режиме много было таких офицерских ресторанчиков.

Работа в Военно-Промышленном Комитете давала мне много случаев видеть разных офицеров и говорить с ними по душе. Особенно часты стали такие разговоры в 1918 г.

Основное стремление офицерства в то время было — переправиться в Добровольческую армию. Во мне это стремление находило горячий отклик. И не только во мне. Я мог бы назвать много, скажу больше, решающее большинство имен из той среды общественных деятелей, которым принадлежала честь выражать общественное мнение различных оттенков демократической и оборонческой социалистической мысли Одессы и которые думали, чувствовали и поступали в этом отношении приблизительно так же, как и я.

Мои наблюдения мне говорят, что решение вступить в ряды Добровольческой армии не означало еще для офицерства того, что оно решило до конца два болезненных вопроса, о которых я говорил выше — профессиональный и политический — и солидаризировало себя с политической физиономией Добровольческой армии, с принципом „военной диктатуры", с внутренней и внешней политикой Особого Совещания и т. д. Просто из всех выборов реальных возможностей Добровольческая армия представлялась более приемлемой. Главное, что влекло в нее и что заслоняло собою многое, неприемлемое, это была идея национального возрождения России и русской армии. После тяжелых переживаний и оскорблений национального чувства во время немецкой оккупации, украинизации и большевистской интернационализации естественен и понятен был взрыв острого и здорового патриотизма.

Повторяю, офицерство переживало сложную душевную драму, которую довольно глубоко таило в душе. Вся глубина ее вскрывалась иногда неожиданно в коротком замечании или перекосившей лицо гримасе.

Вот наконец, еще воспоминания об одном эпизоде, имеющем тесную связь с рассказом Маргулиеса о взятии станции Раздельная. В ноябре и самом начале декабря 1919 г. одесский штаб, в котором тогда распоряжались гетманские генералы, был занят задачей отражения петлюровского наступления на Одессу.

Гетман очутился в ноябре совсем без собственного войска. То небольшое, что он наформировал, почти полностью перешло на сторону Петлюры. Одесский штаб обратился тогда к русскому офицерству в лице вице-адмирала Ненюкова и ген. Леонтовича с просьбой принять участие в спешных формированиях для защиты Одессы от петлюровских частей. Симпатиями этого офицерства, ни гетманский режим, ни петлюровцы совершенно не пользовались. Офицерство по принципиальным соображениям не желало выступать на той или другой стороне борющихся между собою украинских сил. И за всем тем эту принципиальную позицию оно не смогло до конца выдержать.

Не очень трудно было понять, что петлюровские войска не представляли собою в военном отношении организованных, крепких единиц. Уж по одному этому петлюровская победа могла быть только предтечей большевизма.

Одесское население не хотело украинской власти и петлюровцев очень боялось. В этом отношении не может быть никаких сомнений. Отсутствие украинских симпатий было ясно из того, что при всеобщем избирательном праве в одесскую думу попало только 5 украинцев из общего числа гласных 120. Очень безуспешны были переговоры будущего премьера Голубовича ранней весной 1918 года[1]) с Одесской думой, когда он склонял ее объявить Одессу украинским городом. Наконец, настроение населения против украинцев совершенно ясно сказалось во время уличной бойни большевиков с украинцами в январе 1918 г.

Молодая украинская государственность в достаточной степени себя скомпрометировала в глазах одесского населения, когда она действовала без немецкой бонны, т. е. в ноябре и декабре 1917 г. К январю население уже без всякого колебания предпочитало украинцам даже большевиков.

---

[1]) Одесса находилась тогда под властью большевиков. Переговоры велись строго конспиративно. Распущенная официально Дума собиралась в частных собраниях тоже конспиративно.

В вопросе об отношениях одесского населения к петлюровцам и Украинской Директории автор дневника путает немилосердно. В одном месте он говорит: „В низах населения полное равнодушие к приходу петлюровцев; в городе среди прислуги, мелких служащих и торговцев, после численно преобладающих евреев, большинство малороссы. Правда, националистического чувства в их среде нет и в помине, но естественно, что приход „хохлов“ их ни в какой мере не смущает... что такое петлюровцы — понимают слабо; местных петлюровцев не чувствуем“. А в другом месте он же сообщает: „слухи о грабежах, которые петлюровские „гайдамаки“ учиняли в завоеванных городах и местечках, быстро заставили Одессу насторожиться и прихода петлюровцев она ждала с таким же трепетом, как и прихода большевиков“.

В сохранении этой путаницы автор последователен на всем протяжении первого тома своей книги вплоть до рассказа об его окончательном отбытии из Одессы.

После этого небольшого отступления, которое необходимо для того, чтобы понять тогдашние настроения Одессы, возвратимся к рассказу о том, почему офицерство не смогло выдержать своей принципиальной позиции.

Генерал Бискупский настаивал, чтобы русские офицеры пошли в формируемые им наспех отряды для защиты от петлюровцев подступов к Одессе. У самого Бискупского никаких реальных украинских войск не было. Не очень в порядке был и его штаб. В нем сидели украинцы - офицеры, которые в любой момент готовы были предать гетманское дело. Так, например было с полковником Н. Он сидел в штабе Бискупского и был, конечно, в курсе отправки всех формируемых Бискупским отрядов против петлюровцев. За неделю до сдачи Бискупским Одессы этот полковник открыл собственный петлюровский штаб тоже в Одессе, только на другой улице, но не очень далеко от штаба Бискупского (насколько помню, на углу Полицейской и Канатной). Когда петлюровцы вошли в город, он снова переселился в бывший штаб Бискупского на Пироговскую. Там он сидел, пока Гришин-Алмазов не выбил петлюровцев из Одессы 18 декабря.

Давать Бискупскому офицеров при такой обстановке было явно нелепо. Это значило отдавать их просто на убой. И тем не менее на офицерство шло давление с разных сторон. Происходит бурный разговор между Энно и ген. Леонтовичем и Леонтович и Ненюков отказываются дать русских офицеров. Но сочувствие к тревоге жителей Одессы, как никак приютившей этих 1500 офицеров оказывает свое действие. Ненюков склоняет часть офицеров (насколько

помню, 170 человек) итти на защиту Одессы под команду Бискупского. Они были растыканы маленькими отрядами по ближайшим к Одессе станциям Ю.-З. ж. д.

Все офицеры были бесстыдно преданы. Маргулиес рассказывает со слов Ненюкова о взятии ст. Раздельной: „петлюровцы подходили, добровольцы встретили их огнем, но немцы стали стрелять в тыл добровольцев; тогда те ушли, предоставив петлюровцам взять Раздельную“. С своей стороны автор дневника отмечает, вероятно, для посрамления „ресторанных“ офицеров: „Любопытно, что при всех этих операциях у важнейшей южной станции не оказалось ни одного убитого и даже раненого“.

Освещение автором дневника действие этих офицерских отрядов совершенно не верно.

Я не помню точно, произошло ли это у ст. Раздельной или у ст. Дачной (ближе к Одессе), но такой офицерский отрядик, попав между двух огней, был уничтожен. Насколько помню, 32 человека были убиты в бою или добиты после боя, раздеты и свалены в нечто вроде штабеля из трупов. Все как полагается. Затем следовало кошмарное дополнение к этой истории. Один из не совсем добитых очнулся ночью, высвободился из-под трупов своих товарищей и пополз голый с перебитой ногой сажен за 200 к хате на свет. Мужик побоялся петлюровцев и не взял его в хату, но стащил в погреб и накрыл соломой. Там этот офицер пробыл двое суток.

Так русское офицерство в то время обслуживало и рестораны, и подступы к Одессе.

V

Для того, чтобы покончить с оценкой манеры М. С. Маргулиеса давать аттестации, я скажу еще несколько слов по поводу его портретов членов так называемой Одесской „Директории“. Из трех ее членов в живых остался только я. И мне просто не хотелось бы, чтобы импрессионистский рисунок автора дневника кто-нибудь принял за подлинный образ умерших.

В отношении Е. Н. Бутенко автор дневника ограничивается коротким упоминанием. В его рассказе Е. Н. Бутенко это просто один из двух „архангелов“, которых городские деятели решили приставить в ген. Гришину-Алмазову. Я не знаю, в каком смысле следует понимать эпитет „архангел“. Подозреваю, что не в очень одобрительном. Думаю, что Е. Н. Бутенко мог навлечь на себя неодобрение М. С. Маргулиеса не личными своими качествами, а тем что согласился стать членом совещания при военном губернаторе. Этот

орган М. С. Маргулиес считал мешающим видам С.Г.О.Р. в его попытках созвать „Южно-русскую власть“.

На самом деле Е. Н. Бутенко не был, конечно, бесцветным статистом, которого можно было „приставить“. Бывший председатель Одесской уездной земской управы был очень незаурядной индивидуальностью. Инженер путей сообщения, сын помещика одесского уезда, он не соблазнился более широкими перспективами карьеры инженера и возвратился к более скромной работе у себя в уездном земстве. Быстро выдвинулся и был избран председателем Управы. Был Бутенко спокойным, очень деловитым и прогрессивным деятелем, превосходно знал уезд.

Никакого удовольствия или выгоды в том, чтобы быть членом совещания трех при военном губернаторе, Бутенко не видел, конечно, для себя. Ответственность перед Одесским населением была, наоборот, большая. Тем не менее, он пошел без длинных уговариваний, пошел просто потому, что этого хотела Городская Дума и Совет земств и городов Юга России.

Само совещание это имело несколько неопределенные функции. В его компетенцию входили принципиальные вопросы, возникающие при управлении гражданской частью. Сообразуясь с общими директивами, полученными Е. Н. и мною от наших товарищей, мы обсудили предварительно с ним, что мы будем понимать под „принципиальными вопросами“. Решили: 1) ограничить наше вмешательство только теми случаями, когда действия Гришина-Алмазова или его чинов в области гражданского управления пошли бы значительно в разрез с существующими настроениями Городской Думы и Земской Управы; 2) настаивать на нашем праве в случаях назначения высших чинов администрации с недостаточно деловой или моральной репутацией; 3) настаивать на нашем праве предварительно обсуждать с Гришиным и не позволять вводить в жизнь таких мероприятий по реквизициям для военных и проч. надобностей, по продовольственному делу и ряду других практических вопросов, которые не были бы приемлемы для органов самоуправления. Одним словом, не мешать управлять до тех пор, пока это управление не начинает нарушать интересов населения.

Наша программа была принята Гришиным-Алмазовым. Собирались мы раз в неделю. С 8 час. вечера до поздней ночи обсуждали, каков был результат деятельности администрации за прошлую неделю и что предполагается военным губернатором предпринять в будущую неделю. Я и теперь вспоминаю с удовольствием спокойную, деловую, чуждую всего личного или мелкого манеру Е. Н. Бутенко обсуждать вопросы и отстаивать свои точки зрения.

Портрету А. Н. Гришина-Алмазова автор дневника уделяет гораздо больше внимания и места. Тут мы попадаем в область бурной и страстной полемики его с тенью Гришина.

Я утверждаю, что портрет не похож. Прежде всего я отмечу несколько положительных черт Гришина-Алмазова. Думаю, что мне удастся сделать это с совершенной беспристрастностью. Пристрастие с моей стороны исключается хотя бы потому, что с Гришиным я не был связан общностью профессии, политических взглядов и т. п., и знал его только в Одессе в течение тех 5 месяцев, которые он у нас пробыл.

Начну с того, что Гришин был смелым человечком, который не останавливался в тех случаях, когда приходилось рисковать собственной головой. Он умер с достоинством, как мужественный человек. Гришин, конечно, не был человеком утонченного образования как, скажем, представитель петроградской адвокатуры. Но я не очень верю утверждению автора дневника, что Гришин автором „Трех сестер“ считал в самом деле Максима Горького (см. выше стр. 148). Слышал, как рассказывает М. С. Маргулиес, он такое заявление Гришина на ужине „богатом и шумном“, где много пили и больше, вероятно, говорили, чем слушали. Мало ли что могло показаться и Маргулиесу и Гришину, когда собутыльники слишком часто чокаются друг с другом. Впрочем, может быть, Гришин и намеренно экспроприировал Чехова в пользу Горького.

У него была манера слегка рисоваться своим учением „на медные деньги“ и пользоваться маской „солдатской необразованности“, „прямолинейности и примитивности“. Не знаю, делал ли он это затем, чтобы его считали в среде рядового армейского офицерства и солдат „своим“, или затем, чтобы слегка дурачить и сбивать с тона своих „тонко“ образованных собеседников.

Помню, как-то на возражение против его проекта какого-то слишком категорического обязательного постановления Гришин говорит мне и Бутенко: „Знаете, я, конечно, Скалозуб, но такие люди, как я, нужны для теперешнего времени. Потом будет время таких людей, как вы. Я тогда не буду годен и сойду со сцены“. На это Бутенко не без юмора ему возразил: — „А вот, Алексей Николаевич, вы бы теперь у нас немного подучились. Вот вам и не нужно будет сходить со сцены. Вы, ведь, человек молодой“.

Мы все трое рассмеялись, и Гришин тотчас сдал ту позицию, которую до того упорно защищал.

С Гришиным было приятно работать: он не викжелил и не грешил провинциальным макиавелизмом. С ним легко

было поругаться, разойтись, но если вы с ним на чем нибудь сговорились, он держал слово.

Успехом и возвышением из офицерской массы он был обязан своему несомненному знанию офицерской и солдатской психологии. Он умел находить путь к военному сердцу. Както он мне рассказывал, как он начинал объединять офицерство в Сибири после развала армии: „Бились мы, бились; никак программы для объединения офицерства найти не могли. Одни за учредительное собрание, другие за Романовых, третьи за автономию Сибири. Хоть брось. А объединиться надо, иначе большевики, как цыплят, голыми руками заберут. Только и мог придумать лозунг „всякое правительство лучше, чем анархия“. На нем и объединились первые группки Сибирского офицерства“.

В ноябре 1918 г. одесское офицерство было тоже в достаточной мере распыленной массой. Те болезненные для него вопросы, о которых я говорил выше, оно решало каждый по своему. В довольно далеком и не совсем ясном образе стояла перед ним Добровольческая армия. Даже доехать до нее было делом более или менее отдаленного будущего... Общего же решения, что делать здесь, в Одессе, и немедленно, т.-е. сегодня — завтра, не было.

К этой аморфной и ослабленной внутренними сомнениями офицерской среде Гришин подошел с большим чутьем и в короткое время дал ей спайку и пафос действенности. Уже ко дню высадки французских войск (17 декабря), под командой ген. Бориуса, небольшие сформированные им офицерские отряды представляли из себя несомненную, реальную военную силу. Опираясь на нее, Гришин заявил Бориусу, что он берется [1]) овладеть городом исключительно при помощи этих русских сил. На другой день он действительно сделал это и этим внес еще больше спайку в свои формирования. Впоследствии, при столкновении с французским командованием, он эксплоатировал то обстоятельство, что Одесса была взята Добровольческими частями, а французы находились только в тылу. Я видел сам, что для французов-военных этот аргумент Гришина имел силу и удерживал их некоторое время от прокламирования себя высшей властью в Одессе.

Ген. Гришин был честолюбив, с некоторым даже авантюристским оттенком, но в отношении с французами он знал черту, за которую не должен переходить никакой русский. Так наприм.: стоило Гришину не настаивать с таким упорством, как он это делал, на формировании русских добровольческих частей, а согласиться на „интернациональные

[1]) М. С. Маргулиес, не бывший в тот день в Одессе, совершенно неправильно рассказывает о взятии Одессы.

легионы“, как это хотели французские власти, и все неудовольствие против него и полк. Фрейденберга и М. С. Маргулиеса сняло бы как рукой. Гришин мог бы тогда оставаться военным губернатором Одессы неопределенно долгое время.

Наконец, я никогда не слышал, что Гришин делал деньги, пользуясь своим служебным положением. Вообще ничего похожего на те реквизиции, поборы с населения и пр., которые, по рассказам М. С. Маргулиеса, делались в районе действия „Северо-западного правительства“ или о которых приходилось слышать во время позднейшее, т.-е. при занятии некоторых городов Добровольческой армией летом и осенью 1919 г., Одесса не знала во все время губернаторства Гришина.

На этом мы покончим с оценкой манеры автора дневника давать аттестации как целым общественным группам, так и отдельным лицам.

VI

М. С. Маргулиес много раз и с большим раздражением говорит о помехе со стороны социалистов, кадетов, Союза Возрождения, Совета Земства и городов Юга России, наконец, Одесской Городской Думы планам его и С.Г.О.Р. осчастливить Одессу мирной жизнью под управлением его „Южно-русской власти“ и протекторатом французских оккупационных войск.

Поведение всех этих общественных сил представляется автору дневника не понятным, доктринерским, не государственным и во всяком случае не практичным.

Так ли это? Были ли реальны, т.-е. отвечали ли тогдашней психологии масс и тогдашней экономической необходимости линии поведения тех общественных сил, на которые так негодует автор дневника — это первый вопрос. И второй вопрос — представляли ли эти линии поведения из себя только нечто преходящее, годное для удовлетворения только требованиям минуты или они уже тогда были некоторой реалистической, созидательной и годной на более или менее длительное будущее идеологией?

Я позволю себе ответить на второй вопрос — в положительном смысле. Оживляя в своей памяти те идеи — выводы, к которым мы приходили после горячих споров в Союзе Возрождения (особенно когда Союз и численно и интеллектуально вырос с приездом в Одессу В. А. Мякотина, А. А. Титова, И. И. Фундаминского и др.), в Совете земств и городов Юга России и в Городской Думе, сопоставляя их с реальной обстановкой того времени и позднейшим до сего дня развитием хода русской революции, можно сказать с уверенностью, что уж тогда начавший слагаться фронт объеди-

ненной демократии много подвинул работу по приближению к конечному синтезу русской революции.

Это далеко не последнее еще слово. Но за всем тем можно с полным правом утверждать, что синтез объединенного демократического фронта в год интервенции был государственнее, ближе к реальным возможностям и психологии своего времени и, наконец, ближе к конечному синтезу, чем синтез С.Г.О.Р. Особого Совещания Добровольческой армии или Коммунистического правительства.

Очень немного уцелело писанных документов, отображающих тогдашний синтез начавшего слагаться фронта объединенной демократии. Передо мною пожелтевшие листки одного из главнейших таких документов — „Резолюции, принятые на съезде земских и городских сумоуправлений Юга России в Симферополе 30 ноября — 8 декабря 1918 г.".

Автор дневника относится очень неодобрительно к Симферопольскому съезду и в частности к моему в нем участию по мандату Одесской Городской Думы Его опасения, что в Симферополе соберутся представители 2—3 городов не оправдались. Были представители большинства главных городов Юга России. Труднее было прибыть по условиям времени представителям земств, но и земский голос был достаточно ясно слышен на съезде. Не оправдались точно так же предсказания и опасения М. С. Маргулиеса, о которых он говорит: „Я указывал ему на то, что съедутся, вероятно, представители одних социалистических партий... поездка же его, Брайкевича, кадета, который будет, вероятно, единственным несоциалистом на съезде, даст возможность организаторам этого съезда назвать съезд „демократическим" и его чисто социалистические требования противопоставлять под флагом единственно-„демократических"—требованиям несоциалистической демократии, как реакционным".

Громадное большинство на съезде было действительно социалистическим, но я вовсе не был единственным несоциалистом. Цифр не помню точно и отмечаю их очень приблизительно. По политическим партиям, считая в том числе и примыкающих, делегаты распределялись: с-р — 30; с-д-меньшевиков — 30; к-д — 9; н-с — 5. Но на съезде не было никакой попытки давить числом. Резолюции являлись результатом борьбы идей и после этой борьбы честного сговора [1].

---

[1]) За отсутствием среди членов съезда более именитых кадетов мне пришлось лидерствовать в кадетской фракции съезда и участвовать от нее в выработке резолюций в сеньорен-конвенте. Окончательный текст их вполне удовлетворял нас.

Я хорошо чувствовал всю ответственность перед к-д партией за те позиции, которые наша небольшая фракция на съезде занимала. Потому

между различными течениями мысли, а не результатом численного превосходства при голосовании. Все резолюции были приняты единогласно.

Очень большую роль в таком характере работ съезда сыграли члены Союза Возрождения. Официально, как таковые, они не выступали на съезде, но частные собрания членов съезда, принадлежащих к Союзу Возрождения, имели место во время работ съезда и очень облегчали в конечном счете взаимное понимание отдельных политических фракций. В этом была большая и положительная роль Союза Возрождения.

Резолюции Симферопольского съезда имеют большое значение, как показатель той работы мысли, которая шла в разных слоях населения Юга России. Ведь с октябрьского большевистского переворота русские граждане не имели другого такого случая легально, организованно и через ответственных своих представителей — высказать свое мнение.

Какова же была платформа Симферопольского съезда?

Я процитирую соответственные места резолюций. Вот они: По обще-политическому вопросу. „Съезд отвергает с одной стороны понимание единства России в смысле восстановления старого бюрократического централистического строя, в котором угнетение национальных прав отдельных народов прикрывалось идеей великодержавности великорусского племени. С другой стороны съезд высказывается против безусловного и бесповоротного признания за каждой национальностью прав на полное отделение от России, не считающееся с жизненными интересами всей совокупности народов России“.

„Стихийный большевизм масс будет изживаться по мере того как будет завершаться прерванный октябрьским переворотом процесс демократического обновления России, упрочения в ней политической и гражданской свободы, разрешения земельного вопроса в интересах трудящихся, обеспечения рабочим нормальных условий труда. И демократия

считал необходимым посоветоваться с нашими товарищами — членами ЦК— которые находились в то время в Симферополе. Предварительно я переговорил с М. М. Винавером, в то время министром ин. дел Крымского Правительства. Им было устроено совещание, на котором присутствовали наши партийные товарищи, бывшие в то время министрами Крымского Правительства, и несколько человек кадетской фракции земско-городского съезда. Совещание это состоялось в помещении Крымского Правительства поздно ночью после заседания Кабинета. Председательствовал М. М. Винавер. Наши позиции были одобрены.

Когда мы через два дня после этого голосовали единогласно резолюции Симферопольского съезда в оффициальном общем собрании съезда, мы делали это со спокойным сознанием, что они одобряются не только нами— небольшой кадетской фракцией съезда — но и нашими товарищами, ответственными лидерствующими членами центрального комитета кадетской партии.

знает только один метод для планомерного и безболезненного разрешения этих проблем: это — возвращение на путь систематического проведения начал народовластия. Страшный призрак гражданской войны отойдет в прошлое в тот день, когда народу не будет угрожать никакая диктатура, ни слева, ни справа"... „Южно-русское центральное правительство должно быть образовано путем сговора политических и общественных групп на государственном совещании в форме немногочисленной директории. Распределение мест в государственном совещании делается по соглашению политических и общественных групп таким образом, чтобы в нем были равномерно представлены оба крыла российской общественности (цензовые и нецензовые элементы). За действия свои в целом директория солидарно ответственна. Главнокомандующий всеми русскими силами на Юге России входит в директорию на правах директора. Высшее командование всеми военными силами на Юге России главнокомандующий осуществляет единолично".

По вопросам народного хозяйства „должно провести назревшие реформы в области земельных отношений и промышленной жизни с целью удовлетворения справедливых требований трудящихся, совместимых с условиями дальнейшего развития и подъема производительных сил всего народного хозяйства организма России".

По отношению к союзникам. „Восстановленная в своем единстве Россия мыслится съезду как государство, суверенные права которого ни чем не могут быть ограничены или стеснены"... „Старая Германия, проводившая политику насильственного расчленения России и хищнической эксплоатации ее, пала"... „Земско-Городской съезд, признавая возможность огромного значения содействия союзников в деле восстановления демократической России и с готовностью идя навстречу этому содействию, усматривает в нем помощь неокрепшей демократии России от старейших демократий Европы и Америки. Съезд убежден, что и тяжкие жертвы России в общем деле с союзниками и несомненная роль духовной и материальной культуры России в будущем — обеспечивают достойный и дружественный характер поддержки".

Для того, чтобы сделать еще более ясной ту „платформу" борьбы за воссоединение „единой, независимой и демократической России", в формулу которой Симферопольский съезд „вкладывал содержание, свойственное не одной какой-либо партии, объединяющее политические устремления широких кругов демократии", я остановлюсь еще на отношении съезда к большевикам и Добровольческой армии.

В отношении первых съезд говорил: „Большевистская диктатура могла сохранить свое господство лишь посред-

ством неслыханного попрания всех гражданских свобод и отвратительного террора; власть, лицемерно именующая себя „рабоче-крестьянской“ неизбежно встала на путь кровавой борьбы с бесчисленными крестьянскими восстаниями и систематического подавления организации рабочего класса... Советская власть отравляет русское государство ядом гражданской войны, и только ликвидация советской власти устранит основное препятствие к возрождению России“.

В отношении Добровольческой армии съезд говорил: „Земско-Городской съезд считает своим долгом засвидетельствовать заслуги Добровольческой армии в деле борьбы за восстановление государственного единства и независимости России — лозунги дорогие и земско-городской демократии. В мрачную эпоху конечного распада России, когда в стране торжествовала большевистская тирания, когда отдельные окраины стонали под игом австро-германской оккупации, Добровольческая армия с беззаветным мужеством, принося бесчисленные жертвы, боролась против тирании за воссоздание России, отказываясь итти на соглашение или признавать господство императорской Германии.

Съезд считает обязывающим неоднократные заявления генералов Алексеева и Деникина о том, что Добровольческая армия стоит вне партии и имеет своею целью способствовать скорейшему доведению объединенной России до всенародного Учредительного Собрания“.

Таков был синтез фронта объединенной демократии.

Было бы длинно и утомительно останавливаться на каждом отдельном случае и разъяснять недоумения автора дневника по поводу тех или других действий Городской Думы, Союза Возрождения, городского головы Одессы и т. д. Можно ограничиться просто общим указанием: так действовали потому, что демократия имела определенные и принципиальные позиции, выраженные ею на Симферопольском съезде. Эта принципиальность была не книжной, не головной, а реалистической, основанной на полном сознании требований жизни и психологии масс.

VII

Я закончу свой разбор беглыми изложениями фактической стороны еще нескольких событий, о которых автор дневника по тем или другим соображениям и обстоятельствам не все говорит или вовсе не говорит, но которые имеют значение для характеристики переживавшегося тогда времени.

Прежде всего я расскажу о двух эпизодах из жизни Городской Думы: аресте гласных и возобновлении деятель-

ности Думы явочным порядком 17 декабря. Кстати эти два эпизода дают ответ на поставленный мною выше вопрос, отвечали ли психологии населения линии поведения демократического фронта.

Рассказ об аресте гласных Городской Думы совсем не похож на то, что имело место в действительности. Никаких предварительных „повальных обысков“ не было. Никаких „ручных гранат, динамита и большого количества оружия при обысках у задержанных гласных“ найдено не было. Весь рассказ об этом, который с чужих слов приводит автор на страницах своего дневника. сплошной вздор, сплетня и вранье.

А факты были такие: Дума собралась на частное совещание, как это обыкновенно бывало тогда, когда она находилась на положении „официально распущенной“. Всех этих распускавших и не распускавших ее безответственных государственных властей Дума много перевидала за те два года, на которые ее избрало всеобщим голосованием одесское население. Дума очень чувствовала свою ответственность перед этим населением и должна была, конечно, „по возможности“ выполнять свои функции.

Все приличия в отношении престижа Гетманской администрации были соблюдены, т. е. не было повесток и собрались не в большом зале, а в кабинете члена Управы, заведующего финансовым отделением. Гласных было человек 90. Только что открыли заседание, как вдруг в проходе какое-то быстрое мелькание кругленькой фигурки с револьвером в высоко-поднятой руке и крик: „Ни с места. иначе употреблю оружие“! Я сразу не понял даже, в чем дело. Подумал: налетчики. Оказался Начальник Державной Гетманской варты с большим нарядом вооруженной воинской силы. Предписание от Мустафина показал, но причины ареста и обыска не объяснил.

С час продержали нас в кабинете: мы протестовали, полиция волновалась, переговаривалась по телефону о дополнительных инструкциях и т. д. Новость разнеслась по городу, у Думы набиралось публики все больше и больше.

Наконец, повели всех гласных, окруженных сплошной цепью из варты, вооруженной винтовками со штыками, в Воронцовский Дворец. Там помещалось Гетманское жандармское управление.

Любопытны были разговоры варты между собой и с сопровождавшей нас по сторонам публикой. Вопросы однообразны: „За что арестованы?“. Ответы варты в разных местах цепи самые разнообразные:—„Это большевики, черносотенцы, кадеты, революционеры, евреи, социалисты“.

За этим следует уже нечто общее: „Пристрелить бы и кончено, а не возиться тут с ними ночью“.

В Воронцовском Дворце картина уже другая: деловой порядок, организованность и единство действия. Начальник ротмистр Лангамер, из бывших ж.-д. жандармов, его помощники — прежние одесские жандармские офицеры царского режима. Переписывают по фамилиям и предлагают сдать бумажники и записные книжки. Ждем: происходит, очевидно, осмотр отобранных документов. Часам к 3 ночи начинают отпускать небольшими партиями. Часам к 4 нас остается 18 человек, которым объявляют, что они арестованы и будут отправлены в тюремный замок. Партийность: с.-р., с.-д.-меньшевики. Все социалисты—оборонцы. Из несоциалистов, кроме меня, С. Б. Лазаревич, публицист и очень известный общественный деятель-просвещенец. Итти с так недвусмысленно настроенной вартой до тюрьмы верст 6 по глухим местам мимо Чумки и глухой ночью — дело не подходящее. Совещаемся. По поручению товарищей делаю заявление Лангамеру:—мы хотим остаться здесь до рассвета, до тюрьмы итти теперь темно. Варте может показаться, что кто-нибудь из нас убегает. Могут быть недоразумения.

Лангамер быстро отвечает: „Что вы, господа? Перед вами не какой-нибудь большевик или украинец. Я старый и знающий свое дело русский жандарм. В тюрьму вы отправитесь с моей стражей. За нее я вам отвечаю. Будьте совершенно спокойны: недоразумений не будет“.

Б. Ю. Фридман шепчет мне: „вы знаете, он прав. Пойдем, сейчас безопасно“. Мы несколько раз потом смеялись, вспоминая, как акции „гарантии личности прежнего русского жандарма“ высоко поднялись на политической бирже. Все на свете относительно. Получаем на каждых трех человек по одному конвоиру и едем уже на извозчиках в тюрьму.

Общая камера без коек. Оживленный обмен мнений о причинах ареста. Кто-то высказывает предположение, что жандармы не очень солидарны с Мустафиным: не очень старались при осмотре. Мне тоже кажется, по какому-то трудно даже уловимому тону в жандармском управлении, что жандармы смотрели на наш арест, как на легкомысленное предприятие градоначальника, которым не стоит заниматься серьезно.

Утром нас перевели в одиночные камеры по двое, но сообщениям между камерами не препятствовали. К 2 часам появились передачи. Как оказалось впоследствии, из всех арестованных обыски были только у 2—3 человек довольно поверхностные, да и то на второй только день. Ничего существенного не было обнаружено этими обысками, да и не было его в самом деле.

Зато для Мустафина арест гласных обратился в сплошной скандал. Профессиональные союзы пригрозили всеобщей забастовкой, если гласные не будут выпущены немедленно. Из разных общественных организаций посыпались протесты. Одним словом, в тюрьме мы провели только три ночи.

Официального обвинения нам так и не было предъявлено. Слышал я, что не нравилась российская ориентация Думы и была какая-то смутная идея создать дело о сепаратистском заговоре, а, кстати, расправиться с наиболее влиятельными гласными демократического и социалистического крыла.

Во всяком случае, история с арестом гласных показала нам, что связь между Думой и населением и доверие последнего к Думе не оставляют желать лучшего.

VIII

Второй эпизод — заседание Думы 17 декабря — свидетельствует о том, что громадное большинство гласных одобрило позиции Симферопольского съезда.

Возвратились мы в Одессу со съезда 12 или 13 декабря. К этому времени петлюровцы уже вошли в Одессу. Их власть распространялась на весь город, за исключением района Николаевского бульвара с границей по Ланжероновской улице и вдоль Крымской гостиницы и части порта. Союз Возрождения и Совет земств и городов приютились в помещении Военно-Промышленного Комитета за несколько кварталов от бульвара. Там же происходили некоторые заседания С. Г. О. Р. и все совместные заседания представителей 4-х организаций (четвертая — Национальный центр). Для того, чтобы пройти из Военно-Промышленного Комитета в Думу, вы должны были перейти через государственную границу, разделявшую область компетенции двух правительств, ибо в районе Николаевского бульвара действовала „власть“ не то консула Энно, не то Добровольческой армии. Впрочем, изредка расставленные по Ланжероновской улице пограничники-гайдамаки не обставляли большими формальностями переход через границу своего государства. Паспортов, виз и пропусков не требовали. Только тогда, когда через границу переходил русский офицер, да еще в форме, они на него набрасывались, во всяком случае, отбирали оружие, а иногда и арестовывали.

В остальной части города петлюровцы вели себя выжидательно. Государственным банком и пр. овладели, начальствующих лиц поназначали, но существа власти еще не проявляли: оружия и автомобилей не отбирали и ничего у населения пока не реквизировали. Такой государственный строй продолжался в Одессе 6 дней до утра 18 декабря.

Возвратившиеся с Симферопольского съезда делегаты (кроме Б. Ю. Фридмана и меня от Одесской городской Думы, ездили вместе с нами делегаты от Киевской Городской Думы, одесского земства, Бессарабии (полуконспиративно), Всероссийского Комитета (земского, городского) сделали доклады в частных собраниях гласных городской думы, Союзе Возрождения [1]) и других организациях.

Было решено созвать явочным порядком открытое заседание Городской Думы на вторник 17 декабря для доклада о Симферопольском съезде и выбора городского головы. Вакансия была свободна уже месяца два, после отказа В. М. Богуцкого.

До поездки в Симферополь влиятельные с.-р. гласные спрашивали меня, не соглашусь ли я итти в головы. С.-р. вместе с крестьянским союзом и примыкающими составляли крупное большинство в Думе. Никаких условий, так или иначе меня связывающих в случае избрания, не ставили. Были у меня с предлагавшими мне итти в головы с.-р. давнишние добрые отношения. Тем не менее, я категорически отказался. Я уже был раз одесским городским головой в революционное время с марта по сентябрь 17 г. Работа, конечно, интересная, но выматывает человека до конца. Я считал, что свое отбыл и что простая справедливость

---

[1]) Любопытный разговор был у меня по окончании этого заседания с И. М. Люценко. Выхожу из Военно-Промышленного Комитета на улицу и встречаю его почти у дверей Комитета. И. М. Луценко был много лет известен в Одессе, как один из самых активных украинских деятелей. Прогрессивная Одесса во время утеснения украинского движения властями царского режима относилась с сочувствием к таким учреждениям, как Просвита, во главе которой стоял фактически И. М. Луценко. С ноября 1917 г. украинцы стали стремиться к положению господина и утеснителя всего русского. Отделение от России стало модным лозунгом в кругу немногочисленной украинской интеллигенции Одессы.

Отношения прогрессивной Одессы к украинцам резко изменилось.

И. М. Луценко был сделан, только что овладевшими городом петлюровцами чем-то вроде градоначальника. Путаясь между тоном вновь назначенного начальства и прежним тоном общественного деятеля, Луценко начал со мною разговор по украински, я отвечал по русски, так как понимаю по-украински хорошо, но говорю скверно.

— Так чтож, добродію Брайкевич, ваша Дума и Союз Возрождения, я слышал, на „Велику Москву" орентируются?

— Да, Иван Митрофанович, это все-таки лучше, чем на австрияков.

— Ну, значит разными дорогами мы с вами теперь, добродію Брайкевич, пойдем. Смотрите не пожалейте",— с некоторой угрозой сказал Луценко.

Я подозреваю, что появлением в моем доме гайдамаков вечером 17 декабря я обязан этому разговору. Как я узнал потом, Петлюровская контрразведка усиленно собирала имена и адреса всех членов Союза Возрождения. После того, как украинцы были выбиты из Одессы, списки членов, почти полные, были найдены в брошенных бумагах ее. Арестов, однако, за время пребывания, петлюровцев не было. Может быть не успели, а может быть не теряли еще надежды как-нибудь лаской поладить.

требует, чтобы этим делом занялся кто-нибудь другой из гласных. Так мы на этом и покончили, и я считал вопрос исчерпанным.

Главным в повестке заседания 17 декабря был доклад о съезде, который должны были делать Б. Ю. Фридман и я. Предстоял бой с частью социалистического крыла, не одобрявшей Симферопольских резолюций. Вторая часть повестки особого внимания с моей стороны не привлекала: я подумал, что за время нашего отсутствия кто-нибудь из видных с.-р. согласился итти в головы.

Интерес к заседанию 17 декабря повышался письмом И. М. Луценко на имя исп. о. городского головы А. А. Ярошевича. Общий смысл: предложение Думе солидаризироваться с петлюровскими властями, протестовать против дальнейшего пребывания в Одессе добровольческого офицерства и предполагаемого появления французского десанта.

По обсуждении письма в сеньорен-конвенте решили Луценко не отвечать и письма его в открытом собрании Думы не докладывать.

Заседание началось, сколько помню, около 1 часу дня при очень приподнятом настроении гласных. Места для публики были переполнены. Очень немного ораторов возражало против Симферопольских резолюций. Нападки делались почти исключительно на позиции в отношении Добровольческой армии. Точки зрения возражавших были приблизительно такие же, как были в Совете рабочих и крестьянских депутатов в эпоху Временного Правительства: т.-е. ожидание от армии той реакции, которая должна смести все революционные свободы.

Прения были горячие. И я и Фридман заостряли свою аргументацию. В результате Симферопольские резолюции, а, следовательно, и позиции, занятые на съезде делегатами от Одесской Думы, были одобрены очень крупным большинством.

Перед выборами городского головы был объявлен небольшой перерыв, во время которого мне сообщили, что я должен итти в головы. Доводы: и внутреннее положение Думы и внешняя обстановка. Скажу по совести, что такое сообщение не доставило мне удовольствия. Подчинился я только потому, что момент действительно был очень острый. Я позволил себе упомянуть об этом носящем до известной степени личный характер инциденте, чтобы еще полнее показать, что вся обстановка заседания Думы 17 декабря свидетельствовала о сочувствии Думы позициям Симферопольского съезда.

IX

Перейдем теперь к последним событиям, в которых напряженность отношений между объединенным демократическим фронтом и Добровольческой армией с одной стороны и с другой — С.Г.О.Р. и французскими командованием достигла кульминационного пункта. О них автор дневника рассказывает в главах VI и VII. Это были заключительные ходы С.Г.О. Р. и М. С. Маргулиеса к осуществлению долго лелеемой идеи „Южно-русской власти“. Объединенную демократию и Добровольческую армию разделял спор о „диктатуре“. В Одессе, однако, острота расхождения по вопросу „диктатуры“ чувствовалась практически мало. С одной стороны Екатеринодар уступил в споре о совещании трех при военном губернаторе и отказался от досрочного роспуска Городской Думы. Кроме того, представителями Добровольческой армии в Одессе были люди очень порядочные, хорошо известные городу и сблизившиеся с нами во время общих тяжелых переживаний при немецкой оккупации и гетманском режиме. Было совершенно естественным, что ген. А. С. Санников, занимавший в Одессе раньше должность начальника снабжения Румынского фронта и избранный во время австрийской оккупации одесским городским головой, стремился сгладить все трения, которые возникали между Екатеринодаром и Думой. Такой же была линия поведения адм. Ненюкова и др.

С другой стороны, та борьба, которая на почве охраны русского национального престижа возникла между добровольцами и французским командованием со времени появления в Одессе полк. Фреданбера, заслоняла собою всякое разногласие и объединяла все больше и больше демократический фронт с Добровольческим командованием против М. С. Маргулиеса, С.Г.О.Р. и полк. Фреданбера. До половины января французское командование в Одессе было представлено ген. Бориус. Это был прямой и честный генерал. Его назначение было временным, и он ограничивался только военным заданием — не пускать петлюровцев в Одессу. Он не путался в политику и не мешал Гришину формировать русские добровольческе части.

Сменивший его ген. д'Ансельм был тоже человеком доброжелательным, но достаточно слабохарактерным. Главную роль в политике французского командования при нем играл начальник его штаба полк. Фреданбер.

Не знаю, получил ли он соответственные инструкции из Парижа, или у него появилась самостоятельно идея о замене в Одессе правительства Добровольческой армии особым

Южно-русским правительством под верховенством французского командования или, наконец, эта идея была внушена ему впервые М. С. Маргулиесом во время свидания в Букаресте 30 декабря. Во всяком случае, немедленно по приезде Фреданбера в Одессу, начались трения с Гришиным, который желал производить формирование русских добровольческих войск в Одессе и освобождаемом от петлюровцев районе путем набора. Фреданбер стал настаивать на формировании не русских войск, а смешанных частей под командованием французских офицеров по типу иностранных легионов.

В области гражданской с приездом Фреданбера начались всевозможные комбинации правительств под эгидой французского командования. Тут были и украинцы и С.Г.О.Р. Была польщена предложением, неофициальным, правда, и Городская Дума. Однажды утром является в кабинет городского головы прис. повер. И. и спрашивает меня, как бы отнеслась Дума, если бы французское командование предложило ей принять на себя все функции правительственной власти в районе Одесского градоначальства и нескольких прилегающих к Одессе уездов, достаточных для снабжения Одессы продовольствием. Французское командование в этом случае взяло бы на себя военную охрану такой территории в виде протектората.

Я высказал сомнение в том, чтобы Дума пошла на такую комбинацию, ибо это была бы полуприкрытая форма обращения Одессы в французскую колонию. Собеседник мой был человек разумный и согласился с тем, что такое предложение не подходит нам.

И военные и гражданские устремления полк. Фреданбера явно отдавали колониальной политикой.

Гришин положительно лез на стену по поводу французского проекта смешанных формирований. И далеко не один только Гришин. Вот характерный разговор, который у меня был с председателем профессионального союза рабочих Астровым (Повесом), по поводу этого проекта. Повес был меньшевиком-интернационалистом. Теоретически—от него трудно, кажется, было ожидать острого национального чувства. Между тем на мой вопрос, как к таким формированиям, по его мнению, отнесутся рабочие, последовала с его стороны горячая реплика: „Я вам скажу, как я отнесусь. Это называется интернациональным легионом. Я знаю, как в таких легионах относятся к иностранцам. Такие легионы практикуются во французских колониях. Если французы думают обращать Россию в свою колонию, пусть они лучше убираются из Одессы. Лучше уж тогда большевики, чем французы. Я знаю, что лично мне при большевиках

будет очень плохо, может быть, и убьют. Большевики однако не на век. Лучше потерпим, но будем знать, что восстановится свободная Россия. Одесса — французская колония, это опасно, ибо может затянуться надолго“.

Сравните эти речи с „патриотическими“ речами в С. Г. О. Р. (стр. 162) самого автора дневника, С. Е. Крыжановского, графа Алексея Бобринского [1]), и вы увидите, где было настоящее национальное чувство.

Вы тогда поймете, что случилось и почему случилось в самой последней фазе деятельности С. Г. О. Р. о которой автор говорит на стр. 198. Я пополню его рассказ.

К ген. А. В. Шварцу я пришел затем, чтобы дружески предостеречь его от ошибки. Шварца я знал немного. Меня познакомил с ним А. И. Гучков за два - три месяца до описываемых событий. К Шварцу у меня было однако давнишнее уважение за его прославившуюся защиту Ивангорода, отсюда и доброе чувство. Мне было бы просто жаль, если бы он скомпрометировал свое хорошее имя участием в скверном деле — колониальном правительстве, которое мастерили полк. Фреданбер вместе с Маргулиесом и С. Г. О. Р.

Пока мы говорили со Шварцем, в соседней комнате собралось несколько человек во главе с М. С. Маргулиесом. Я собрался уходить. В это время Шварц предложил мне повторить высказанные мною ему соображения в том совещании, которое у него сейчас будет. Оказалось, что в соседней комнате собрались участники будущего Совета обороны при Командующем французскими войсками и некоторые из их вдохновителей. Было человек 8—10.

М. С. Маргулиес изложил мне вкратце схему этой „Южно-русской власти“ и состав предполагаемых правителей и осведомил меня, что все сделано с ведома и благословения С. Г. О. Р., а о новом правительстве будет опубликовано на следующий день.

Нервы мои в то время были очень натянуты. На предложенный мне М. С. Маргулиесом вопрос, как я отношусь к их плану, я, может быть, высказался в слишком резких выражениях. Но вся эта затея показалась мне такой пошлостью, какую я редко видел в своей жизни.

С точки же зрения разума и реальной обстановки вся комбинация была просто не умна. Это было для меня ясно как день и я поделился без больших стеснений в выражениях моими мыслями с собравшимися.

---

[1]) Сахарозаводчики из С. Г. О. Р. отличались, вообще говоря, горячими симпатиями к Украинской Директории. Происходили эти симпатии из их довольно наивных надежд на то, что петлюровские войска сохранят от расхищения запасы сахара на их заводах, если они сами будут лойяльны в отношении Украинской Директории.

Я сказал, что финальное наступление большевиков на Одессу, вероятно, очень близко. Лучшее средство отдать крепость—это переменить ее коменданта перед самым штурмом. Все предатели именно так и делают. Я сомневаюсь, зная офицерские настроения, чтобы Гришинские формирования Добровольческой армии остались в Одессе при новом политическом режиме. Если и останутся, — весь пафос их будет убит. Французский штаб и контр-разведка, как показали неудачи Херсона и Николаева, совершенно не ориентируются в местных отношениях и условиях российской гражданской войны. Добровольческая разведка, конечно, не идеал, но без нее французские и греческие войска будут оперировать в слепую. Войска Украинской Директории — разложившиеся банды (это я знал совершенно достоверно по операциям Военно-Промышленного Комитета для заготовки дров для Одессы. Операции эти велись как раз в районе действия петлюровцев вдоль Ю. З. ж. д.). Поэтому расчеты на помощь украинцев против большевиков совершенно вздорны. Опубликование в городе о новом виде правительства при французском командовании будет понято, как колониальная политика в отношении Одессы и Юга и вызовет резкое недовольство населения. Против Одессы, как хорошо известно, оперирует немного большевистских войск, в особенности по сравнению с численностью имеющихся в Одессе добровольческих, французских и греческих войск. Все дело однако в настроении. Я уверен, что затеваемый Фреданбером вместе с С. Г. О. Р. политический переворот произведет таки пагубные изменения в настроениях не только русских добровольческих войск, но, что, пожалуй, много важнее, всего населения Одессы, что я нисколько не удивлюсь, если большевики очень скоро овладеют Одессой.

К моему большому сожалению, будущее показало, что я был прав в анализе обстановки и опасения за будущее.

Я добавил при прощании для сведения присутствовавших, что все, что я говорил, есть пока мое личное мнение. Вместе с тем я предполагаю, что отражаю правильное настроение Городской Думы и общественных демократических организаций. Я немедленно осведомлюсь, правильно ли я предполагаю. Во всяком случае мы немедленно примем наши меры.

Сделано это было в тот же день. Было около 1 часа дня. Спускаясь в помещение Военно-Промышленного Комитета от Шварца (он жил в том же доме), я увидел, что в комнате президиума Военно-Промышленного Комитета, которую мы обыкновенно предоставляли в свободное время для заседаний различных общественных организаций, идет заседание С. Р. комитета. Я попросил председателя инфор-

мировать Комитет о вновь создающейся обстановке и сообщил, что сегодня после завтрака надо реагировать на нее.

Затем я попросил ген. Ансельма принять меня с депутацией сегодня часов около 6. К 5 часам было известно и согласовано мнение Городской Управы, Совета земств и городов, Союза Возрождения и влиятельных партийных деятелей партии к.-д., н.-с., с.-р. и с.-д.-меньшевиков. Была избрана делегация из 5 лиц—А. А. Титов, И. И. Фундаминский, Я. О. Рубинштейн, я и еще одно лицо, которое я не нахожу удобным теперь называть.

Поручение от этого демократического фронта было: заявить ген. Ансельму, что демократия может расходиться с Русской Добровольческой армией по вопросу диктатуры. Это однако наше внутреннее дело, которое мы сами собственными русскими силами и без всякого вмешательства иностранцев так или иначе улаживаем. Если французское командование вместо добровольческого управления Одессой создаст правительственный орган под своей эгидой, это вызовет острое недовольство одесского населения. В теперешнем споре между штабом французских войск и добровольческим командованием Одесская дума и наиболее влиятельные демократические и социалистические организации солидаризируются с Добровольческой армией против всяких попыток со стороны французского штаба устанавливать какую бы то ни было „Южно-русскую власть“, имеющую характер колониального режима и нарушающую суверенитет России.

Когда мы сделали это заявление генералу Ансельму, стало совершенно ясно, что его содержание было полной неожиданностью для этого бесхитростного старика. Очевидно, Фреданбер или С. Г. О. Р. убедили его, что „Совет Обороны“ и изгнание из Одессы А. С. Санникова и А. Н. Гришина будет самым популярным актом среди населения. Он очень внимательно выслушал депутацию и заявил, что пересмотрит весь вопрос. На этот раз затея М. С. Маргулиеса и полк. Фреданбера провалилась.

На другой день утром я отправился в Лондонскую гостиницу к В. В. Меллер-Закомельскому вручить ему письменное заявление о выходе моем из С. Г. О. Р. как организации, деятельность которой не соответствует ее названию, и предупредить его, что о мотивах выхода я поставлю в известность[1]) общественное мнение путем опубликования моего письменного заявления.

[1]) Мое письмо появилось в одесских газетах и произвело несколько отрезвляющее действие на С. Г. О. Р. Несколько членов его, в том числе присяжный поверенный Т., очень убеждали меня взять свой отказ обратно.

В вестибюле я встретил М. С. Маргулиеса, который сообщил мне, что его „Южно-русская власть“ вследствие нашего протеста не осуществилась и что он лично „от портфеля министра финансов“ отказался, уезжает и возлагает ответственность за свою неудачу спасти Одессу на демократические организации.

Вчера министр, сегодня путешественник, он покидал неоценившую его Одессу для прекрасного Парижа. М. С. Маргулиес очень настаивал, чтобы я в его присутствии выслушал от председателя С. Г. О. Р., что он пошел в министры только по требованию С. Г. О. Р. Мы прошли вместе к Меллеру, я с удовольствием выслушал это подтверждение и дал ему свое письмо о выходе.

X

Через несколько дней (17 или 18 декабря) полк. Фреданбер таки получил санкцию на устройство „Совета обороны“, воспользовавшись, вероятно, прибытием в Одессу ген. Франше д'Эспере, который был начальством Ансельма.

Под давлением французского командования А. С. Санников и А. Н. Гришин покинули Одессу на пароходе Добровольного флота. Я поехал их провожать. Обидно было на душе.

Новое правительство не укрепило положения Одессы. Напротив, день ото дня настроение разных социальных слоев населения резко менялось к худшему. Приблизительно на десятый день жизни правительства ухудшение настроений в рабочих кругах достигло такой степени, что прежнее правление профессиональных союзов, состоявшее почти исключительно из меньшевиков и находившееся в добрых отношениях с Городским самоуправлением, было ниспровергнуто. При перевыборах попали исключительно большевики. На демократическом фронте был этим сделан чреватый важными последствиями прорыв.

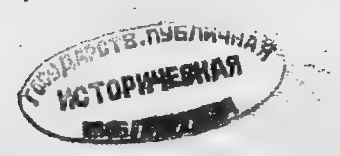
Еще через несколько дней, в среду утром 2 апреля позвонил мне П. М. Рутенберг и сообщил, что вчера ночью получен приказ об эвакуации Одессы и ген. Ансельм просит меня к нему. Последний день эвакуации был назначен генералом на пятницу 4 апреля. Он просил Городскую Управу быть посредником между французским командованием и вновь избранным большевистским правлением Проф. союзов, привести это правление к нему и присутствовать при его переговорах с ним об условиях вывода находящихся под его командованием французских, русских и греческих войск.

В 12 часов ночи в четверг состоялось это свидание между ген. Ансельмом и правлением Проф. союзов в каби-

нете ген. Ансельма на бульваре, в той комнате, которую я так хорошо когда-то знал и любил. Это был бывший кабинет Гр. Э. Вайнштейна, у которого в прежние времена собирались часто после заседаний Совета и некоторые члены Технического Общества, общества, в котором бился один из главных нервов прогрессивной жизни Одессы.

Томительно тянулись переговоры. Кончились только к 3 часам ночи. Генерал настоял на своей формуле: — он не капитулирует перед большевиками и не сдает города, а просто выводит войска вследствие приказа своего начальства. Председатель Проф. Союзов Чеменринский, кажется, мелкий служащий фотографии, не очень настаивал на военных тонкостях в вопросе сдачи города. Сколько этих войск было?— Приблизительно около 30 тысяч. Сколько против них было на фронте большевистских войск? — Одесса сосчитала эти большевистские войска, когда они вошли в город в субботу или воскресенье. Их было, как мне потом говорили грамотные в таком счете люди, около 2.500 человек. Командовал ими кап. Григорьев.

На этом я обрываю свой рассказ, вернее, свои поправки к рассказу М. С. Маргулиеса.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Р. Арский. Предисловие III

Ген. А. И. Деникин. Французы в Одессе.

Глава I. Появление союзников на юге России и их первые шаги.— Планы интервенции 3

Глава II. Ясское совещание. — Захват Одессы петлюровцами. — Начало французской интервенции и переход власти в Одессе к Добровольческому командованию 14

Глава III. Первые шаги Добровольческой власти в Одессе. — Деятельность русских политических организаций в Одессе 23

Глава IV. Украинские течения в Одессе. — Политика французов в отношении украинской директории и вооруженных сил Юга 40

Глава V. Военное положение одесской зоны. — Французская оккупация. — Падение Одессы 58

Глава VI. Крымское правительство. — Добровольческая армия в Крыму. — Разногласия между Симферополем и Екатеринодаром. — Французская интервенция в Севастополе. — Падение Крыма 74

Глава VII. Протокол англо-французской конференции. — Идея французской интервенции на Юге России. — Причины ее неудачи 91

М. С. Маргулиес. Вооруженная интервенция на юге России.

Глава I. Поиски выхода из тупика. — Полк. Фредамбэр и ген. д'Ансельм в Одессе. — Проекты организации южно-русской власти: Маргулиеса, кн. Е. Н. Трубецкого и С. Н. Маслова.— Попытка свидания с д'Ансельмом. — Французские планы организации управления в оккупированных районах. – Переговоры с социалистами. — Депутация у Фредамбэра. — Планы у хлеборобов 101

Глава II. Под знаком Принцевых островов. — Первые вести о Принцевых островах. — Делегация кубанцев. — Приказ Деникина о роспуске городских дум и земских собраний. — Среди промышленников. — Попытка украинцев сговориться с французами. — Опять Национальный Центр. — Митинг радикальной партии. — Доклад Андро. — Положительное отношение четырех организаций к Принцевым островам. — Сообщения А. И. Пильца 113

стр.

Глава III. Делегация С. Г. О. Р. в Екатеринодаре.—Доклад кн. Е. Н. Трубецкого. — Встреча с С. С. Крымом. — Вопрос об организации власти на Юго-Западе. — Телеграмма В. Я. Демченко.— Характеристика ген. Деникина. — Первые впечатления в Екатеринодаре. — С. Г. О. Р. — Роль кадетов в Совещании при ген. Деникине. — Кое-что о Троцком. — Центральный Военно-Промышленный Комитет 126

Глава IV. Принцевы острова. — Барон Меллер-Закомельский у ген. Бертело. — Проект организации противобольшевистской агитации. — Генерал А. В. Шварц. — Отъезд Пильца. — У ген. Санникова. — Борьба генерала Бертело с генералом Деникиным. — Андро де Ланжерон. — Сведения из Парижа.— Телеграмма из Парижа о Принцевых островах. — Энно у д'Ансельма. — Настроение у французов. — Свадьба Энно . . . 135

Глава V. Попытки сговориться с Петлюровцами.—У капитана Щербакова. — Морской отдел Ц. В. П. К-та. — Троцкий и Военно-Промышленные Комитеты. — Хлебный вопрос в Одессе. — На Одесской бирже. — Письмо кн. Щербатова из Екатеринодара. Заседание с Национальным Центром. — Андро у ген. Деникина. — Опять Петлюра. — Планы французов — смешанная Директория. — Доклад Б. Ф. Григоренко 150

Глава VI. Последние попытки сговориться с добровольцами.—Пересмотр вопроса о добровольцах в пленуме С. Г. О. Р. — Адмирал Канин о совещании при Деникине. — Доклад Бернацкого о финансах у Деникина. — Провал Принцевых островов.— Барон у д'Ансельма. — Неудавшаяся встреча деникинских министров с ген. д'Ансельмом. — У сахарозаводчиков. — Доклад полк. Веденяпина о добровольцах в Таврии. — Н. Е. Тесленко о Крымском правительстве. — М. В. Бернацкий и одесские деньги 161

Глава VII. Французы настаивают на немедленном создании местного правительства. — У полк. Фредамбэра. — На собрании одесских финансистов. — Кн. Е. Н. Трубецкой и гр. И. И. Толстой.— Фредамбэр требует немедленного создания местного правительства. — Выборы делегации в Екатеринодар. — Французы соглашаются сорганизовать местное правительство в виде совета при французском командовании. — Радио от Пишона, не признающее политической власти добровольцев. — Заседание у Национального Центра. — Дело с.-д. Темкина. — А. И. Гучков об организации пропаганды у Деникина. — Выход В. Бобринского из С. Г. О. Р. — Расстрел одиннадцати.— Военные операции французов. — Настроения французов. — Конец совместной работы четырех организаций 175

Глава VIII. Совещание при французском командовании. — Доклад Н. Н. Шебеко о наших делегатах в Париже и Лондоне.— Инцидент с П. Н. Милюковым в Париже. — Оставление Херсона союзниками. — Инструкции делегатам, едущим к Деникину. — Большевики надвигаются. — Прощание с Фредамбэром.—Барон Меллер-Закомельский договаривается с французами о совещании при французском командовании. — Требование бюро С. Г. О. Р. о вступлении Маргулиеса в совещание министром финансов. — Совещание будущих министров у Фредамбэра. — Последний проект французов. — Переговоры с ген. Шварцем. — Я отказываюсь вступить в Совещание.— Лебедев в бюро С. Г. О. Р. 190

стр.

Глава IX. В Париже.—Французские солдаты на „Тигре“. — В Констанце. — У Черновод. — В Букаресте. — У ген. Бертело.— Сообщения ген. Война-Панченко. — В. И. Гурко о нашей делегации. — Встреча с гр. Шевильи. — Встреча с д-ром Лазоверт.— Беседы с капитаном X. — Через Венгрию, Австрию, Швейцарию. — В Париже — у В. А. Маклакова, кн. Г. Е. Львова, у Пети (Галаховской), у А. И. Коновалова, И. Н. Ефремова. — Идеи санитарного кордона на Юго-Западе России.— У кап. Обле. — Маклаков о федерации 200

Глава X. Попытки спасти Одессу.—У ген. Щербачева. — Представители окраин. — Энно у Пишона. — Беспомощность русских в Париже. — У де Селиньи. — Беседа с Б. А. Бахметьевым.— У Рубановича. — У Камерера. У г-жи Мэнар-д'Ориан. — У Альберта Тома.— Тома в Ц. В. П. К-те в 1916 году. — У Л. Л. Быча. — У Н. Д. Авксентьева. — У Антонелли. — У Жозефа Рейнака. — У Венизелоса. — Одесса эвакуирована 211

М. В. Брайкевич. „Из революции нам что-нибудь“ . 223

Впервые перепечатываемые в СССР в настоящем сборнике воспоминания заимствованы из следующих белых изданий:

Ген. А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. IV. Изд. „Слово“. Берлин. 1925 г.

М. С. Маргулиес. Год интервенции. Книга первая. (Сентябрь 1918 г.– апрель 1919 г.). Изд. З. И. Гржебина. Берлин. 1923 г.

М. В. Брайкевич. „Из революции нам что-нибудь“ — в журнале „На чужой стороне“. Изд. „Ватага“. Берлин, 1924 г., кн. V.

10.06.-93

8.01.04